

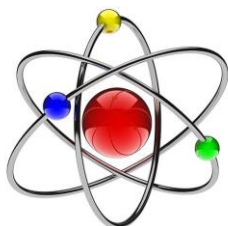
СЕТЕВОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ * <http://WWW.NOO-JOURNAL.RU> * ISSN 2311-1763

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-53538 от 04 апреля 2013 г. Роскомнадзора

SCIENCE. SOCIETY. DEFENCE
NAUKA. OBŖESTVO. OBOBONA

*«Каждый должен встать
за свою страну и за свой народ
словом, письмом и делом»*

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год

NOO-JOURNAL.RU

НАУКА ОБЩЕСТВО ОБОРОНА

ISSN 2311-1763

9 772311 176774 >

МОСКВА

Том 9 № 3
Vol. 9 № 3
2021

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая политика

Таньшина Н. П. «Какой писатель нынче в моде?» Образы России в исторической памяти французов

Чумиков А. Н. Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация

Корнилова О. В. Возникновение и становление «Катыни» как места памяти: пропагандистская операция Третьего рейха в 1943 году

Мировая политика: история, теория, практика

Макарычев А. С. Социал-демократия Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны

Международные отношения

Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм накануне Второй мировой войны: история и современность

История в лицах

Хохлов В. С. Николай Иванович Гапич: «История не забудет, что начальник связи Красной армии получает указания по связи после начала войны...»

История верований, религий и церквей

Самойловский А. Л. История папства: Synodus Horrenda – Трупный синод, Церковные соборы IX века

Историография

Бельский В. Ю., Марченя П. П. «Нужно встать на плечи предков»

CONTENTS

HISTORICAL POLICY

Tanshina N. P. "What kind of writer is in fashion today?" Images of Russia in the historical memory of the French

Chumikov A. N. Positioning of military history: commemoration and interpretation

Kornilova O. V. The Origin and Genezis of Katyn as a Place of Memory: Propaganda Operation of the Third Reich in 1943

WORLD POLITICS: HISTORY, THEORY AND PRACTICE

Makarychev A. S. Social Democracy of Königsberg and East Prussia during the World War I

INTERNATIONAL RELATIONS

Grishin Y. Y., Galiullin M. Z., Kadyrov R. R. Prometheism on the eve of the World War II: history and modernity

HISTORY IN THE FACES

Khokhlov V. S. Nikolay Ivanovich Gapich: "History will not forget that the Chief of Communications of the Red Army receives instructions on communications after the start of the war..."

HISTORY OF FAITH, RELIGION, DENOMINATION OR CHURCH

Samoylovskiy A. L. History of the papacy: Synodus Horrenda – The Cadaver Synod, 9th-century Christianity

HISTORIOGRAPHY

Belskiy V. Yu., Marchenya P. P. "It is necessary to stand on the shoulders of the ancestors"

УДК: 93/94(4)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-21-21

Поступила в редакцию: 05.07.2021 г.

Submitted: July 5, 2021

Опубликована: 11.09.2021 г.

Published online: September 11, 2021

Для цитирования: Таньшина Н. П. «Какой писатель нынче в моде?». Образы России в исторической памяти французов // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 21-21.

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-21-21>.

For citation: Tanshina N. P. "What kind of writer is in fashion today?". Images of Russia in the historical memory of the French. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):21-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-21-21>.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the research work of the state task of RANEPА.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Оригинальная статья

«Какой писатель нынче в моде?» Образы России в исторической памяти французов

Наталья Петровна Таньшина^{1, 2} ✉

¹ Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

² Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Аннотация:

Цель статьи заключается в исследовании механизмов формирования исторической памяти и забвения на примере анализа работ французских путешественников, писавших о николаевской России. В статье ставится проблема: в России эпохи правления императора Николая I побывало немало путешественников и многие из них оставили свои наблюдения в виде путевых заметок, научных трудов, повестей, но большинство из этих книг оказались забыты, а широко известна лишь работа маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». В основу написания статьи легли работы о России французских авторов: Шарля де Сен-Жюльена, виконта Ш.-В. д'Арленкура, графа Поля де Жюльвекура, Жермена де Ланьи, Фредерика Лакруа, Ксавье Мармье, никогда не переводившиеся на русский язык. Нельзя сказать, что абсолютно все эти книги забыты. Часть из них регулярно переиздается и переводится на европейские языки, другие же никогда не переиздавались и не переводились. Однако ни одна из этих книг не достигла популярности работы А. де Кюстина. Связано ли это с литературными достоинствами или недостатками этих книг? Каковы механизмы формирования исторической памяти и забвения? Какой должна была быть книга, чтобы остаться в памяти потомков? Какие работы и по каким причинам оказались забыты? Все эти вопросы рассматриваются в рамках этой статьи. В статье делается вывод о политической ангажированности исторической памяти, что объясняет популярность работ, выдержанных в духе книги А. де Кюстина, в которых воссоздан негативный образ России.

Ключевые слова:

историческая память и забвение, россия, виконт В. д'Арленкур, маркиз А. де Кюстин, Ш. де Сен-Жюльен, граф П. де Жюльвекур, Ж. де Ланьи, Ф. Лакруа, барон П. де Барант, К. Мармье, Российская империя, травелоги, иностранцы в России, российско-французские отношения, стереотипы взаимного восприятия

ВВЕДЕНИЕ

В истории неразрывно взаимосвязаны два явления: память и забвение. Одни события, исторические периоды и личности у всех на слуху, а другие, по разным причинам, стираются из памяти. И вовсе не значит, что то, что было предано забвению, неважно, несущественно и недостойно того, чтобы остаться в памяти потомков, как массовой, так и исторической. Например, сейчас мало кому известно имя графа Жан-Жака де Селлона, а ведь именно этот женеvский пацифист, борец за отмену смертной казни, создатель Женевского общества мира, стоял у истоков Лиги Наций и ООН, по его инициативе был создан Международный Арбитражный суд, а под влиянием его идей Анри Дюнан создал Красный Крест. Или режим Июльской монархии во Франции (1830—1848), когда были апробированы многие современные политические институты Франции, является «немодной» темой в историографии, а в массовом сознании Июльская монархия осталась временем, когда Франция, говоря словами поэта и политика Альфонса Ламартина, «сучала». Или имя Чарльза Дарвина известно каждому школьнику, а имя Альфреда Уоллеса, его коллеги, пришедшего к сходным выводам и в чем-то даже опережавшего Дарвина, широкой публике знакомо гораздо меньше. То же самое случается с книгами.

В 1839 г. французский аристократ маркиз Астольф де Кюстин (1790—1857) совершил путешествие в Россию и по его итогам в 1843 г. опубликовал одну из самых известных и скандальных книг о нашей стране — «Россия в 1839 году».

Между тем, в Российской империи в годы царствования Николая I побывало немало французов, и многие оставили путевые заметки, наблюдения, обобщающие труды о России и даже романы. Одни из них, как Кюстин, совершали короткое путешествие; другие некоторое время жили в России. Кто-то просто путешествовал, собирал информацию, кто-то был по долгу службы, кто-то совершал «воображаемые путешествия». Но если книга маркиза де Кюстина сразу приобрела широкую известность, то с работами его современников и соотечественников дело обстояло иначе. При этом нельзя сказать, что абсолютно все эти книги забыты. Часть из них регулярно переиздается и переводится на европейские языки, другие же никогда не переиздавались и не переводились. Связано ли это с литературными достоинствами этих книг? Каковы механизмы формирования исторической памяти и забвения? Какой должна была быть книга, чтобы остаться в памяти потомков? Все эти вопросы находятся в центре данной статьи, написанной на основе путевых заметок, воспоминаний о пребывании в России, просто книг о России французских путешественников (и не только), которые никогда не переводились на русский язык. Это книги Шарля де Сен-Жюльена, виконта Ш.-В. д'Арленкура, графа Поля де Жюльвекура, Жермена де Ланьи, Фредерика Лакруа, Ксавье Мармье.

МАРКИЗ ДЕ КЮСТИН И ЕГО «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»

Несмотря на напряженные отношения между Россией и Францией в 1830—1840-е гг., что было связано с негативным отношением императора Николая I к режиму Июльской монархии, возникшей в ходе Июльской революции 1830 г., возглавляемой «королем-узурпатором» Луи-Филиппом Орлеанским, и, как следствие, весьма ограниченные и затрудненные контакты между двумя странами, для французских путешественников Россия была очень привлекательной страной. Как писал граф де Жюльвекур, европейцы запрашивают «паспорта в Петербург и Москву. Рим и его бывшее величие их больше не интересует. Будущее находится на берегах Невы» [1, VII]. Другой француз, Шарль де Сен-Жюльен, написал первый путеводитель по Санкт-Петербургу, анонимный, которым пользовался Оноре Бальзак во время своего путешествия в Россию в 1843 г. О России, как известно, прославленный писатель ничего не написал, кроме «Письма о Киеве» [2, 2-26]. Почему не написал, ведь он стремился обрести в России славу и признание? Потому, что приехал не вовремя, а именно сразу после публикации книги Астольфа де Кюстина.

Эта книга почти на два столетия вперед подмочила репутацию России, сформировав образ варварского, деспотичного государства, «царства фасадов», «пустыни без покоя» и «тюрьмы без отдыха». Почему именно эта книга стала такой популярной и не просто осталась в исторической памяти, а по сию пору остается очень читаемой, особенно в политических кругах? Например, она была весьма востребована во времена холодной войны, а по словам посла Соединенных Штатов в России в 1946—1948 гг. Уолтера Беделла Смита, книга Кюстина является лучшим произведением, когда-либо написанным о Советском Союзе. Збигнев Бжезинский в предисловии к изданию 1987 года писал: «Ни один советолог еще ничего не добавил к прозрениям Кюстина в том, что касается русского характера и византийской природы русской политической системы» [3, 108].

О книге маркиза де Кюстина написано множество работ, и многие авторы изучали вопрос о причинах ее успеха [4, 142-151]. О причинах популярности «России в 1839 году» активно размышляли сразу после первой публикации книги, особенно в недрах Третьего отделения, озабоченного написанием достойных опровержений на работу Кюстина. Тогда в отношениях между Россией и Францией происходили настоящие «журнальные войны», в которые были вовлечены выдающиеся умы эпохи, как, например, Ф.И. Тютчев, П.А. Вяземский. Князь Вяземский в своей так и не опубликованной при жизни работе (она была опубликована только в 1967 г. в книге французского исследователя Мишеля Кадо) тонко подметил основные причины успеха книги Кюстина. Во-первых, она состояла из набора устоявшихся штампов и стереотипов, воссоздавая совершенно распространенный и узнаваемый на Западе образ России. Французы видели в книге то, что ожидали увидеть, как это было, например, во время их пребывания в реальной России в ходе Отечественной войны 1812 г., когда они наблюдали белых медведей под Смоленском и северное сияние под Березиной [5, 410, 399]. Во-вторых, книга провоцировала скандал, и уже одно это предвещало ей успех. Как писал П.А. Вяземский, «если людям нравятся сказки, то еще больше им нравится шумиха и скандал. Это прекрасная пища для бездельников, людей простодушных и доверчивых. Стоит ли удивляться тому, что эта работа, написанная, очевидно, исключительно с целью угодить современным политическим настроениям, имела резонанс?» [6, 265-266].

При этом людям нравятся не просто сказки, а страшные сказки, и современные специалисты в области рекламы и медиа отлично знают, что хорошая история – это негативная история. Кюстин как раз создал экзотичную, но при этом, на мой взгляд, страшную сказку. Как отмечал современный отечественный исследователь А.Р. Ощепков, Кюстин «предложил модель описания России, основанную на демонизации “Другого”. Ему удалось не просто положить конец той “фундаментальной двойственности” (М. Кадо), которой было отмечено восприятие России в докюстиновский период, не просто демифологизировать Россию, разрушить тот миф о России — оплоте порядка и “священных принципов” монархизма, который создавали и культивировали французские легитимисты, но демонизировать образ нашей страны в сознании Запада» [4, 149].

Кроме того, сказки, или мифы о России, формировались в европейском сознании на основе собственных коллективных представлений европейцев, или, говоря языком К.Г. Юнга, архетипов. Как верно отмечает симферопольский исследователь В.В. Орехов, «восприятие французами России зачастую обусловлено не объективным знанием, а архаическими схемами, диктующими определенную программу действий и оценок при освоении реалий, принадлежащих иному этносу, сообществу, социальной системе» [7, 165]. То есть у европейцев и французов, в частности, была (и есть) своя Россия, мифологическая и сказочная, вовсе не

похожая на Россию реальную. Поэтому им зачастую и не надо было ее посещать, они и так знали, что напишут, что очень точно отметил в своей статье 1861 г. Ф.М. Достоевский: «Француз ничего не станет переводить на санскритский язык, не потому чтоб он не знал санскритского языка — француз всё знает, даже ничему не учившись, — но потому, во-первых, что он приезжает к нам окинуть нас взглядом самой высшей прозорливости, просверлить орлиным взором всю нашу подноготную и изречь окончательное, безапелляционное мнение; а во-вторых, потому, что он еще в Париже знал, что напишет о России; даже, пожалуй, напишет свое путешествие в Париже, еще прежде поездки в Россию, продаст его книгопродавцу и уже потом приедет к нам — блеснуть, пленить и улететь» [8, 43-44].

Конечно, подобное отношение французские путешественники демонстрировали не только к России, но и к другим странам. Эта тема активно разрабатывается, в частности, французским исследователем Франсуа Муру и его коллегами в Центре изучения литературы о путешествиях в Сорбонне [9, 10], а также российским исследователем, ныне проживающим и работающим во Франции, А.Ф. Строевым. Как отмечал А.Ф. Строев, еще в XVIII столетии «создается мифологическая карта мира, где все достоинства сосредоточены в центре (жизнь, цивилизация, свобода, свет / просвещение, благодатный климат), а недостатки — на периферии (смерть, варварство, деспотизм, тьма / невежество, чрезмерный холод или зной, пустыня). Уровень цивилизованности страны обратно пропорционален расстоянию от центра» [11].

Именно такую экзотическую, ужасно-сказочную, демоническую и стереотипно-узнаваемую Россию изобразил Кюстин (о метаморфозах и стереотипах восприятия иностранного текста прекрасно написала французская исследовательница Глод де Грев в своей работе, посвященной традиции прочтения Н. В. Гоголя во Франции: [12]. Нового же, по словам князя Вяземского, маркиз узнал ровным счетом три вещи: Россия управляется абсолютным монархом, там есть крепостное право и царедворцы. Для того, чтобы узнать эти прописные истины, замечает Вяземский, Кюстину вовсе не нужно было отправляться в столь далекое путешествие. Маркиз мог вернуться домой, едва ступив на российскую землю: свои выводы он уже сделал, и заключаются они в одной фразе: «Можно сказать, что все русские, от мала до велика, пьяны от рабства» [6, 274].

Как писал сам маркиз, он «мало повидал, но многое угадал» [13, 440]. Скорее, не «угадал», а лишь отразил то, что уже было в сознании и подсознании французов, то есть закрепил и артикулировал эти мифы и стереотипы, зачастую к реальной России не имеющие никакого отношения. Поэтому, как остроумно подметил Достоевский, француз, описав свою биографию, «тотчас же начинает рассказывать русскую повесть, конечно истинную, взятую из русских нравов, под названием «Petroucha», имеющую два преимущества: во-первых, что она верно характеризует русский быт, а во-вторых, что она в то же время верно характеризует и быт Сандвичевых островов» [8, 44].

То есть читатель видел в книге Кюстина то, что он ожидал увидеть, поскольку его текст, как отмечал А.Р. Ощепков, есть ни что иное, как «перепевы и синтез уже известных западному читателю мотивов»: незрелость «варварского» народа, подражательность русских, страхи перед русской экспансией, рабство, нравственная развращенность русской элиты, униженность и забитость народа и т.д. [14, 21].

Кроме того, начиная с Ж.-Ж. Руссо европейцы традиционно смотрели на Россию через «оптику превосходства», и этот взгляд доминировал и в XIX столетии. Россия — варварская, чуждая западной цивилизации страна, и все в ней — только видимость, а она способна лишь к подражанию — это важнейший вывод Кюстина.

Эта «оптика превосходства» в значительной степени выполняла компенсаторную функцию. Важнейшим фактором восприятия «Другого» являются собственные самооценка и самовосприятие. А как себя ощущала Франция после окончания Наполеоновских войн? Колоссальные людские и материальные потери, изменившееся место в системе международных отношений и необходимость действовать в рамках Венской системы, которую французы воспринимали не иначе как позорную и унижительную. То есть миф о «варварской» России формировал представления Франции о самой себе если не как о мощной политической силе, то как о культурном и цивилизационном центре. Ведь изучение «Другого» — это, в том числе, исследование самих себя, это попытка, изучая «Другого», понять свой собственный народ. Как писал в конце 1960-х гг. французский исследователь Шарль Корбе, «в суждениях, формируемых одними нациями о других, проявляются, вне всякого сомнения, их тайные чувства о самих себе. Изучая вопрос о том, что французы говорили и думали о России, и

ожидая многое узнать о России, они больше узнавали о собственной стране и механизмах формирования собственного общественного мнения» [15, 7].

Соглашусь с А.Р. Ощепковым, что «комплекс превосходства» был «невротической реакцией» постнаполеоновской Франции на утрату ее позиций в Европе [14, 8]. Франция, потерявшая свое бывшее величие и превосходство, свой статус первой державы, свое лидирующее положение на континенте, не могла спокойно наблюдать за усилением позиций России. Поэтому к традиционному взгляду свысока добавился откровенный страх, усиленный мощной антирусской пропагандой.

Более того, книга Кюстина появилась очень вовремя – в условиях только что временно разрешенного Восточного кризиса 1839-1841 гг., когда французы именно на Россию возлагали ответственность за изоляцию Франции в 1840 г. В условиях в целом очень непростых русско-французских отношений в 1830-1840-е гг., что было связано с резко негативным отношением императора Николая I к режиму «короля баррикад» Луи-Филиппа Орлеанского, возникшего ходе Июльской революции 1830 г., во французском обществе тогда были весьма распространены антирусские настроения. Поэтому созданный демонический образ России как нельзя лучше отвечал представлениям о России европейских политиков и широких кругов общественности.

То есть память политически ангажирована. А поскольку взгляд на Россию с тех пор особо не изменился, соответственно, книга маркиза Кюстина остается востребованной. Но, между тем, во Франции в те годы было создано значительное количество капитальных трудов о России, однако вскоре после их публикации большинство из этих книг забывалось, что, по словам Ш. Корбе, свидетельствовало об их незначительном воздействии на формирование французского общественного мнения [15, 9].

ПОДРАЖАТЕЛИ КЮСТИНА

В то же время, книги, написанные в духе работы маркиза де Кюстина, конечно, не обрели такой же популярности, но весьма активно переиздаются в последнее время. Книги же, в которых создан позитивный или нейтральный образ России, издателей интересовали и интересуют гораздо меньше. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Итак, сначала проанализируем некоторые произведения, авторы которых хотели повторить успех Кюстина и создали работы обличительного свойства. Одной из таких книг является работа Жермена де Ланьи, опубликованная в 1853 г., накануне Крымской войны, с очень показательным названием: «Кнут и русские. Нравы и устройство России» [16]. Про автора известно мало. Он некоторое время жил в России, много путешествовал, написал две книги об охоте. Кнут — это квинтэссенция самодержавие, олицетворение власти силы, жестокости и деспотизма: «Кнут! От одного этого слова у русского холодеет сердце, кровь стынет в жилах, это слово бросает в жар, поселяет ужас в душе и подавляет шестидесятимиллионный народ. Но знаете ли вы, что такое кнут? Это — смерть, скажете вы. Нет, это не смерть, это в тысячу раз хуже» [16, 216].

Если Россия — царство кнута, то император должен являться персонификацией деспотичной грубой власти? Между тем, ничего подобного в тексте де Ланьи мы не находим, даже наоборот: «Император Николай, безусловно, самый достойный человек в своей империи, равно как самый красивый, самый справедливый, самый гуманный и самый просвещенный. Он внушает уважение и почтение всем, кто его окружает или имеет счастье к нему приблизиться, не столько из-за преклонения перед священной властью, сколько из-за его редких и замечательных качеств» [16, 273].

То есть образ Николая в интерпретации де Ланьи — это образ идеального правителя, управляющего страной как абсолютный самодержец и являющегося персонификацией власти как таковой: «Он правит страной согласно только своим собственным намерениям, всегда сообразуясь только со своей собственной волей. Находиться под чьим-то влиянием было бы для него равнозначным отречению» [16, 21-22]. Император — как Левиафан Гоббса, все нити и рычаги управления сходятся к нему, он обладает всей полнотой власти: «Религия, Бог, поп и закон олицетворяются в царе» [16, 176].

При этом пресловутая жестокость императора оправдана дикостью народа: «Он понимает, что его народ, который он очень хорошо знает, совершенно не способен жить при режиме, находящемся в гармонии с евангельскими заповедями» [16, 274]. В то же время, государю нет особой нужды применять кнут, настолько

покорен и безропотен народ, а это является следствием рабского состояния народа, крепостного права: «Приученный к покорности и ужасающему рабству, крестьянин совершенно безразличен ко всему, что его окружает. Управляющий его обкрадывает, хозяин, дабы удовлетворить свою похоть, забирает его дочь, а он благодарит его за честь, оказанную его семье» [16, 172]. В то же время, как и прежде, на каждый тезис Ланьи выдвигает антитезис: он осуждает крепостное право, но подчеркивает, что состояние крепостничества в российских условиях предпочтительнее того, что ждет крестьян на свободе. Поэтому он согласен с утверждением, что «у русских крестьян нет стремления к свободе, и они счастливы в условиях рабства» [16, 190].

Книга Жермена де Ланьи, хоть и не стала таким бестселлером, как работа Астольфа де Кюстина, весьма популярна у издателей, и, логично предположить, пользуется читательским спросом. Ее регулярно переиздают, она переведена на английский, немецкий, шведский языки. А недавно появилась публикация и на украинском. Да и название выбрано очень пропагандистски грамотно...

Еще одной востребованной и активно переиздаваемой книгой является работа Фредерика Лакруа «Тайны России. Политическая и нравственная картина Российской империи» [17], увидевшая свет в 1845 г., всего через два года после публикации работы Кюстина. В погоне за популярностью маркиза Лакруа создал настоящую «чернушную» историю о России.

Сведений об авторе удалось найти не так много. Он родился на острове Маврикий, предположительно в 1811 или 1812 г. Был путешественником, картографом, историком и издателем. Глубокий знаток Востока и колоний, после Революции 1848 г. он был назначен генеральным директором гражданской администрации в г. Алжире, а 8 февраля 1849 г. стал его префектом. При императоре Луи-Наполеоне был одним из главных инициаторов политики «Арабского королевства», выполнял целый ряд работ по заказу военного министерства. В 1863 г. (по другой версии — в 1864) Лакруа скоропостижно скончался.

Книгу Ф. Лакруа, который, к слову сказать, никогда не бывал в России, можно анализировать с точки зрения двух жанров: как историческую работу и как пропагандистский памфлет. С точки зрения научной работы, книга является примером того, как не надо писать историю, а, между тем, автор претендует на историчность своего труда. У современных французских историков, с которыми мне доводилось беседовать, книга вызывает скептическую улыбку: ведь это памфлет! Но с точки зрения памфлета законы жанра соблюдены, и для массы, склонной не рассуждать, а жить чувствами, эмоциями, книга Лакруа — в самый раз! Это броские лозунги, ожидаемые образы, стереотипы и шаблоны, это то, что на Западе привыкли слышать о России, поэтому и книга столь популярна у издателей.

Однако даже в деле создания одиозного образа важно не переусердствовать, ведь жизнь не бывает либо только черной, либо только белой, а в палитре Лакруа присутствует только одна краска — радикально-черная! Его главная и единственная задача — выяснить реальный потенциал России, ее силы и ресурсы, и, прояснив это, снять маску, скрывающую истинные черты и слабости «людей Севера» [17, 1], разоблачить «ловкие интриги» и «наглое шарлатанство» российских властей, показать «весь ложный блеск ее кажущейся цивилизации и деспотичность власти ее правителя» [17, 471].

Несмотря на интригующее название книги — «Тайны России», все секреты автор раскрывает буквально с первой страницы. Уже из введения мы узнаем про всё и всех в России. Правитель — деспот: «Он самодержец, это значит, что только в себе самом он черпает силу и право управлять. Он есть государственный совет и сенат. Более того, он глава церкви, представитель Бога на земле, он сам почти Бог. Все существует только посредством него и для него. Он может все создать и все разрушить. Он располагает свободой и жизнью каждого из своих подданных. Он ни перед кем не должен отчитываться в своих намерениях и действиях. Он приказывает, и все повинуются. Он наказывает, и все безропотно молчат» [17, 4].

Подданные, естественно, предельно развращены деспотичной властью. Дворянство имеет лишь четыре привилегии: не получать палочные удары; раздавать эти удары; быть подавляемым императором; душить этого самого императора, когда притеснение становится невыносимым (Лакруа, как и другие авторы, например, К. Мармье, заимствует этот тезис, по его словам, у русского дипломата князя П.Б. Козловского). Духовенство столь

же аморально, как и невежественно. Народ — суеверный, лживый, скрытный, без чувства собственного достоинства, невосприимчивый к издевательствам и преступлениям со стороны деспотичной власти [17, 2].

И далее по списку: законодательство — запутанное; администрация — продажная и сутяжническая; система народного просвещения — смехотворная; торговля — в состоянии стагнации, армия — полностью лишена военного духа, морской флот — блестящая погремущка в руках шарлатана; финансы — в таком состоянии, что их не спасет и все золото Урала. В области промышленности русские способны только слепо копировать, что не может дать серьезных результатов; сельское хозяйство из-за полного отсутствия путей сообщения находится в плачевном состоянии. В целом — «изъеденный червями эшафот» [17, 2].

Зачем Фредерик Лакруа написал эту книгу? Почему он написал ее именно в это время? Мотивация у него была типично пропагандистская: что-то Россия заметно усиливает свои позиции, пугает старушку-Европу. Соответственно, «с учетом вероятностей, которые рано или поздно могут привести к дипломатическому конфликту между Россией и западными державами и к новым потрясениям в Европе», необходимо создать крайне неприглядный образ Врага и показать, что «империя, такая внушительная издали, является такой слабой вблизи» [17, 4]. И тогда ее престиж «будет окончательно разрушен, все увидят, что нация, распираемая от чувства гордости в своем лживом глянце цивилизации, под видимостью блеска скрывает лишь многочисленные хвори и полное бессилие» [17, 4].

Эта работа, на мой взгляд, наглядно демонстрирует, что набор штампов, стереотипов и методов антироссийской пропаганды вовсе не изменился. Расширился лишь охват аудитории и скорость распространения информации. Поменяйте имена лидеров — и вы получите готовый современный антироссийский текст. Поэтому и книга Лакруа постоянно переиздается и встречает самый живой интерес современных европейцев, искренне соглашающихся с ужасным образом неизменно варварской России.

НЕГАТИВНЫЙ, НО НЕ СКАНДАЛЬНЫЙ ОБРАЗ РОССИИ

Итак, книга, содержащая устоявшиеся штампы и стереотипы, имеет большие шансы на то, чтобы остаться в памяти, ведь стереотипы трансформируются очень медленно. Но, помимо этого, книга должна иметь скандально-обличительный характер.

Приведем в качестве примера работу, в которой набор негативных штампов и стереотипов присутствует в полной мере, а вот скандального налета нет. Речь идет о произведении французского литератора, переводчика, журналиста и путешественника, члена Французской академии (1870) Ксавье де Мармье (1808—1892), который в 1842 г. побывал в России, а уже в следующем году в двух томах опубликовал книгу «Письма о России, Финляндии и Польше», переизданную в 1851 г. В 1844 г. появился ее немецкий перевод. Долгое время книга Мармье не переиздавалась, и его имя было забыто, но в последние годы вновь стала востребована (переиздана в 2010, 2015, 2018 и 2019 гг.).

Книга написана в форме писем, и каждое письмо имеет разных адресатов. Как и для Кюстина, для Мармье Россия — это «царство фасадов», где за внешним блеском скрываются серьезные недостатки. По словам Мармье, Россия «под широкими складками своей императорской мантии, под ложным блеском своих вельмож скрывает многочисленные и глубокие проблемы»: отсутствие порядка в финансовой системе; запутанная в лабиринте противоречивых указов, зависящая от каприза влиятельного лица или продажности писаря судебная система, и, главное, «огромная пропасть между различными классами общества, когда самая утонченная цивилизация соседствует с самым глубоким невежеством, а либеральные начинания и просвещенные идеи XVIII столетия покрыты мраком варварских времен» [18, 123-124]. По словам писателя, такой пропасти и такого контраста нет ни в одной другой стране и, «когда выйдешь за пределы этой помпезной администрации, то за огульным великолепием этой фальшивой маски увидишь моральную проказу чиновничества, а также недовольство самых благородных и самых просвещенных умов империи, равно как абсолютное невежество половины нации» [18, 124-125].

Поэтому, как и многие его соотечественники, в том числе уже знакомый читателям Ф. Лакруа, он делает вывод о том, что Россия — колосс на глиняных ногах. Стоит увидеть ее вблизи, стоит взглянуть на реальную Россию, как вы поймете, что она не столь опасна; более того, становится очевидным, что она разъедается болезнью изнутри:

«Рано или поздно двадцать миллионов крепостных, которые только и умеют, что смиренно подчиняться закону, налагаемому на них в армии или в приходящих их господ, воспримут нравственные идеи, пробуждающие человеческую гордость, и тогда деспотическая власть, так долго порабоцевавшая народ, не сможет больше держать его в состоянии пассивного подчинения» [18, 125].

То есть перед нами — резко критическая по отношению к России книга (кроме оценки автором русской литературы и народных песен), но не имеющая скандально-пасквильного характера. Здесь нет лозунгов и пропагандистских призывов, это весьма уравновешенный научный труд. Однако тот факт, что книга активно переиздается в последние годы, свидетельствует о том, что она востребована. Вероятно, книги Лакруа и Ланьи, с одной стороны, и Мармье — с другой, рассчитаны на несколько разные слои аудитории. Для одних — «шумиха и скандал», говоря словами Вяземского, для других — научный труд, но, опять-таки, обличительный, и это главный критерий того, чтобы книга была читаема.

ПОЗИТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА РОССИЮ

А как обстоит ситуация с работами, в которых Россия изображается не как дикая и варварская, а как страна, вовсе не чуждая западной цивилизации, но имеющая свою самобытность? Например, такой книгой являются «Заметки о России» посла Российской империи во Франции в 1835—1841 г. барона Проспера де Баранта, которая была опубликована во Франции лишь в 1875 г., то есть через 35 лет после его пребывания в России, и с тех пор не переводилась и не переиздавалась [19]. Между тем, барон де Барант, в отличие от Кюстина, пробывшего в России три месяца, или Ф. Лакруа, вообще не бывавшего в России, служивший в России несколько лет и совершивший большое путешествие по нашей стране, был более объективным и умеренным в своих оценках России, но такой взгляд оказался неинтересен.

В забвении оказалось и имя легитимиста графа Поля де Жюльвекура (1807—1845), первого переводчика на французский язык «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, проведшего в России семь лет и даже женившегося на русской. Как легитимист, он ненавидел режим Луи-Филиппа и искал в России «чистое самодержавие», а император Николай был в его глазах был хранителем легитимных порядков в Европе (о легитимистском взгляде на Россию см.: [20, 21-31].

России Жюльвекур посвятил не одну книгу: это и сборник новелл, и воспоминания, и романы-хроники. В 1834 г. в соавторстве с известным литератором Жюлем де Сен-Феликсом он опубликовал сборник новелл под названием «Вокруг света» [21], где собрал рассказы о путешествиях воображаемых и реальных, хроники и даже поэмы. Петербург для Жюльвекура — типично европейский город, равно как и его жители, особенно представители и представительницы высшего общества: «Петербургские дамы почти такие же, как француженки в Париже, они такие же идола и идолопоклонницы моды» [21, 73]. Что касается нравов русских, то, по словам Жюльвекура, «в Петербурге они почти такие же, как нравы Франции в Париже» [21, 70]. Нельзя сказать, что книга совсем забыта: она была переиздана в 2017 г., но с количеством переизданий критических работ о России это несопоставимо.

В 1837 г. появилась вторая книга Жюльвекура — «Балалайка, русские народные песни и поэзия, изложенные в стихах и прозе». Это уже его мысли и впечатления от литературной России. Значительную часть книги составляют переводы, сделанные в том числе Пушкиным, Венедиктовым, Баратынским. По Жюльвекуру, это вовсе не Россия является варварской и отсталой, а, напротив, современная Европа погрязла в революциях и возвращается к варварству. Российская империя же является оплотом порядка против «революционной пропаганды» и, следовательно, идет не в хвосте, а в авангарде цивилизованных наций [1, VII].

Изучение русского общества открыло ему, как он решил, земной рай, где все организовано во благо людей: «Мы думали увидеть здесь варварское, тираническое правительство, без законов, без институций, без юстиции, и вот, при более близком знакомстве с Россией, наша проистекающая от невежества ненависть сменяется истинным восхищением. При этом режиме, называемом деспотическим, преобладает чувство патернализма. Этот патернализм распространяется на все общество, от государя до последнего из его подданных...» [1, VII].

Соответственно, система крепостного права в России, по Жюльвекуру, также является формой патернализма, а вовсе не эксплуатации: «...эти так называемые рабы, находясь под патронажем своих хозяев, в гораздо меньшей степени крепостные, нежели мы, живущие под защитой конституции и не имеющие свободы» [1, VII].

Граф Жюльвекур, вероятно, намеревался посвятить свою жизнь изучению России и опубликовать когда-нибудь серьезную работу на эту тему, однако у него не хватило времени исполнить задуманное: в 1845 г. он умер от аневризмы [15, 192]. Что касается «Балалайки», то, по словам современника событий, князя А.В. Мещерского, книга не имела большого успеха во французском обществе [22, 234]. После 1873 г. «Балалайка» не переиздавалась...

Если граф Жюльвекур написал свои книги за несколько лет до публикации работы Кюстина и покинул Россию незадолго до его визита в нашу страну, то виконт Шарль-Виктор Прево д'Арленкур (1788—1856) посетил Российскую империю спустя три года после Кюстина. Чем интересен взгляд виконта Арленкура? Как и Кюстин, он был легитимистом, то есть сторонником низложенной династии Бурбонов; побывал в тех же местах, тоже видел Петербург, Москву, Великий Новгород и Нижний; тоже не знал русского языка; общался также с блестящим великосветским обществом. То есть видели они примерно одно и то же. Но книга виконта д'Арленкура, в отличие от работы маркиза де Кюстина, современному российскому читателю неизвестна, а на русский язык никогда не переводилась. Между тем, поэт, писатель-романтик и публицист Шарль-Виктор Прево д'Арленкур в первой половине XIX в. был широко известен, а в 1820-е гг., после публикации его романа «Отшельник», его популярность была сопоставима с популярностью Виктора Гюго; его даже прозвали «князем романтиков». Прекрасно знали его и в России, достаточно вспомнить цитату из пушкинского «Графа Нулина»: «Какой писатель нынче в моде?» — Все d'Arlineour и Ламартин».

Как и другие легитимисты, не желая оставаться во Франции «нелегитимного» короля Луи-Филиппа, он много путешествовал, и летом 1842 г. отправился в далекую Россию, за Полярной звездой, которую он называл своим талисманом. Именно так он назвал свой роман, увидевший свет одновременно с книгой Кюстина, в начале 1843 г. Книга написана в форме повести; рассказ ведется от первого лица. Это не путевые записки в классическом понимании, но и не художественное произведение.

Как и для Жюльвекура, для Арленкура Россия — это часть Европы, а в Петербурге путешественник чувствовал себя и вовсе, как дома, в том числе благодаря превосходному знанию французского языка российской знатью. Только одно исключение было за все время его путешествия: во время маневров император обратился к одному из офицеров с вопросом, кто командует данным соединением, и тот ответил: «Je». Как пишет виконт, «очевидно, «тои» он приберег для более подходящего случая» [23, 70].

Вообще, император Николай — это образец добродетелей. Его характер Арленкур объясняет через отношение к другим людям. Например, он рассказывает, что государь пришел навестить тяжело больного шефа Третьего отделения графа А.Х. Бенкендорфа. «Друг мой, — сказал ему император, протянув руку к окну, перед которым была огромная толпа, жаждавшая узнать новости о состоянии здоровья больного (тогда была эпидемия холеры. — Н.Т.), — вот истинное признание твоих заслуг, и это гораздо больше того, что я могу тебе дать» [23, 162-163].

Если для Кюстина крепостное право — это одно из важнейших препятствий для причисления России к разряду цивилизованных наций, то Арленкур подчеркивал его патриархальный характер и отмечал, взаимозависимость крестьян и помещиков. Если крестьяне несут свое бремя, то и хозяева имеют свои обязанности. Они должны кормить крестьян во время голода, лечить их во время болезней, заботиться о них в старости и во все времена решать их нужды [23, 194].

Арленкур не изображал Россию как страну без недостатков. Поругать ее он решил уже на обратном пути, отправившись 2 сентября на пароходе «Stor Fursten» в плавание: «Я достаточно похвалил империю царей, теперь могу и покритиковать» [24, 66]. И называет не две извечные российские беды, а три, но совсем другие: таможи, почтовые станции и паспорта. Вот эти три напасти, по его словам, и приводят в негодование иностранцев, и именно по этой причине, раздраженные, они плохо пишут о России.

Почему «Полярная звезда» Арленкура, в отличие от книги Кюстина, не стала бестселлером? Читатели работы Кюстина видели в ней то, что хотели увидеть, поскольку маркиз талантливо описал штампы и стереотипы, глубоко укоренившиеся не только в сознании европейцев, но на подсознательном уровне. Образ же России виконта Арленкура — иной, вовсе не демонический. Да, он местами идеализирует Россию, особенно в том, что касается взаимоотношений между помещиками и крестьянами и самого института крепостного права. Но он

вовсе не приукрашивает жизнь крестьян: «Представьте себе нагромождение бревен, кое-как покрытых досками. Представьте себе жилища без фундамента, одни из которых завалились на нос, другие — на спину, третьи — на крыло, и вы получите лишь слабое представление об этих домах. Создается впечатление, что их строили не люди, а звери <...> Внутри — ужасающая нищета: ни мебели, ни кроватей, ни воздуха, ни очага. Только солома, гниль, паразиты, зловоние и тьма. Коровы, овцы, лошади, все живут вместе, вместе с мужчинами, женщинами и детьми, которые, одетые в шкуры животных, мало чем от них отличаются. Где овца, где женщина? Где мужчина, где животное? Все смешалось. Все эти существа едят, пьют и спят вместе» [23, 295-296].

Главное же различие, на мой взгляд, заключается в следующем: если для Кюстина Россия не имеет ничего общего с европейской цивилизацией, являясь лишь «царством фасадов», то для Арленкура Россия, несмотря на всю ее специфику и жуткий образ жизни народа, является страной европейской, по крайней мере, в столицах, больших городах и в дворянском сегменте. Государь — не тиран, перед которым все равны в своем бесправии, а правитель, концентрирующий в своих руках все бразды правления, поскольку иначе Россией управлять невозможно, а жесткая иерархия и субординация, когда «каждый уровень с уважением взирает на высший уровень, и это доходит ... до Бога» [23, 165], также является благом, как и покорность и религиозность русского народа — «две защиты от испорченности века» [23, 164].

Какова же судьба этой книги о России? В 2011 и 2018 г. вышли переиздания «Полярной звезды», что, на мой взгляд, связано с тем, что Арленкур был плодовитым и популярным в свое время писателем, и сейчас в целом наблюдается возрождение интереса к его наследию (например, в 2018 г. был переиздан его роман «Отшельник»).

Еще один пример забытой книги о России — это «Живописное путешествие по России», опубликованное в 1853 г. французским литератором и журналистом Шарлем де Сен-Жюльеном (1802—1869), много лет прослужившим в России. В 1831 г. он был приглашен на должность старшего лектора французского языка и истории французской литературы на филологический факультет Петербургского университета; в 1836 г. был назначен библиотекарем в Румянцевский музей; опубликовал ряд книг, в том числе «Путеводитель по Санкт-Петербургу», который изучал Бальзак перед поездкой в Россию. Осенью 1846 г. Сен-Жюльен вышел в отставку и тогда же стал членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук с чином «придворного советника». Летом 1847 г. он отправился на родину, а весной 1851 г. снова оказался в России и совершил большое путешествие. Из Москвы он направился в Нижний Новгород и Казань, потом по Волге добрался до Астрахани; оттуда направился на Кавказ, в курортные города Пятигорск, Кисловодск и оказался в Тифлисе. Обратный путь проделал через Тамань, Керчь, Херсонес, Феодосию, потом направился в Одессу, а оттуда через украинские степи в Киев.

Россия, по мнению Ш. Сен-Жюльена, развивалась в русле западной цивилизации и совершила на этом пути большой прогресс, при этом сумев сохранить свою национальную самобытность. Сущность же русского национального характера он выразил предельно лаконично, и заключается она в одном единственном слове: «авось», или «avos», в интерпретации автора: «Никакие бедствия не смогут покорить Россию. Avos спасет от всего; это непереводаемое слово означает одновременно веру в Бога, надежду на судьбу, подчинение силе вещей» [25, 5].

Книга Шарля де Сен-Жюльена, написанная ярко и увлекательно, не стала бестселлером. Как полагал известный французский исследователь Мишель Кадо, она появилась в очень неподходящий момент, накануне Крымской войны, когда публике было не до травелогов, особенно если в них Россия описывалась в позитивном ключе, а противник априори не может быть привлекательным. Думаю, появившись книга в другое время, исключая, может быть, момент франко-русского сближения второй трети XIX века, а потом и франко-русского союза, ее ожидала бы примерно та же судьба, хотя в 2018 г. книга была переиздана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, как мы увидели, в николаевской России побывало много французов, и многие оставили свои наблюдения (в рамках статьи была рассмотрена лишь небольшая часть книг французских авторов о России). То есть Россия была весьма обширна, и многие хотели повторить успех Кюстина. Однако в исторической памяти осталась лишь его книга. Большинство же книг, выходящих как до нее, так и после, быстро забывались и не оказывали особого

влияния на формирование общественного мнения. Почему так происходило? Почему не стали популярными книги, написанные в той же тональности, что и работа Кюстина, имеющие такой же скандально-пасквильный характер, и написанные весьма ярко и убедительно? На мой взгляд, дело в том, что Кюстин был первым. Он первым написал книгу, в которой создал демонический образ России и разрушил «легитимистский мираж». Все остальные авторы были лишь вторыми, подражателями и имитаторами, или, наоборот, ниспровергателями.

Кроме того, причиной забвения всех этих книг стала, на мой взгляд, непопулярность самого режима Июльской монархии в исторической памяти. Этот период в истории Франции вплоть до второй половины XX в. интерпретировался как слабый, переходный этап, когда не было достигнуто важных результатов, а зрели лишь причины для очередного революционного взрыва [26, 155-173].

Соответственно, в забвении оказался и весь огромный пласт литературы о путешествиях, которые были тогда в большой моде (здесь речь не идет о французской литературе той поры и неизменной популярности произведений Бальзака, Стендаля, Дюма, Мериме, Жорж Санд – и список можно продолжать и продолжать).

Пересмотр устоявшегося взгляда на период Июльской монархии, который в современной историографии анализируется как важный этап на пути формирования политических институтов Франции и возрождение интереса к истории постнаполеоновской Франции, равно как и в целом к истории XIX столетия, обусловил и интерес к травелогам и другим книгам о России, написанным в годы правления короля Луи-Филиппа. Весьма показательно, что работы, созданные как в духе работы Кюстина, так и в оппозиции к ней, активно издаются в последние годы в серии «Забытые книги».

Эти публикации «забытых книг» о России, конечно, связаны и с текущей политической конъюнктурой, местом и роль России в современном мире, а также страхами и опасениями перед пресловутой «русской угрозой». Жак Ле Гофф в книге «История и память», рассуждая о манипулировании ею, подчеркивал, что память «... питает, стремится спасти прошлое лишь для того, чтобы оно служило настоящему и будущему» [27, 135]. Повторю, память политически ангажирована, а стереотипы меняются очень медленно, поэтому образ России, созданный маркизом де Кюстином, весьма созвучен современному взгляду на нашу страну. Поскольку период русско-французского сближения в конце XIX – начале XX вв. оказался весьма кратким, позитивный взгляд на Россию был востребован очень непродолжительное время.

Поэтому гораздо активнее издаются «прокюстиновские» работы, в которых читатель увидит знакомый и растроганный образ России и убедится в очередной раз, что она со времен путешествия маркиза не изменилась. Книги с иным взглядом на Россию если и переиздаются, то гораздо реже...

Список литературы

1. *Julvécourt P. de*. Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose. P. Delloye, Desmé et C Éditeurs, 1837.
2. *Бальзак О.* Письмо о Киеве / Перевод, вступ. заметка и примечания В. Мильчиной. – Приложение к журналу «Пинакотекa». 2000. № 13-14. С. 2-26.
3. *Меттан Г.* Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Паулсен, 2016.
4. *Ощепков А. Р.* «Феномен Кюстина»: Книга «Россия в 1839 году». – Вестник МГЛУ. Выпуск 21 (707). 2014. С. 142-151.
5. *Промыслов Н. В.* Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. – Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. М.: ИВИ РАН, 2012.
6. *Vyazemsky P. A.* Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844. – Cadot M. La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. P.: Fayard, 1967.
7. *Орехов В. В.* Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография», 2008.
8. *Достоевский Ф. М.* Ряд статей о русской литературе (1861). – Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1978.
9. *Moureau F.* Miroirs de textes: récits de voyage et intertextualité: Onzième Colloque du Centre de recherche sur la littérature des voyages. Nice, 5, 6 et 7 septembre 1997 / sous la responsabilité scientifique de François Moureau. Nice: Publications de la Faculté des lettres, arts et sciences humaines de Nice; Paris: Centre de recherche sur la littérature des voyages, Sorbonne, 1998.

10. *Moureau F.* Littérature des voyages / Groupe de recherche sur la littérature des voyages de l'Université Paris-IV; coll. dir. par François Moureau. Paris: Champion; Genève: Slatkine; Paris: Aux amateurs de livres. V. 1. 1986.
11. *Строев А. Ф.* Россия глазами французов XVIII — начала XIX века. — Логос. Философско-литературный журнал. 1999. №8. С. 8-41.
12. *Грев К. де.* Гоголь во Франции (1839-2009) / Сост., науч. ред. пер. Е. Е. Дмитриевой; под общ. ред. В. П. Викуловой. Москва-Новосибирск: Новосибирский изд. дом, 2014.
13. *Кюстин А.* Россия в 1839 году. В 2 т. Пер. с фр. под ред. В. Мильчиной, И. Стаф. Под общ. ред., статья В. Мильчиной; Комментар. В. Мильчиной, А. Осповата. М.: Терра-Книжный клуб, 2000. Т. 2.
14. *Ощепков А. Р.* Образ России во французской прозе XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: МПГУ, 2011.
15. *Corbet Ch.* A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894). P.: M. Didier, 1967.
16. *Lagny G. de.* Le knout et les russes. Moeurs et organisation de la Russie. P.: D. Giraud éditeur, 1853.
17. *Lacroix F.* Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe. P.: Pagnerre, 1845.
18. Marmier 1843 — *Marmier X.* Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne. P. Delloye, Éditeur, 1843. Т. 2.
19. *Barante P. de.* Notes sur la Russie. 1835–1840. P.: Michel Lévy frères, 1875.
20. *Milchina V.* L'Étoile polaire. L'auto-construction de l'image de la Russie et de la France au fil du temps. P. 21-31.
21. *Julvécourt P. de, Saint-Félix J., de.* Autour du monde. P.: L.-F. Hivert, Libraire-Éditeur, 1834.
22. *Мещерский А. В.* Из моей старины. — Николай I. Портрет на фоне империи. М.: Фонд С. Дубова, 2011.
23. *Arlincourt Ch.-V.* L'Étoile polaire. Т. 1. P.: Dumont, Éditeur, 1843.
24. *Arlincourt Ch.-V.* L'Étoile polaire. Т. 2. P.: Dumont, Éditeur, 1843.
25. [*Saint-Julien Ch., de.*] Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. P.: Belin-Leprieur et Morizot, 1854.
26. *Таньшина Н. П.* «Забывтая» Июльская монархия: к вопросу о «модных» тенденциях в историографии. — Труды кафедры истории нового и новейшего времени СПбГУ. 2019. № 19 (1). С. 155-173.
27. *Ле Гофф Ж.* История и память. М.: Росспэн, 2013.

Информация об авторе

Таньшина Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Таньшина Наталия Петровна, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

HISTORICAL POLICY

Original Paper

“What kind of writer is in fashion today?” Images of Russia in the historical memory of the French

Natalia P. Tanshina ^{1, 2} ✉

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

² Moscow pedagogical state University, Moscow, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7373-592X>, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Abstract:

This article provides an analysis of mechanisms of the formation of historical memory and oblivion on basis of books of French travelers who wrote about Russia during the Reign of Emperor Nicholas I. The article raises a question: many

travelers visited Russia in the 1830s and 1840s, and many of them left their observations in the form of travel notes, scientific works, stories, but most of these books were forgotten, and only the book of the Marquis A. de Custine "Russia in 1839" is widely known. The books about Russia by French authors: Charles de Saint-Julien, Viscount V. d'Arlencourt, Count Paul de Julvecourt, Germain de Lagny, Frederic Lacroix, Xavier Marmier, have never been translated to Russian. This is not to say that absolutely all these books are forgotten, however. Some of them are regularly published and translated into European languages, while others have never been reprinted or translated. However all of these books have never gained popularity of the A. de Custine's book. Is this due to the literary advantages or disadvantages of these books? What are the mechanisms of formation of historical memory and oblivion? What book remains remembered for generations? For what reasons were these books forgotten? The aim of this article is to highlight all the problems. In the article it is concluded that just the political bias of historical memory explains the popularity of works in the spirit of the book by A. de Custine, which recreates the negative image of Russia.

Keywords:

historical memory and oblivion, russika, Viscount V. d'Arlencourt, Marquis A. de Custine, Ch. de Saint-Julien, count P. de Julvecourt, G. de Lagny, F. Lacroix, Baron P. de Barante, X. Marmier, the Russian Empire, travelogues, foreigners in Russia, Russian-French relations, stereotypes of mutual perception

References

1. Julvecourt P. de., 1837, *Balalayka, Chants populaires russes et autres morceaux de poésies traduits en vers en et prose*. P. Delloye, Desmé et C Éditeurs, 1837. (In French).
2. Bal'zak O. Pis'mo o Kieve / Perevod, vstup. zametka i primechaniya V. Mil'chinox [Letter about Kiev / Translation, introductory note and notes by V. Milchina]. – In. *Appendix to the magazine "Pinakoteka"*. 2000. no 13-14. S. 2-26 (In Russian).
3. Mettan G., 2016, *Zapad — Rossiya: tysyacheletnyaya vojna. Istoriya rusofobii ot Karla Velikogo do ukrainskogo krizisa* [West — Russia: the thousand-year war. History of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis]. Moscow: Paulsen, 2016. (In Russian).
4. Oshchepkov A. R., 2014, «Fenomen Kyustina»: Kniga «Rossiya v 1839 godu» ["Custine's Phenomenon": the Book "Russia in 1839"]. – In. *Vestnik MGLU*. 2014. 21 (707). S. 142-151. (In Russian).
5. Promyslov N. V., 2012, *Vojna protiv prostranstva i klimata: francuzskie vospominaniya o kampanii 1812 g.* [War against space and climate: French memories of the campaign of 1812]. – In. *French Yearbook 2012: 200-year anniversary of the Patriotic war of 1812*. Moscow: IVI RAN, 2012. (In Russian).
6. Vyazemsky P. A., 1967, *Encore quelques mots sur l'ouvrage de M. de Custine: La Russie en 1839, à propos de l'article du Journal des Débats, du 4 janvier 1844.* – In. Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839-1856*. Paris: Fayard, 1967. (In French).
7. Orekhov V. V., 2008, *Mif o Rossii vo francuzskoj literature pervoj poloviny XIX veka* [The Myth of Russia in French literature of the first half of the XIX century]. Simferopol': OAO «Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya», 2008. (In Russian).
8. Dostoevskij F. M., 1978, *Ryad statej o russkoj literature (1861)* [Some articles about Russian literature (1861)]. – In. *Complete collection*. In 30 vol.] T. 18. Leningrad: Nauka, 1978. (In Russian).
9. Moureau F., 1998, *Miroirs de textes: récits de voyage et intertextualité*: Onzième Colloque du Centre de recherche sur la littérature des voyages. Nice, 5, 6 et 7 septembre 1997 / sous la responsabilité scientifique de François Moureau. Nice: Publications de la Faculté des lettres, arts et sciences humaines de Nice; Paris: Centre de recherche sur la littérature des voyages, Sorbonne, 1998. (In French).
10. Moureau F., 1986, *Littérature des voyages* / Groupe de recherche sur la littérature des voyages de l'Université Paris-IV; coll. dir. par François Moureau. Paris: Champion; Genève: Slatkine; Paris: Aux amateurs de livres, 1986. V. 1. (In French).
11. Stroev A. F., 1999, *Rossiya glazami francuzov XVIII — nachala XIX veka* [Russia through the eyes of the French of the XVIII-early XIX century]. – In. *Logos. Philosophical and literary journal*, 1999. no. 8. S. 8-41. (In Russian).
12. Grève C. de, 2014, *Gogol' vo Francii (1839-2009)* / Sost., nauch. red. per. E. E. Dmitrievoj; pod obshch. red. V. P. Vikulovoj. [Gogol in France] Moskva-Novosibirsk: Novosibirskij izd. dom. (In Russian).
13. Kyustin A., 2000, *Rossiya v 1839 godu*. V 2 t. Per. s fr. pod red. V. Mil'chinox, I. Staf. Pod obshch. red., stat'ya V. Mil'chinox; Komment. V. Mil'chinox, A. Ospovata [Russia in 1839. In 2 vols. Per. with FR. ed. V. Milchina, I. Staf. Under the General editorship of article V. Milchina; Comments. V. Milchina, A. Ospovat]. Moscow: Terra-Book club, 2000. (In Russian).
14. Oshchepkov A. R., 2011, *Obraz Rossii vo francuzskoj proze XIX veka. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk* [The Image of Russia in French prose of the XIX century. Abstract of the dissertation for the degree of doctor of Philology]. Moscow: MPGU, 2011. (In Russian).
15. Corbet Ch., 1967, *A l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894)*. Paris: M. Didier, 1967. (In French).

16. Lagny G. de., 1853, *Le knout et les russes. Moeurs et organisation de la Russie*. Paris: D. Giraud éditeur, 1853. (In French).
17. Lacroix F., 1845, *Les Mystères de la Russie, tableau politique et moral de l'Empire Russe*. Paris: Pagnerre, 1845. (In French).
18. Marmier X., 1843, *Lettres sur la Russie, la Finlande et la Pologne*. P. Delloye, Éditeur, 1843. T. 2. (In French).
19. Barante P. de., 1875, *Notes sur la Russie. 1835–1840*. Paris: Michel Lévy frères, 1875. (In French).
20. Milchina V., 2011, L'Égitimistes français sous la Monarchie de Juillet: image catastrophique de la France, image panégyrique de la Russie. – *Revue Russe*. 2011. no. 37. L'auto-construction de l'image de la Russie et de la France au fil du temps. P. 21-31. (In French).
21. Julvécourt P. de, Saint-Félix J., de., 1834, *Autour du monde*. Paris: L.-F. Hivert, Libraire-Éditeur, 1834. (In French).
22. Meshcherskij A. V., 2011, Iz moej ctariny. – *Nikolaj I. Portret na fone imperii* [From my old days. – In. Nikolai I. Portrait against the background of the Empire]. Moscow: Fond S. Dubova, 2011. (In Russian).
23. Arlincourt Ch.-V., 1843, *L' Étoile polaire*. T. 1. Paris: Dumont, Éditeur, 1843. (In French).
24. Arlincourt Ch.-V., 1843, *L' Étoile polaire*. T. 2. Paris: Dumont, Éditeur, 1843. (In French).
25. [Saint-Julien Ch., de]. *Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier*. Paris: Belin-Leprieur et Morizot, 1854. (In French).
26. Tan'shina N. P., 2019, «Zabytaya» Iyul'skaya monarhiya: k voprosu o «modnyh» tendenciayah v istoriografii [“Forgotten” July monarchy: on the question of “fashionable” trends in historiography]. – In. *Proceedings of the Department of history of the new and modern times of St. Petersburg state University*. 2019. no. 19 (1). S. 155-173. (In Russian).
27. Le Goff Zh., 2013, *Istoriya i pamyat'* [History and memory] Moscow: Rosspen, 2013. (In Russian).

Information about the author

Natalia P. Tanshina, Dr. Sci. (History), Prof., Professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Natalia P. Tanshina, e-mail: nata.tanshina@mail.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 3

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 3

УДК: 930.1/355.4 «1939/1945» + 32

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-22-22

Поступила в редакцию: 25.07.2021 г.

Submitted: July 25, 2021

Опубликована: 20.09.2021 г.

Published online: September 20, 2021

Для цитирования: Чумиков А. Н. Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 22-22.

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-22-22>.

For citation: Chumikov A. N. Positioning of military history: commemoration and interpretation. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* = *Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):22-22. (In Russ.).

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-22-22>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Оригинальная статья

Позиционирование военной истории: коммеморация и интерпретация

Александр Николаевич Чумиков^{1, 2} ✉

¹ *Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>, e-mail: chumikov@pr-club.com

² *Агентство «Международный пресс-клуб. Чумиков PR и консалтинг»,
г. Москва, Российская Федерация,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>, e-mail: chumikov@pr-club.com

Аннотация:

Восприятие исторических событий, основанное на доступных фактах, в условиях медиатизации социального пространства всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией. Это вызывает к жизни появление таких понятий, как «постправда» и «постреальность». В ситуации прогрессирующего роста источников и объёмов информации, «настоящая» реальность отходит на второй план и уступает место потоку интерпретаций, производимых заинтересованными субъектами в целях влияния на сознание и поведение

потребителей. «Постправда» применяется для характеристики любых персон, организаций и событий, в том числе прецедентов военной истории. Одним из инструментов «постправды» становится коммеморация – историческая память. В фокусе статьи находятся вопросы о том, с помощью каких коммуникативных приёмов осуществляются коммеморативные операции; как противодействовать тем из них, которые являются противозаконными, и какую информационную политику вести в отношении механизмов допустимых. Анализируется практика конструирования информационного фона вокруг исторических ситуаций Великой Отечественной и Второй мировой войн с помощью «фактов», «фактоидов», «фейков», «дезинформации». Делается вывод о том, что коммеморативные решения со смысловыми интерпретациями имеют традиции в прошлом и становятся неизбежными в настоящем. Они выполняют роль системообразующего информационного конструктора, программирующего желаемый образ мыслей и действий целевых групп как внутри страны, так и за её пределами. Смысловое позиционирование событий военной истории предполагает ориентацию аудитории на то, как следует воспринимать исторический контекст сейчас и что он значит в перспективе. В рамках данного процесса требование «объективности» заменяется необходимостью «актуальности», и контекст сообщений переосмысливается в приоритетном для конкретного политического субъекта направлении.

Ключевые слова:

медиатизация, постправда, смысловое позиционирование, интерпретация, история, историческая наука, коммеморация, историческая память, коммуникативная память, культурная память, факт, дезинформация, фактоид, фейк

КОММЕМОРАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Глобальные количественно-качественные изменения механизмов формирования и распространения общественно значимой информации, произошедшие в конце XX – начале XXI века, привели к возникновению явления и термина «медиатизация». В синтезированном виде он определяется как процесс переплетения социально-политической и социально-экономической сфер общества с пространством средств массовой информации (СМИ), в результате чего представления граждан о текущих процессах действительности существенно виртуализируются.

В этих условиях непосредственное, либо основанное на доступных фактах восприятие событий прошлого и настоящего всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией, что вызвало к жизни появление целой группы новых понятий, в числе которых «постправда», «постреальность», «постфактуальная политика» и т.п. Они означают, что в ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объёмов информации «настоящая» реальность отходит на второй план, уступая место бесконечному потоку интерпретаций, которые определяют мысли и поведение потребителей. Как отмечают исследователи, если прежняя «правда» рассматривалась как объективный фиксатор нашей действительности в конкретный период, то текущая «постправда» становится инструментом маркирования любых персон, организаций и событий в соответствии с интересами инициаторов такой маркировки [12].

Применительно к уровню государств и их ведущих политических акторов, интерпретированные смысловые ориентировки направляются на формирование объяснительных моделей социальной реальности для поддержания стабильности или, напротив, разрушения существующих правящих режимов и их целей. По мнению С. В. Володенкова, такого рода модели выполняют функцию упорядочивания, структурирования, упрощения сложной реальности в восприятии населения, выступают инструментами выработки прогнозируемых и управляемых шаблонов политического поведения [5].

Сказанное в полной мере относится к области исторического знания о различных объектах социума, в том числе военно-исторических, которое и является предметом нашего исследования. Осуществляя, в логической последовательности, терминологический анализ понятий, связанных с историческим знанием и его восприятием, заметим, что «история» в качестве научного понятия трактуется нейтрально, как процесс развития природы и человечества. Столь же нейтральна в своём определении «историческая наука», понимаемая как отрасль, система познания и источниковедение [6].

Однако в случае с понятием «историческая память» или «коммеморация» (*от фр. commémorative – памятный, мемориальный и англ. «commemoration» – ознаменование, в память*) имеет место другая трактовка. Так, Л. П. Репина рассматривает историческую память как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно – как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Коммеморация не только социально дифференцирована, она изменчива. Причём, как отмечает исследователь, эта постоянно обновляемая «памятная» реальность, идеальная для конкретного времени и субъектов, является столь же подлинной и значимой, как реальность событийная.

Лорина Петровна Репина говорит о кризисе новоевропейского рационализма, который проявляется в отказе от притязаний на объективность и постижение истины. Постмодернистское мышление ставит под сомнение само понятие исторической реальности и саму возможность прорыва к ней сквозь толщу контентных опосредований. Речь, по существу, идёт об актуализации лишь тех сторон прошлой жизни, которые имеют ценность в сегодняшней действительности [10].

Получается, что если историческая наука – это сфера исследования и накопления знаний о человеке и его деятельности, то **коммеморация** – практика выборочного изложения этих знаний в определённых интересах, то есть даже не столько историческая память, сколько политика памяти.

В дополнение к «исторической памяти» Ю. А. Арнаутова выводит понятия «коммуникативная память» и «культурная память». Они не являются альтернативными коммеморации и друг другу, а помогают лучше понять смысловые операции с историческим знанием.

«Коммуникативная память» есть устная традиция, возникающая в интерактивном контексте повседневных человеческих отношений; «живое воспоминание», существующее на протяжении 80-100 лет, то есть периода жизни трех поколений: дети – отцы – деды. При этом воспоминания являются не просто некоей данностью, но представляют собой относящуюся к современности и созданную ей информационную конструкцию.

«Культурная память» – это восприятие истории социальными группами, для которых она служит условием самоидентификации, укрепляя ощущения единства и своеобразия. Культурная память имеет реконструктивный характер: имплицитные в ней ценностные идеи, транслируемое памятью знание о прошлом непосредственно связаны с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни групп.

Даже память отдельных людей не в полном смысле индивидуальна, ибо всякий индивид осознаёт себя членом определённой группы и формирует свои воспоминания в контексте её памяти: память группы актуализируется в личной памяти её членов [2, с. 47-55].

Я. Ассманн понимает «культурную память» как непрерывный процесс, в котором всякое общество или его группа формируют и стабилизируют свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Что же касается воспоминаний, то они могут быть неверными, фрагментарными или намеренно созданными и в этом смысле не служат надёжным источником объективных фактов.

Прошлое, подчёркивает исследователь, не просто фиксируется настоящим, а открывается им заново, моделируется в зависимости от обстоятельств современности. Релевантность события обусловлена не историческим прошлым, а постоянно меняющимся настоящим, удерживающим в памяти самые важные факты и смысл данного события. Иными словами, «история памяти» принципиально отличается от «истории фактов», поскольку анализирует не собственно явления прошлой жизни, а их значения в текущий период. Посвящая свои исследования Древнему Египту и библейскому персонажу Моисею, Я. Ассманн делает вывод о том, что Моисей – это не факт истории, а фигура памяти. Истинность воспоминания заключается не в фактичности, а в актуальности: события либо продолжают жить в культурной памяти, либо забываются. Установить, почему это происходит, и является задачей учёного [19].

Ранее сходную мысль ещё более чётко высказывал М. Хальбвакс: по его мнению, прошлое не возникает в наших знаниях само по себе, а является «искусственным продуктом» современности [21]. Отсюда **цель**

изучения «исторической памяти» учёные видят не в том, чтобы вычленив «историческую правду» из существующей традиции, а в анализе самой этой традиции как феномена коммуникативной или культурной памяти.

По нашему мнению, этот феномен заключается в том, что история в своём нейтральном значении присутствует лишь в виде абстрактного понятия; а в конкретной действительности она позиционируется (интерпретируется) через коммуникативную и культурную память, которые в дальнейшем анализе мы объединим в термин «коммеморация» («историческая память»). Вытекающая из этого **проблема заключается в возникновении конкуренции между сообществами, государствами и межгосударственными образованиями за доминирующее позиционирование «своей» (актуальной) памяти**, влияющей на сознание и поведение целевых групп.

Каждый субъект данного процесса продвигает смысловую историческую модель, которая отличается от простого перечисления известных ранее или вновь открытых фактов и предусматривает:

- **информирование** аудитории об изменении окружающей её реальности с точки зрения сохранения (инсталлирования, разрушения) актуальных установок;
- **конструирование** для потребителей желаемой исторической реальности в виде ориентации в настоящем, осмысления прошлого, прогнозирования будущего;
- **поддержание** нужной коммуникации между социальными группами общества и государствами.

Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в медийном поле. Она характеризуется следующим образом: то, что имеет смысл и что граждане – читатели, слушатели, зрители – должны узнать и понять.

В фокусе нашего исследования находятся вопросы о том, с помощью каких коммуникативных приёмов осуществляются коммеморативные операции; как противодействовать тем из них, которые являются противозаконными, и какую информационную политику вести в отношении механизмов допустимых. Здесь выстраивается целый блок терминов и соответствующих им действий. Начнём с идеальной ситуации, которая разделяется и даже приветствуется всеми сторонами информационного противоборства, – изложение фактов. **Факт** в буквальном переводе с латинского “*factum*” означает «*сделанное*». К этому слову аналитики добавляют: «событие, результат», а также «реальное, а не вымышленное». Соответственно, большинство экспертов выступают за то, чтобы в медийном поле присутствовала информация исключительно о реальных, а не вымышленных событиях и результатах.

Термин, противоположный факту как реальной информации – «**дезинформация**», или, как его определяет статья 207.1. Уголовного Кодекса РФ, «заведомо ложная информация» – распространение под видом достоверных сообщений информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. УК предусматривает наказания за публичное распространение такой информации, но сфера действия закона носит весьма ограниченный характер: угрожающими жизни и безопасности обстоятельствами признаются чрезвычайные ситуации (ЧС) природного и техногенного характера, экологические ЧС, повлекшие или могущие повлечь человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения [14].

Но цепочка доступных приёмов не исчерпывается приведённой дилеммой «факт – ложная информация». Так, наряду с фактом имеет место «фактоид». Подробно исследовавший данный термин Э. Аронсон приписывал его возникновение Н. Мейлеру – этот американский писатель использовал понятие «фактоид» в биографии Мерилин Монро ещё в 1973 году.

«Фактоид» – это факт, не существовавший до того, как он появился в журнале или газете. Но когда материал с фактоидом публикуется в медиа, он получает живую реакцию, оценку и далее влияет на картину мира и действия людей точно так же или даже сильнее, чем «настоящий» факт [3].

В XXI в. аналитики стали уделять чрезвычайно серьёзное внимание «фейковой» информации. Определение фейка на уровне буквального перевода (*от англ. “fake” – подделка, фальшивка*) не передаёт всей сущности явления.

Вышедший в США в 2019 г. сборник трудов учёных разных стран полностью посвящён исследованиям фейков. Для их обозначения употребляется приравненное к фейкам слово *“falsehood”*. С одной стороны, оно синонимично «дезинформации» и переводится как «ложь», «неправда», «обман». С другой стороны, *“falsehood”* имеет и более мягкие определения: «ошибочность», «вымысел». Исследователи констатируют, что **“falsehood” в Интернете представляет собой «лес» фактов и мнений**. Они могут преследовать своей целью как преднамеренное, так и непреднамеренное введение пользователя в заблуждение. То и другое классифицируется по таким позициям, как «подбор, компоновка фактов» (от англ. *“fabrication”* – букв. сборка); «выдёргивание из текста» (от англ. *“context-isolation”* – букв. обособление, оторванность от контекста) и «манипулирование», предполагающее широкий спектр операций со смыслами (от англ. *“manipulation”* – букв. махинация, обработка, подмасовка). К фейкам (fake news, rumors, falsehood) относят также уловки, хитрости, психологические приёмы, социотехники; управление ложными посылками, двусмысленностями и впечатлениями.

Отмечая растущее значение манипулятивных технологий в эпоху социальных сетей, авторы и редакторы сборника И. Чилува и С. А. Самойленко рассматривают их в качестве регуляторов соотношения сил и констатируют, что прагматичные субъекты сознательно используют эти механизмы для достижения своих целей в современной медиаэкосистеме [20, с. 4-6].

Можно ли исключить фейковое воздействие? Пытаясь найти юридическое решение данного вопроса, Государственная Дума РФ в 2019 г. приняла поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а также изменения в Кодекс об административных правонарушениях, запрещающие распространение в Интернете и СМИ недостоверной информации, подаваемой под видом достоверных сообщений.

Здесь вновь присутствуют ограничения в применении юридических санкций за использование фейков, поскольку недостоверной общественно значимой информацией считается та, что создаёт угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровья граждан, имуществу; угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи [15].

Получается, что **«фактоиды», «фейки», «манипуляции», «неявные воздействия»** и другие подобным образом определяемые понятия, характеризующие неприемлемые методы воздействия в медийном поле, в принципе неустранимы, в том числе с помощью юридических рычагов. Более того: в новых информационных реалиях они **становятся объективно присущими политической действительности**. Методы открытого, явного воздействия, в идеале призванные дать человеку возможность самостоятельно рассуждать и принимать решения, вытесняются из информационного арсенала в силу их низкой эффективности, как и модель беспристрастного позиционирования фактов в целом.

АКТУАЛЬНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СОБЫТИЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Сильнейшим импульсом современной «коммеморативной войны» стала интерпретация итогов «материализованных войн» – Великой Отечественной и Второй мировой. Информационные кампании вокруг них отнюдь не являются уникальной особенностью эпохи «постправды», поскольку сходные коммеморативные традиции вокруг войн и других существенных исторических событий развивались на протяжении всей истории человечества, как это отмечали упоминавшиеся нами исследователи Я. Ассманн и М. Хальбвакс. Другое дело, что огромные и неизвестные ранее объёмы информации вместе с конвергентными медиа и мультимедийными инструментами распространения контента сделали такие кампании значительно более интенсивными. Их цель – актуальное, в интересах заинтересованных сторон, прочтение событий военной истории и их современных последствий.

Начнём с примеров проблемного противоборства внутри страны на почве исторической памяти о войне и обратимся к мемуарам маршала Советского Союза Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». По

свидетельствам А. Д. Миркиной, редактора всех двенадцати изданий мемуаров, в первоначальной и написанной самим маршалом рукописи вымарывались целые главы, а также страницы, абзацы, фразы и слова. Изъятия касались таких тем, как неподготовленность к войне, репрессии против военных, мнения об И. В. Сталине. **При выпуске первого издания «Воспоминаний и размышлений» в 1969 г. в печать в общей сложности не пропустили 300 страниц машинописного текста.**

Затем попасть в мемуары маршала захотел генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, хотя на фронте с полководцем ни разу не встречался. И Г. К. Жуков согласился сделать вставку в книгу о том, как при обсуждении операций на новороссийском плацдарме заехал посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л. И. Брежневым, но не застал его, поскольку тот «как раз находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои».

На этом коммеморативная динамика в мемуарах не закончилась: в их десятом (1990 г.) и последующих изданиях все прежде изъятые фрагменты были восстановлены [12]. Однако во всех случаях читателям представлялась книга об истории военачальника-победителя высшего уровня и его взглядах.

Иной характер носит **повесть В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда»**, изданная уже в 1946 г. и названная критиками «лейтенантской прозой». Здесь ничего нет ни о И. В. Сталине, ни о славных победах. Но есть сюжеты об «окопной правде», не описанной маршалом-победителем Г. К. Жуковым; о «штабистах», по вине которых в атаках бессмысленно гибли люди; офицерах-«приспособленцах», запасавшихся гражданской одеждой при угрозе попасть в плен. В книге присутствуют и достойные герои – как военные профессионалы, так и «бывшие гражданские». Исходя из того, что повесть получила в 1947 г. Сталинскую премию, можно сделать вывод о том, что она **являлась для власти исторически правильной, поскольку воспевала народный подвиг и оставляла за рамками повествования высший командный состав, не всегда лояльный к тогдашнему руководству страны.**

Наконец, только в 90-х годах увидела свет «солдатская проза» В. П. Астафьева – неоконченный роман «Прокляты и убиты». В книге на основе личных впечатлений, как и в случаях с Г. К. Жуковым и В. П. Некрасовым, представлено предельно натуралистическое описание быта солдат и взаимоотношений между людьми в условиях войны; проблем становления тех, чья юность пришлось на военные годы.

В качестве примера «солдатской прозы» следует вспомнить и книгу Н. Н. Никулина «Воспоминания о войне». В предисловии говорится, что лишь в 1970-х гг. автор, сотрудник Государственного Эрмитажа, записал увиденное простым солдатом на войне, а вышла в свет книга и вовсе в 2010-х гг. Мемуары выдержали несколько изданий, а по набору негативных эмоций вокруг практически любого описанного события превзошли предыдущие аналоги.

Итак, перед нами **«три исторических правды» – «маршальская», «лейтенантская» и «солдатская»**, каждая из которых базируется на индивидуальном опыте разных по своей военной компетенции писателей; является правдой своего времени, которая может быть признана истинной, но представляет собой при этом коммеморативную конструкцию. В её основании лежит идеологическая атмосфера определённого исторического периода, а также ролевой статус, жизненные перипетии и личностные особенности автора.

Иные предпосылки к появлению творческого продукта мы находим при анализе произведений об истории Брестской крепости. Так, в фильме 1956 г. «Бессмертный гарнизон» все герои показаны под вымышленными фамилиями и только двое из них являются прототипами реальных персонажей – комиссара Е. М. Фомина и командира полка П. М. Гаврилова. Сюжеты фильма по большей части придуманы автором сценария К. М. Симоновым. Однако в «Брестской крепости», вышедшей на экраны в 2010 г., мы встречаем уже реальные фамилии защитников, равно как и действительные эпизоды героической обороны.

В чём здесь дело? В том, что **историческая память «работала» в соответствии с фактами, накопленными исторической наукой:** в случае с первым фильмом их просто не хватало, отсюда вымысел стал неизбежным; к моменту создания второго кинопродукта фактов накопилось достаточное количество для подробной реконструкции реальных событий.

Обобщая приведённые примеры с прозой и фильмами, можно, руководствуясь классификацией И. Чилувы и С. Самойленко, отнести их к непреднамеренной коммеморативной интерпретации действительности.

Для понимания существа преднамеренной манипуляции, построенной к тому же на ложных основаниях и подходящих под термин «дезинформация», обратимся к книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», названной «опытом художественного исследования» и впервые выпущенной в СССР в 1989 году. Оставляя за рамками нашей статьи задачу оправдания либо, напротив, усиления созданного в «исследовании» образа репрессивного государства, поставим следующий вопрос: на чём базируется этот описанный в книге образ? По заявлению самого автора, на письмах, воспоминаниях и устных рассказах 257 заключённых и личном опыте. Как представлены источники-очевидцы? На личностном уровне это «один врач», «один офицер», «полуграмотный печник», «мужик с шестью детьми», «молодой узбек». На уровне обобщённом: «вот говорят», «есть молва», «если верить рассказам». Содержание информации: «был глухой слух, что 150 человек сожгли»; «один сапожник рассказал, как 300 человек чекисты заморозили»; «один чувашенок болтал, что 900 человек расстреляли»; «питерские чекисты имели обыкновение осужденных не расстреливать, а живьём скармливать зверям в зоопарках» и т.д. Иногда А. И. Солженицын даже делал оговорку: «Я не знаю, правда это или навет».

Автор «Архипелага» приводит и конкретные цифры, например, о том, что число жертв большевистского режима с 1917-го по 1959-й год составило 66,7 млн. чел. И это «без военных потерь, только от террористического уничтожения, подавлений, голода, повышенной смертности в лагерях и включая дефицит от пониженной рождаемости». А с военными потерями во Второй мировой войне – ещё 44 млн. Всего 110 млн., то есть больше половины населения СССР по состоянию на 1959-й год.

Откуда взяты цифры? А. И. Солженицын ссылается на учёного-эмигранта И. Курганова (Кошкина) и его статью «Три цифры» в журнале «Новое русское слово» за 1964 г., издающемся за рубежом. И опять делает оговорку: **«Мы, конечно, не ручаемся за цифры профессора Курганова, но не имеем официальных»** [11].

Фиксируя эту ложную, поскольку она ничем не подтверждена, информацию, тем не менее заметим: преднамеренное искажение фактов в данном случае – не самый сложный случай коммеморации, поскольку подлежит «статистическому» опровержению на основе доступных документов, что, собственно говоря, и делают О. А. Матвейчев и А. В. Беляков в книге «Ватник Солженицына» [7].

Однако встречаются ситуации и более трудные, когда бесстрастные цифры могут свидетельствовать и против актуального исторического прочтения событий. Обратимся к хорошо известным и тщательно задокументированным эпизодам и персонажам Второй мировой войны. Лучшие советские асы и трижды герои Советского Союза И. Н. Кожедуб и А. И. Покрышкин сбили, соответственно, 59 и 62 самолёта противника. При этом на счету германского лётчика Э. Хартмана – 352 победы в воздухе. Целый ряд других асов Рейха имеют в своём активе более 100 сбитых самолётов. Как интерпретировать подобные исторические факты в ракурсе, актуальном для нашей страны – главной силы в победе над фашизмом?

За решение этой проблемы берётся тогдашний (в момент написания книги «Война») депутат Государственной Думы России, а впоследствии министр культуры, помощник Президента РФ В. Р. Мединский. Сначала он подходит к теме «математически», анализируя разные системы подсчёта воздушных удач в СССР и Германии. Но, понимая, что этого недостаточно, переходит на другой уровень и делает следующие выводы:

«... Для немцев главным была расчистка неба перед бомбардировщиками и свободная одиночная охота. Оба направления в тактике люфтваффе делали из лётчиков настоящих хищников: нападать на слабых, отставших, раненых, – и, по возможности, уклоняться от сильного соперника. Создавались элитные подразделения, лётчиков для которых подбирали по всей Германии. Они специально готовились к свободной воздушной охоте. Немецкие асы сами решали, стоит ли им нападать – или противник слишком силён. Решив, заходили со стороны солнца, совершали стремительную атаку и скрывались, не ввязываясь в бой. В этом не было трусости. Просто таковы были правила...»

А какие правила войны в воздухе существовали у нас?

«... Советские истребители были привязаны к наземным объектам или воздушным соединениям, которые они охраняли... Перед нашими истребителями командование всегда ставило две главные задачи – прикрытие войск на земле и ударных авиагрупп в небе...» [8]

Таким образом, вопрос о том, чьё боевое мастерство выше, получал не статистическую, а скорее гуманитарную оценку: советские лётчики ничуть не слабее асов противника, а меньшее число сбитых самолётов определялось организацией авиационных подразделений.

В. Р. Мединский реализовал масштабный коммеморативный проект в виде серии изданий под общим заголовком «Мифы о России» («Война» – одна из них), где устоявшиеся исторические штампы о нашей стране подвергались сомнениям, а затем внятно опровергались. Эти штампы-мифы обозначаются прямо в названиях книг: «О жестокости русской истории и народном долготерпении», «Правдивая история Руси от Рюрика до Петра I», «О русской демократии, грязи и «тюрьме народов» и других. Разумеется, что в подходе автора присутствует действие, обозначенное выше термином “fabrication” (подбор, компоновка фактов), однако сами по себе эти факты имели место в действительности, а их изложение работает на создание позитивного образа российского государства.

Перейдём, наконец, к наиболее значимым коммеморациям-интерпретациям событий Великой Отечественной и Второй мировой войн, оказывающим прямое влияние на современную политику и экономику, причём в международном масштабе.

Самые «мягкие» из них касаются преуменьшения победной роли СССР в войне. Так, американский историк Х. Болдуин, чья книга переведена на русский язык и неоднократно публиковалась в России, описывает 11 «великих кампаний», обеспечивших победу во Второй мировой войне. Среди них высадка англо-американских войск в Нормандии, операция «Маркет Гарден» в Голландии, битва за атолл Мидуэй в Тихом океане и другие. Из битв, выигранных Красной армией, он упоминает лишь Сталинградскую [4].

Существуют и другие варианты «решающих битв» и «поворотных пунктов». Но во всех концепциях западных историков предпочтение отдаётся Второму фронту, Тихоокеанскому и Североафриканскому театрам военных действий, а советско-германскому фронту отводится второстепенное место. Авторы западноевропейских и американских учебников истории пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли успехи англо-американских войск.

Российские историки, в свою очередь, настаивают на том, что вовсе не эти военные кампании имели первостепенное значение для победного исхода. Например, «забытая» западными историками победа в битве на Курской дуге дала стратегическое превосходство на всех фронтах; а **«оставшаяся за кадром» операция «Багратион» позволила начать освобождение Европы от нацизма, причём советскими войсками и до открытия Второго фронта** [9].

Что же касается «жёстких» коммеморативных подходов, то Парламентская ассамблея ОБСЕ в 2009 г. приравняла сталинский режим к нацизму и отнесла к преступлениям СССР само начало Второй мировой войны. Как говорилось в резолюции Ассамблеи, в XX в. европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества. И за них, **по версии ОБСЕ, наша страна тоже должна нести ответственность. Это якобы повысит значимость претензий некоторых государств к России за «оккупацию» и «геноцид» в середине прошлого столетия.** Однако российская делегация заявила, что уравнение Третьего рейха и СССР, внесшего решающий вклад в разгром фашизма, является надругательством над историей [1].

Эксперты объясняют подобные интерпретации тем, что **на уровне глобальной элиты возникла объективная заинтересованность в новой концепции Второй мировой войны**, базирующейся на признании равной ответственности СССР и Германии и тождества «сталинизма» с нацизмом. Это позволило бы перевести СССР, а вместе с ним и нынешнюю Россию из статуса страны-победителя и одного из столпов современного миропорядка в категорию побеждённых агрессоров с той лишь разницей, что агрессор-Германия потерпела

поражение в 1945 г., а агрессор-СССР – в 1991-м. Тогда получается, что спасителем человечества от чумы XX в. – тоталитаризма (в форме нацизма и сталинизма) по новой концепции исторической памяти является Запад, а Российская Федерация, как и послевоенная Германия, – правопреемником агрессивной тоталитарной империи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но если Германия давно встала на путь исправления, искупления и заслужила право войти в семью цивилизованных народов, то России ещё предстоит пройти этот путь [16].

В такой атмосфере усиленное внимание российского государства к празднованию Дня Победы, изданию массовой и специальной литературы о войне, созданию общественно-государственных структур с функциями защиты исторической правды и борьбы с фальсификациями является ничем иным, как информационными контрмерами, имеющими целью сохранить статус России как миролюбивой и демократичной страны-победителя. Подробнее с эволюцией российской политики защиты исторической правды в области военной истории за период 2009–2021 гг., историей фактов и историей памяти о Великой Отечественной и Второй мировой войне можно ознакомиться в работах В. Г. Кикнадзе [17], [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, коммеморативные практики, рассматриваемые в ракурсе смысловых интерпретаций, выполняют роль мощного системообразующего информационного ресурса, направленного на программирование желаемого образа мыслей и действий целевых групп как внутри страны, так и за её пределами. Допустимый и не подлежащий юридическим санкциям процесс смыслового позиционирования предполагает:

- **зависимость:** установление связи факта со смысловым контекстом,
- **достраивание:** дополнение недостаточно акцентированного событийного ряда яркими эмоциями,
- **версиальность:** предположение причин и следствий в отсутствие их документальных подтверждений,
- **прогнозирование:** выдвигание аргументов, гипотез и прогнозов на основании смысла, а не фактов транслируемого контента.

Смысловое позиционирование исторических событий, в том числе военных прецедентов, ориентирует аудиторию на то, как следует воспринимать эти события сейчас и что они значат в перспективе. В рамках данного процесса требование «объективности» заменяется необходимостью «актуальности», а исторический контекст переосмысливается в приоритетном для конкретного политического субъекта направлении.

Список литературы

1. *Айзенштадт Д.* Сталина перевернули в могиле. В ОБСЕ приравнивали сталинизм к нацизму. – Газета.RU, 03.07.2009.
2. *Арнаутова Ю. А.* Культура воспоминания и история памяти. – История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. И. Репиной. – Москва: Кругъ, 2006. С. 47–55.
3. *Аронсон Э.* Современные технологии влияния и убеждения: эпоха пропаганды / Эллиот Аронсон, Энтони Пратканис; [Пер. с англ.] – Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2008. - 543 с.
4. *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные; [Пер. с англ.] – Москва: Центрполиграф, 2021. – 624 с.
5. *Володенков С. В.* Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями. – Москва: РГ-Прогресс, 2019. – 584 с.
6. История. – [Большая российская энциклопедия](http://Большая_российская_энциклопедия) [электронная версия].
7. *Матвейчев О. А., Беляков А. В.* Ватник Солженицына. – Москва: Книжный мир, 2018. – 352 с.
8. *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. – Москва: ОлмаМедиаГрупп, Просвещение, 2011. – 656 с.
9. *Морозов Ю. В.* Фальсификация итогов Второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. – Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63.
10. *Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 42 с.
11. *Солженицын А. И.* Архипелаг Гулаг, 1918–1956: опыт художественного исследования: [в 3 т.] – Москва: ПРОЗАИК, 2009.
12. *Станишев Б.* О судьбе мемуаров опального полковника. – Аргументы и факты. № 18-19, 4.05.1995.
13. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д. С. Мартынова. – Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2019. – 312 с.
14. Федеральный закон от 01.04.2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». – [Сайт Президента России](http://Сайт_Президента_России).

15. Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"». – [Официальный интернет-портал правовой информации](#).
16. *Шишкин И. С.* Фальсификация истории и интересы российской элиты. – [Regnum.ru](#), 10.06.2011.
17. *Кикнадзе В. Г.* Великая Отечественная война 1941–1945 г. Историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. Москва: Прометей, 2020. – 198
18. *Кикнадзе В. Г.* Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: Монография. Москва: Прометей, 2021. – 800 с.
19. *Assmann J.* Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. – Harvard University Press, 1998. – 288 p.
20. *Chiluwa I. E., & Samoilenko S. A.* Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online. – Hershey, PA: IGI Global, 2019. – 651 p.
21. *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de memoire. – Paris, 1925. – 211 p.
22. *Mailer N.* Marilyn: A Biography. – Grosset & Dunlap, 1973. – 270 p.

Информация об авторе

Чумиков Александр Николаевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры коммуникационных технологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета; генеральный директор Агентства «Международный пресс-клуб. Чумиков PR и консалтинг», г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Чумиков Александр Николаевич, e-mail: chumikov@pr-club.com

HISTORICAL POLICY

Original Paper

Positioning of military history: commemoration and interpretation

Alexander N. Chumikov^{1, 2} ✉

¹ *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>, e-mail: chumikov@pr-club.com

² *Agency "International Press Club. Chumikov PR and Consulting, Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7208-9783>, e-mail: chumikov@pr-club.com

Abstract:

The perception of historical events based on available facts, in the context of the mediatization of social space, is increasingly supplemented and replaced by their semantic interpretation. This gives rise to the emergence of such concepts as "post-truth" and "post-reality". In a situation of progressive growth of sources and volumes of information, "real" reality fades into the background and gives way to a stream of interpretations made by interested parties in order to influence the consciousness and behavior of consumers. "Post-truth" is used to characterize any person, organization and event, including the precedents of military history. One of the tools of "post-truth" is commemoration – historical memory. The focus of the article is on the questions of what communication methods are used to carry out commemorative operations; how to counteract those of them that are illegal, and what information policy to conduct with respect to the mechanisms of admissible. The practice of constructing the information background around the historical situations of the Great Patriotic War and the Second World War is analyzed with the help of "facts", "factoids", "fakes", "disinformation". It is concluded that commemorative decisions with semantic interpretations have traditions in the past and become inevitable in the present. They play the role of a system-forming information constructor, programming the desired way of thinking and actions of target groups both within the country and abroad. The semantic positioning of events in military history presupposes the orientation of the audience on how the historical context should be perceived

now and what it means in the future. Within the framework of this process, the requirement of "objectivity" is replaced by the need for "relevance", and the context of messages is rethought in a priority direction for a particular political subject.

Keywords:

mediatization, post-truth, semantic positioning, interpretation, history, history science, commemoration, historical memory, communicative memory, cultural memory, fact, disinformation, factoid, falsehood, fake news

References

1. Ajzenshtadt D., 2009, Stalina perevernuli v mogile. V OBSE priravnjali stalinizm k nacizmu [Stalin was turned over in his grave. The OSCE equated Stalinism with Nazism]. – [Gazeta.RU](#), 03.07.2009. (In Russ.)
2. Arnautova Yu. A., 2006, Kultura vospominaniya i istoriya pamyati [Culture memories and the history of memory]. – *Istoriya i pamyat: Istoricheskaya kultura Evropy do nachala Novogo vremeni*. Pod red. L. I. Repinoj. – Moskva: Krug. – S. 47-55. (In Russ.)
3. Aronson E., 2008, *Sovremennye tekhnologii vliyaniya i ubezhdeniya: epoha propagandy* [Modern technologies of influence and persuasion : the era of propaganda]. Elliot Aronson, Entoni Pratkanis; [Per. s angl.] – Sankt-Peterburg : Prajm-Evroznak. – 543 s. (In Russ.)
4. Assmann J., 1988, *Moses the Egyptian : The Memory of Egypt in Western Monotheism*. – Harvard University Press. – 288 p. (In Eng.)
5. Bolduin H., 2021, *Srazheniya vyigrannye i proigrannye* [Battles won and lost]. – Moskva: Centrpoligraf. – 624 s. (In Russ.)
6. Chiluya I. E., & Samoilenko S. A., 2019, *Handbook of research on deception, fake news, and misinformation online*. – Hershey, PA: IGI Global. – 651 p. (In Eng.)
7. Federalnyj zakon ot 01.04.2020 №100-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» [On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation]. – [Website of the President of Russia](#). (In Russ.)
8. Federalnyj zakon ot 18.03.2019 № 31-FZ «O vnesenii izmenenij v statyu 15-3 Federalnogo zakona "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii"» [On Amendments to Article 15-3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection"]. – [Official Internet portal of legal information](#). (In Russ.)
9. Halbwachs M., 1925, *Les cadres sociaux de memoire*. – Paris. – 211 p. (In France)
10. Istoriya [History]. – [Bolshaya rossijskaya enciklopediya – elektronnyaya versiya](#). (In Russ.)
11. Kiknadze V. G., 2020, *Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg. Istoricheskaya pravda o klyuchevykh sobytijakh i yavleniyakh v voprosakh i otvetakh* [Great Patriotic War 1941—1945: the historical truth about key events and phenomena in questions and answers]. Moskva: Prometey, 2020. – 198 s. (In Russ.)
12. Kiknadze V. G., 2021, *Rossiyskaya politika zashchity istoricheskoy pravdy i protivodeystviya propagande fashizma, ekstremizma i separatizma: Monografiya* [Russian policy of protecting historical truth and countering the propaganda of fascism, extremism and separatism]. Moskva: Prometey, 2021. – 800 s. (In Russ.)
13. Matvejchev O. A., Belyakov A. V., 2018, *Vatnik Solzhenicyna* [Solzhenitsyn's quilted jacket]. – Moskva: Knizhnyj mir. – 352 s. (In Russ.)
14. Medinskij V. R., 2011, *Vojna. Mify SSSR. 1939-1945* [War. Myths of the USSR. 1939-1945]. – Moskva: OlmaMediaGrupp, Prosveshchenie. – 656 s. (In Russ.)
15. Morozov Yu. V., 2015, *Falsifikaciya itogov vtoroj mirovoj vojny v ramkah informacionnoj bor'by protiv Rossii* [Falsification of the results of the Second World War as part of the information struggle against Russia]. – *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. – 2015. № 25. S. 50-63. (In Russ.)
16. Mailer N., 1973, *Marilyn: A Biography*. – Grosset & Dunlap. – 270 p. (In Eng.)
17. Repina L. P., 2003, *Kulturnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographical notes)]. – M.: GU VShE. – 42 s. (In Russ.)
18. Solzhenicyn A. I., 2009, *Arhipelag Gulag, 1918-1956 : opyt hudozhestvennogo issledovaniya* [The Gulag Archipelago, 1918-1956: the experience of artistic research]: [v 3 t.] – Moskva: PROZAIK. (In Russ.)
19. Shishkin I., 2011, *Falsification of history and Interests of the Russian Elite* [Falsification of history and the interests of the Russian elite]. – [Regnum.ru](#), 10.06.2011. (In Russ.)
20. Stanishev B., 1995, *O sudbe memuarov opalnogo polkovodca* [About the fate of the memoirs of the disgraced commander]. – *Argumenty i fakty*, № 18-19, 4.05.1995. (In Russ.)
21. Volodenkov S. V., 2019, *Politicheskij menedzhment i upravlenie sovremennymi politicheskimi kampaniyami* [Political management and management of modern political campaigns]. – M.: RG-Progress, 2019. – 584 s. (In Russ.)
22. *Upravlyaemost i diskurs virtualnyh soobshchestv v usloviyah politiki postpravdy* [Manageability and discourse of virtual communities in the context of post-truth politics]. Monografiya (2019) / Pod red. D. S. Martyanova. – Sankt-Peterburg: ElekSis. – 312 s. (In Russ.)

Alexander N. Chumikov, Dr. Sci. (Political), Prof., Prof. of the Department of Communication Technologies of the Institute of International Relations and Socio-Political Sciences of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Alexander N. Chumikov, e-mail: chumikov@pr-club.com

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 3

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 3

УДК: 94(4):355.4+327(47+438+430) «20/21»

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-23-23

Поступила в редакцию: 15.06.2021 г.

Submitted: June 15, 2021

Опубликована: 22.08.2021 г.

Published online: August 22, 2021

Для цитирования: Корнилова О. В. Возникновение и становление «Катыни» как места памяти: пропагандистская операция Третьего рейха в 1943 году // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 23-23. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-23-23>.

For citation: Kornilova O. V. The Origin and Genezis of Katyn as a Place of Memory: Propaganda Operation of the Third Reich in 1943. *Nauka. Obshestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):23-23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-23-23>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Оригинальная статья

Возникновение и становление «Катыни» как места памяти: пропагандистская операция Третьего рейха в 1943 году

Оксана Викторовна Корнилова ¹ ✉

¹ г. Смоленск, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6382-4432>, e-mail: smolkorn@gmail.com

Аннотация:

В современной Польше *Katyn* («Катынский вопрос», «Катынское дело») прошла очередную стадию развития, превратившись из названия исторического события периода Второй мировой войны и маркера национальной идентичности в догму, в постулат, в своеобразный «польский Холокост». Государственная монополия на трактовку исторических событий *преступления Katyn* принадлежит Институту памяти народной (IPN). Любые попытки осмысления катыньских событий и научной дискуссии объявляются *отрицанием Katyn* по аналогии с отрицанием Холокоста. Современные обвинения в адрес Российской Федерации в нежелании признать вину Советского Союза в геноциде поляков – при том, что бо́льшая часть из предъявляемых 22 тыс. катыньских жертв никогда не была ни эксгумирована, ни идентифицирована – являются ярким примером так называемых войн памяти, причем с антироссийским политическим подтекстом. В данной статье мы используем латинское

(польское) написание названия Катынь с целью подчеркнуть, что в данном случае имеется в виду не географическое название или некое историческое событие (Катынское преступление), а теоретический конструкт (концепт), содержание которого может быть адекватно осмыслено только в рамках и с использованием инструментария, разработанного для изучения символической политики и политики памяти. Данное исследование посвящено таинству зарождения *Katyn* в апреле 1943 года. В работе представлены ранее не публиковавшиеся на русском языке фрагменты дневника, посвященные Катыньскому вопросу. Особое внимание уделено тем организациям и их отдельным функционерам, которые участвовали в концептуализации, популяризации и легализации *преступления Katyn* весной 1943 года. Зарождение понятия *Katyn* (*преступление Katyn*) происходило в высших эшелонах руководства нацистской Германии, которое, совершая массовые преступления против человечества, в том числе и Холокост, в условиях поражения в Сталинградской битве и коренного перелома в ходе Второй мировой войны было вынуждено прибегнуть к антисоветской доктрине «сила через страх». *Katyn* изначально зародилась и стала развиваться по инициативе и при поддержке тех сторон, которые были или виновниками Холокоста, или закрывали глаза на совершаемые преступления (*bystanders*).

Ключевые слова:

Катынь, Вторая мировая война, информационная война, нацизм, пропаганда, Геббельс, анти-Холокост, Катыньская провокация, нацистская Катынь

*Никогда не бывает так много лжи,
как до выборов, во время войны и после охоты
Отто фон Бисмарк*

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX в. на основе опыта Первой мировой войны основные принципы информационного противостояния воюющих стран были сформулированы лордом А. Понсонби в книге «Ложь во время войны» (1928) [26]. Однако и в более ранние периоды противоборствующие стороны вовсю использовали пропагандистский принцип: мы за все хорошее и против войны, а враг жесток, коварен и уродлив.

В годы польско-советской войны 1919–1920 гг. в пилсудской Польше массово издавался плакат «Бей большевика!», изображавший благородной внешности польского офицера, замахивающегося саблей на «большевика» со звероподобным лицом и красной звездой на фуражке. Благообразный конный воин олицетворяет собой Вторую Речь Посполитую, которая борется с советскими «недочеловеками» на Востоке.

«Бей большевика!». Польский плакат периода польско-советской войны 1919–1921 гг.
Polish propaganda poster "Smash the Bolshevik!" of the Polish-Soviet war 1919-1921

В годы Второй мировой войны эти два персонажа – практически в той же самой символической визуализации – вернутся на арену информационного противостояния. Однако сюжет плаката претерпит серьезные изменения: у польского офицера руки окажутся связанными за спиной, а «иудо-большевики» будут целиться ему в затылок из пистолета. В 1943 году появится и слово, описывающее изображенную сцену, – *Katyn*.

История Второй мировой войны знает большое число как провокаций, совершенных по приказу А. Гитлера, так и откровенной пропагандистской лжи, источником которой являлось министерство пропаганды третьего рейха. Имя Й. Геббельса вошло в историю Второй мировой войны как символ лживых нацистских пропагандистских акций.

31 августа 1939 г. – в самый канун Польской кампании вермахта – в германском городе Глейвиц вблизи германо-польской границы по приказу Гитлера войсками СД была осуществлена провокация с захватом радиостанции. На следующий день, выступая в рейхстаге, польским нападением глава Третьего рейха объяснил начатую против Польши войну. События 3–4 сентября 1939 г. в польском Быдгоще были моментально превращены в пропагандистское «Бомбергское кровавое воскресенье» (Bromberger Blutsonntag) (1).

Данное исследование посвящено еще одной провокации министерства пропаганды Третьего рейха – так называемому *преступлению Katyn*.

Сложившаяся к настоящему времени общественная ситуация свидетельствует о том, что изучение различных аспектов Катынского вопроса является востребованным и актуальным. Обзор современных политических и общественных дискуссий по «Катынскому делу» дан в статье В.Г. Кикнадзе, опубликованной в апреле 2021 года в журнале «Вопросы истории» [7], и его монографии о российской исторической политике [8, с. 390–424]. В рамках предложенного В.Г. Кикнадзе дискурса представляется данное исследование.

Мы исходим из того, что на протяжении своего существования (с момента возникновения в апреле 1943 г. вплоть до современности) понятие *преступление Katyn* имело, как минимум, три различные содержательные составляющие.

С апреля 1943 г. до 1946 г. существовала сформулированная в высших эшелонах власти нацистской Германии первая версия *преступления Katyn*, жертвами которого были объявлены 10–12 тыс. польских военнопленных, гражданских лиц, священников и интеллигенции, привезенных в Козьи горы под Смоленск из Козельского лагеря и расстрелянных здесь весной 1940 года [22; 27]. Окончание данного периода связано с деятельностью Нюрнбергского международного военного трибунала, который осудил нацизм, но не поставил точку в так называемом Катыньском вопросе. Мемориализация этих теоретических построений была осуществлена в виде оформления польского кладбища на оккупированной смоленской земле летом 1943 года. Назовем формулировку *преступления Katyn* указанного периода как «*нацистская Katyn*» (*Nazi-Katyn*).

В период холодной войны лондонское эмиграционное правительство вело активную деятельность по дальнейшей разработке сформулированной нацистскими властями содержательной составляющей *преступления Katyn*. Численность его жертв была увеличена до 14,5 тыс. человек, места содержания были определены как Козельск, Старобельск, Осташков [35; 36; 38; 39; 47; 49]. За пределами СССР мемориализовано это содержание было в виде памятника под названием «*Memorial Katyn*», установленного в Лондоне в 1976 г. на собранные американо-британскими фондами средства [39].

Окончание этого периода – назовем его *Katyn холодной войны* (*Cold War Katyn*) – связано с обнародованием в горбачевско-ельцинский период ксерокопий ряда документов о судьбе 14,5 тыс. поляков. На территории Российской Федерации это содержание *преступления Katyn* было мемориализовано в 2000 г. в виде польских военных кладбищ «*Katyn*» под Смоленском и «*Медное*» на Тверской земле.

С октября 1992 г. существует третье – снова расширенное – содержание *преступления Katyn*. На этот раз численность жертв была снова увеличена, а география преступления расширена: появились понятия «*украинская Katyn*» и «*белорусская Katyn*», общее число катыньских жертв достигло уже 22 тыс. человек [4; 5; 11; 18; 19; 21; 25; 29; 30; 31; 33; 40; 42; 43; 50; 51]. Мемориализована эта концепция была только на Украине – в виде сооружения в 2012 году польско-украинского мемориала «*Быковня*». В планах польской стороны строительство так называемого *пятого катыньского кладбища* в Белоруссии.

С точки зрения методологии мы исходим из того, что понятие и обозначающее его слово *Katyn* впервые появилось на страницах нацистской партийной прессы и изначально присутствовало в двух словосочетаниях: *Massenmord von Katyn* (*преступление Katyn*) и *Wald von Katyn* (*лес Katyn, лес преступления Katyn, Катыньский лес*) [23; 32]. При этом *Преступление Katyn* – это описание того, как польские офицеры попали в плен; выстраивание предположений о тех местах, где они содержались и где были расстреляны; подсчеты того, сколько человек и где именно погибли.

Лес Katyn – это материализация теоретической формулировки *преступление Katyn*, привязка его к определенной местности и воплощение в объектах реального мира. Это направление, прежде всего, выражено посредством мемориальной политики Польши по обустройству реальных и символических захоронений, установке именных табличек и символических знаков, строительстве *катыньских кладбищ*.

КáТЫНЬ vs KATYН

В рамках предложенного дискурса принципиальным является разграничение названия населенного пункта **Кáтынь** (ударение на первый слог), с дописьменных времен существующего в Смоленском районе Смоленской области, и историко-политического *Katyn* (на русском языке произносится с ударением на второй слог – кат**ы**нь).

Для обозначение расстрела польских граждан в урочище Козьи горы под Смоленском используется историко-политический слоган *Katyn*, а не русское название отстоящего на 7 км от места обнаружения захоронений населенного пункта **Кáтынь**.

Имя прилагательное, образованное от названия поселка **Кáтынь** (произносится *кáтынский*), обозначает географическую привязку к этому населенному пункту – *кáтынская школа, кáтынский магазин, Кáтынский сельский округ, Кáтынский сельский совет*.

Катынский герой Александр Иванов (1923 – 1993) / Katyn hero Alexander Ivanov (1923 – 1993)

В кáтынской средней школе учился Александр Васильевич Иванов (1923–1992) – будущий Герой Советского Союза, проявивший героизм и мужество при форсировании Днепра в годы Великой Отечественной войны [2, с. 214–216]. Память о А.В. Иванове хранят и чтут кáтынские жители – жители населенного пункта Кáтынь. Имя кáтынского героя Александра Васильевича Иванова высечено золотыми буквами в зале Славы Центрального музея Великой Отечественной войны (Музея Победы) в Москве.

Кáтынской трагедией, исторически и географически связанной с конкретным населенным пунктом Смоленского района, является уничтожение деревни Кáтынь (Кáтынь-Успённое) и ее жителей гитлеровскими оккупантами в 1941–1943 гг. (2).

Имя прилагательное *катыньский* (*катыньский*), образованное от немецко-польского *Massenmord von Katyn* или просто *Katyn*(катынь), – имеет другое значение. В современном английском и польском языках закрепился целый ряд

производных от него понятий:

- zbrodnia Katynska (*Катыньское преступление*) и Katyn Massacre (*Катыньская резня*), которым обозначается расстрел около 22 тыс. польских граждан на территории современных Российской Федерации, Белоруссии и Украины в 1940 г.;
- katyn decyzija (*катыньское решение*) – имеется в виду решение о расстреле, оформленное как постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г.;
- klamstwo katynskie (*катыньская ложь*) – так характеризуются попытки советских руководителей от Сталина до Горбачева «скрыть правду» о *Катыньском преступлении*. Содержание этого термина тесным образом связано с концепцией так называемой второй советской оккупации Польши;
- lista katynska (*катыньские списки*) – обобщенное наименование всех известных и неизвестных поименных списков *катыньских жертв*: «этапные списки» 14,5 тыс. заключенных Козельска, Старобельска и Осташкова, обнародованные Горбачевым в 1991 г. [47]; «списки Цветухина» 1994 г. («украинские катыньские списки») [46] и разыскиваемый до сих пор польской стороной «белорусский катыньский список»;
- ofiary Katynia и ofiary zbrodni katynskiej (*жертвы катыни, катыньские жертвы*) – обобщенное наименование 22 тыс. катыньских жертв, расстрелянных во исполнение *катыньского решения*;
- katunczyki (*катыньчуки*) и katyniaki (*катыняки*) – то же, что и катыньские жертвы, около 22 тыс. польских граждан, жертв *преступления Катунь*, менее официальное название *катыньских жертв* [53];
- и другие.

Очевидно, имеющиеся во всех этих случаях «катыньские жертвы» (за гибель которых Б.Н. Ельцин ездил каяться в Варшаву перед крестом с надписью «КАТЫНЬ 1940»), уж точно не жители смоленского поселка Кáтынь или их предки.

В настоящее время Katyn представляет собой польское национальное место памяти (lieux de mémoire в концепции французского исследователя П. Нора) (3) [15, с. 17], а также и наднациональный метоним, акроним (в формулировке А. Эткинда) [25].

Польский премьер-министр Дональд Туск во время выступления на траурной церемонии в Козьих горах 7 апреля 2010 г., стоя на ритуальной площадке, где расходятся дорожки польского военного кладбища *Katyn* и российской части мемориального комплекса, сказал: «Все мы, поляки, одна большая *Katyn*».

Название *Кáтыньский лес* для носителей русского языка и *las katynski* для поляка имеют разную семантическую основу и занимают разное место в национальной культуре памяти.

Для польской национальной идентичности место памяти *las katynski* как место совершения *преступления Katyn* сакрально и более чем реально. В сотнях и тысячах статей, буклетов, стихов, молитв, траурных речей и прочих упоминаний о *Katyn* говорится только о *lesie katynskim*. Лишь в редких работах можно встретить единичные употребления названия *Козьи горы* [41].

Русское название *Káтынский лес* политически и исторически нейтрально, так как подразумевает лишь топоним – географическую привязку к определенной местности.

НАЦИСТСКАЯ КАТУН

В польской и англоязычной литературе «классическое» описание истории *преступления Katyn* начинается с 23 августа 1939 г. – даты подписания Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом.

Еще две ключевые даты, которые по мнению западных авторов (и, соответственно, их отечественных последователей) являются исходными для понимания событий *преступления Katyn*, – это 1 сентября и 17 сентября 1939 года. Их символическое наполнение связано с трактовкой событий начала Второй мировой войны как согласованного нападения на Польшу двух тоталитарных государств – Германии и Советского Союза. Данная интерпретация, очевидно, тесным образом связана с усилиями по обвинению Советского Союза в соучастии Гитлеру в развязывании Второй мировой войны и призвана на символическом уровне служить средством уподобления двух политических режимов – гитлеровского и сталинского – и «уравнивания» исторической ответственности двух стран – Германии и СССР – за трагедию народов Европы в период Второй мировой войны.

Чугунные копии Креста сентябрьской кампании размещены на польских военных кладбищах «Katyn» в Смоленской области и «Медное» на Тверской земле / Cast iron copies of the "Cross of the September Campaign 1939" placed at the Polish military cemeteries "Katyn

Очевидно, что польские военные кладбища «Katyn» и «Медное» создавались не просто под воздействием данной концепции, но в полном соответствии с ее основными постулатами: так, на них размещены отлитые в чугуне увеличенные копии Креста сентябрьской кампании – юбилейной медали, учрежденной указом президента польского эмиграционного правительства в Лондоне 1 сентября 1984 г. «в память о боях за защиту и независимость Польско-литовского содружества во время военной кампании с Германией и Советским Союзом в 1939 году». Награждали ею как отличившихся в боях против Германии, так и участвовавших в редких столкновениях с частями Красной армии после 17 сентября 1939 года.

НАЦИСТЫ В СМОЛЕНСКЕ

В феврале 1943 г. победой Советского Союза завершилась беспрецедентная по своим масштабам и значению Сталинградская битва. С победы Красной армии в Сталинградской битве начался отсчет коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и Второй мировой войны.

После поражения под Сталинградом нацистским руководством начала активно использоваться пропагандистская доктрина *Kraft durch Furcht* («сила через страх»). В целом она была призвана показать всему миру, что Советский Союз хуже, чем нацистская Германия. Осуществить это предполагалось через вызванный страх перед советским строем, который пропаганда должна была представить Европе и всему миру как более кровавый и жестокий, чем нацистский. Содержание пропаганды в рамках кампании «сила через страх» было разным для разных целевых групп.

Для немецкого населения Третьего рейха пропаганда в духе *Kraft durch Furcht* была призвана поднять моральный дух, сплотить нацию и поддержать надежду на успешное окончание войны. В Германии весной 1943 г. была усилена антисемитская пропаганда, также в это время были проведены акции по «окончательной ликвидации» (уничтожению) еврейских гетто (Краковского, Варшавского и других). Противники описывались с привычной уже риторикой: вермахт воевал с «жидо-большевистским СССР» и его союзниками – «жидами из Англии».

Для оккупированных европейских стран был выдвинут пропагандистский концепт «Новая Европа» – сплочение европейских стран против СССР под эгидой Германии. Страны «Новой Европы» должны были увидеть, что в случае победы Советского Союза в Европе наступит режим более жестокий и кровавый, чем существовал при

нацистской оккупации. Германия начала искать те политические силы, которые были готовы сотрудничать с ней против СССР.

Якобы случайное обнаружение весной 1943 г. под Смоленском останков польских офицеров и вброс в мировые СМИ информации о кровавом «жидо-большевистском» преступлении *Katyn* по времени совпало со сменой политического курса Третьего рейха для оккупированных восточных территорий.

Позиция Гитлера по отношению к Советскому Союзу отражена в одной из его публичных речей этого времени для партийного руководства: «... в этой войне противостоят друг другу буржуазные и революционные государства. Свержение буржуазных государств далось нам легко, потому что они полностью уступали нам в образовании и отношениях. Мировоззренческие государства имеют преимущество перед буржуазными государствами, поскольку они стоят на четкой интеллектуальной основе. Выросшее из этого превосходство принесло нам большую пользу вплоть до Восточной кампании. Но потом мы встретили противника, который тоже представляет мировоззрение, хотя и неправильное» (весна 1943 г.) [27, s. 1927].

Победа Красной армии в Сталинградской битве 1942–1943 гг. показала военную мощь Советского Союза и его возможность противостоять Третьему рейху и его союзникам. Для Гитлера оставалась еще надежда одержать верх над Советским Союзом в пропагандистской – мировоззренческой – войне. На победу в ней фюрер еще надеялся.

О важности пропагандистских кампаний на Востоке и о своих успехах на данном направлении Геббельс записал так: «Вчера: <...> К сожалению, я не продвинулся дальше в вопросе пропаганды на оккупированных восточных территориях и в Советском Союзе» [27, s. 1912]. Запись датирована 17 марта 1943 года.

Геббельсу, очевидно, требовался какой-то новый, значимый в глазах европейского (а может быть, и мирового) общественного мнения информационный повод, который бы выбивался из общего ряда ставших уже рутинными рассказов о «большевистском варварстве». Повод, который не просто соответствовал бы целям и задачам информационной кампании «сила через страх», но и имел бы резонансное звучание в Европе.

И – о чудо! – спустя меньше месяца берлинское радио на весь мир объявит о раскрытии нацистскими властями «чудовищного злодеяния большевиков» и весь мир содрогнется от «ужасов кровавого советского режима». Еще спустя две недели Советский Союз вынужден будет разорвать дипломатические отношения с лондонским эмиграционным правительством.

Что же произошло за это время? Появилась *Katyn*.

Широко известно и документально доказано, что нацистские власти практиковали сокрытие следов своих преступлений, осуществляемое во исполнение «операции 1005» [15]. В тот период, когда нацисты были уверены в вечном существовании своего Рейха, они особо не скрывались – шили перчатки и абажуры из человеческой кожи, пепел от сожженных в крематориях тел использовали в качестве сельскохозяйственных удобрений, выкачивали до последней капли кровь у детей для солдат и офицеров вермахта. В лагерях смерти тела людей, умерщвленных в газовых камерах, сжигали в печах крематориев. В концентрационных лагерях и гетто тела расстрелянных закапывали неподалеку. Так, неподалеку от Варшавы (in der Nähe von Warschau) были захоронены в ямах останки расстрелянных узников Варшавского гетто, неподалеку от Кракова (in der Nähe von Krakau) – узников Краковского гетто. При проведении «операции 1005» узников лагерей и гетто отправляли раскапывать захоронения ранее убитых и уничтожать останки. Самих узников-исполнителей впоследствии ждала такая же участь. То же самое практиковалось на оккупированной территории СССР в местах существования концлагерей и лагерей военнопленных.

Обгорелые трупы сожженных женщин и детей
д. Осташково Издешковского района Смоленской области (март 1943 г.).
Жительница деревни держит на руках сожженного ребенка
Фото из фондов Смоленского государственного музея-заповедника

Charred corpses of burnt women and children
of the village of Ostashkovo, Izdeshkovsky district of the Smolensk region (March 1943).
A villager holds a burnt child in her arms
Photo from the collection of the Smolensk region State Museum

Скрыть или уничтожить физические следы своих преступлений на оккупированных советских землях гитлеровцам было невозможно. Германские власти озаботились не захоронениями сотен тысяч советских военнопленных и мирных жителей, евреев, цыган или душевнобольных. Скрыть эти преступления от советского народа было так же невозможно, как и преступления Освенцима и других лагерей смерти и Холокост в целом.

Если бы советское правительство сочло необходимым после освобождения Смоленска обнародовать факт обнаружения массового захоронения в Козьих горах, приписав его нацистам, то это могло если не сорвать, то нанести серьезный удар по геббельсовской кампании «в защиту новой Европы».

Откопанные неподалеку от Смоленска и, что вероятно, свезенные из других мест тела в польском военном обмундировании первоначально, предположительно, планировалось уничтожить для сокрытия следов многочисленных преступлений, совершенных гитлеровцами на территории Смоленской области. Однако Геббельс использовал захоронения в Козьих горах для решения стоявшей перед ним задачи по организации широкомасштабной пропагандистской кампании, направленной против СССР.

Вполне оправданные военно-стратегические прогнозы германских разведслужб о том, что после поражения Гитлера в Сталинградской битве союзники выступят единым фронтом, были оценены Геббельсом как «наша почти абсолютная беззащитность перед британским воздушным террором сегодня» (запись от 9 апреля 1943 г.) [27, s. 1920].

Здесь же, под той же самой датой 9 апреля 1943 г., в дневниках Геббельса зафиксировано: «Вчера: Массовые могилы поляков найдены под Смоленском» (in der Nähe von Smolensk) [27, s. 1920]. Далее главным пропагандистом Третьего рейха была дана интерпретация изложенного факта – то есть, по сути, сформулирована объяснительная модель, которую можно было (или следовало) положить в основу дальнейших заявлений и пропагандистских акций: «Большевики просто застрелили около 10 000 польских пленных, включая гражданских заключенных, епископов, интеллектуалов, художников и т.д., и похоронили их в братских могилах» [27, s. 1920].

В общей своей схеме идея с объявлением виновника преступления пострадавшей стороной и многократным увеличением численности жертв уже неоднократно была опробована гитлеровцами. Можно вспомнить события того же Бромбергского кровавого воскресенья (Bromberger Blutsonntag) 3–4 сентября 1939 года.

Под этой же датой 9 апреля 1943 г. дневники Геббельса зафиксировали указание на начало такой международной информационной кампании: «Вчера: Я сделал так, что к польским массовым могилам приехали нейтральные журналисты из Берлина. Я также пригласил польских интеллектуалов. **Там они должны увидеть собственными глазами, что их ждет, если их заветное желание того, что Германия будет побеждена большевиками, действительно бы сбылось** (выделено нами. – О.К.)» [27, s. 1920].

Прибывшим 10 апреля в Козьи горы из Варшавы, Кракова и Люблина полякам-«интеллектуалам» нацисты смогли предъявить около 250 тел в двух ямах [40, p. 215].

Геббельсом, как хорошо видно, четко сформулирована цель того, для чего привезли «нейтральных» журналистов и «польских интеллектуалов» под Смоленск на место обнаружения захоронений. Не освещение хода эксгумационных работ, не ознакомление с результатами расследования, не гуманитарная миссия – нет.

Основная цель прибытия в Козьи горы этих специально отобранных нацистскими властями свидетелей – увидеть воочию «кровавое преступление» советского государства, чтобы потом распространить информацию о том, что ждет европейские страны, если Советский Союз одержит победу над Германией в ходе Второй мировой войны. Это полностью соответствовало нацистской пропагандистской доктрине «сила через страх» для Новой Европы. «Сталин хуже, чем Гитлер, а советский строй хуже, чем нацизм», – этот постулат изначально закладывался в идеологическую основу понятия *Katyn*.

13 апреля 1943 г. соответствующая версия *преступления Katyn* была озвучена официальными нацистскими средствами массовой информации – через радиосообщения, транслируемые на территории большей части государств-участниц Второй мировой войны, а также оккупированных Третьим рейхом стран. Нацистская Германия обладала мощнейшим пропагандистским аппаратом. По оценкам исследователей, ей было подконтрольно более тысячи газет, радиостанций, типографий, в том числе и тех, которые располагались далеко за пределами ее границ.

Сообщение нацистского радио от 13 апреля 1943 г. гласило: «Из Смоленска сообщают, что местное население указало немецким властям место тайных массовых экзекуций, проведенных большевиками, где ГПУ уничтожило 10 000 польских офицеров. Немецкие власти отправились в Косогоры – советскую здравницу, расположенную в 16 км на запад от Смоленска, где и произошло страшное открытие <...> Офицеры находились сначала в Козельске под Орлом, откуда в феврале и марте 1940 г. были перевезены в вагонах для скота в Смоленск, а оттуда на грузовиках перевезены в Косогоры, где большевики всех их уничтожили» [4, с. 447].

Строгий расчет на изменение расстановки военно-политических сил в условиях коренного перелома хода войны, стремление вбить клин между союзниками, продуманный расчет сплотить антисоветские силы Новой Европы вокруг нацистской Германии – вот основные цели, которые преследовало руководство третьего рейха, объявляя об обнаружении захоронении под Смоленском поляков – «жертв кровавого большевистского преступления».

Обвинение Советского Союза в совершении *преступления Katyn*, поддержанное мощнейшими информационными акциями, должно было помочь Германии одержать победу над СССР в мировоззренческой войне, которая увеличила бы шансы на победу Германии в войне в окопах.

14 апреля 1943 г. Геббельс записал: «Вчера. Обнаружение 12 000 польских офицеров, убитых ГПУ, сейчас широко используется в антибольшевистской пропаганде. У нас есть нейтральные журналисты и польские интеллектуалы, побывавшие на месте». И далее: «Теперь фюрер также дал нам разрешение опубликовать драматичный отчет в немецкой прессе. Поручаю максимально полно использовать этот пропагандистский материал. Мы сможем прожить на нём несколько недель» [27, с. 1923].

Во исполнение распоряжения Гитлера, который лично контролировал ход Катынского дела, 15 апреля уже будет готов информационный материал этого «драматичного отчета» для прессы. Начиная со следующего дня статьи о катынском преступлении большевиков начнут публиковаться в главной нацистской партийной газете «Фелькишер Беобахтер», в издававшейся в столице Польского генерал-губернаторства газете «Краковский гонец» [48], в Японии [12, с. 2] и целом ряде других «нейтральных» изданий.

16 апреля 1943 г. на страницах «Фелькишер Беобахтер» была опубликована первая статья, рассказывающая об обнаруженных «в лесу Katyn» польских захоронениях [32]. Необходимо учитывать, что «Фелькишер Беобахтер» являлась главной партийной газетой национал-социалистической партии Германии (НСДАП), что определяло ее читательскую аудиторию и содержание публикуемых материалов. По сути, это первое публичное представление слова «Katyn» и того содержания, которое оно подразумевало. Сам текст статьи датирован 15 апреля 1943 года.

«Фелькишер Беобахтер» от 16 апреля 1943 года
Nazi Newspaper "Völkischer Beobachter", April 16, 1943

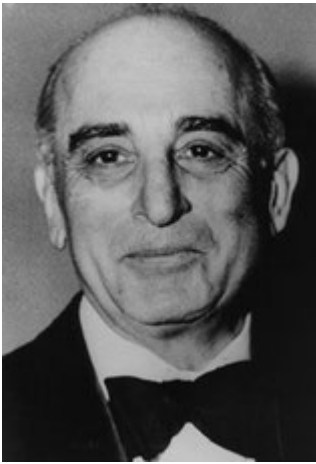
В исторических работах, посвященных проблеме Катынского дела, нам не удалось обнаружить исследований, посвященных анализу ни данной статьи, ни последующих публикаций о Katyn в официальной нацистской прессе. Очевидно, однако, что упускать из рассмотрения первый, начальный этап концептуализации «Катынского преступления» (или даже всего «Катынского вопроса») нельзя ввиду его огромной значимости для понимания всех его дальнейших «реинкарнаций» в процессе превращения в польское «место памяти» или наднациональный метоним.

Называлась статья «Katyn – пример нападения Иуды на Европу» [32]. Эпиграфом к статье вынесены следующие слова: «Еврей Дэвис: "Мы можем доверять Советскому Союзу!"».

Кто такой этот Дэвис и как он оказался «причастным» к нашей истории?

Оказывается, недовольство и яростные нападки немецкой прессы вызвала опубликованная в британской газете «Evening Standard» статья Д.Э. Дэвиса «Да, мы можем доверять Советскому Союзу», в которой «еврей Дэвис приступает к пропаганде большевизма в Англии» [32].

Д.Э. Дэвис (1876–1958) – американский юрист, дипломат, посол в СССР в 1936–1938 гг., один из организаторов и почетный председатель Национального совета американо-советской дружбы. В своей книге «Миссия в Москву» (1942) он положительно отзывался о Сталине и сталинском режиме. Книга, переведенная на 13 языков, разошлась тиражом в 700 тыс. экземпляров. Весной 1943 г. на основе этих мемуаров был выпущен фильм с таким же названием, рассказывающий о встречах посла со Сталиным, поездках по Советскому Союзу и

Д.Э. Дэвис / J.E. Davis

положительных впечатлениях посла о советском строе. В годы Второй мировой войны Д.Э. Дэвис настойчиво выступал за открытие второго фронта в Европе.

Германии, безусловно, было крайне важно знать, как развиваются отношения между противостоящими ей странами. И не только знать, но и пытаться влиять на эти отношения. В нацистской прессе, например, шла яростная критика и посла СССР в США М.М. Литвинова («этот шулер назначен теперь защищать большевистские интересы в США и ратовать за еврейско-большевистскую войну») [16].

Преамбула первой статьи о Katyn звучит так: «Вместе с 10–12 000 офицеров к большевикам в руки попали более 500 000 польских солдат. Офицеров убили в лесу Katyn, а где солдаты? Первоначально предполагалось объединить их в армию, сражающуюся за большевизм, но об этой армии никогда не было слышно.

Польские солдаты исчезли, как и польские дети, эвакуированные в Советский Союз. Судьба, которую еврей Эренбург перед разрушением Европы обещал всем оставшимся в живых из европейских народов, вероятно, постигла их. Они гибнут как бесправные рабы в степях и рудниках Сибири» [32].

Еще одна личность, о которой говорится в самой первой статье о Katyn, – это писатель, поэт и журналист Илья Эренбург, в довоенные годы написавший ряд антифашистских романов. В 1941–1942 г. И. Г. Эренбург едва ли не каждый день публиковал талантливые острые очерки, вселяющие в советских людей уверенность в неминуемой победе над гитлеровской Германией.

«Красная звезда», 24 июля 1942 г. (№173 [5236])
Soviet Newspaper "Red Star", July 24, 1942 (№173 [5236])

Самый первый текст про Katyn говорит об «озабоченности» нацистских властей судьбой трех групп «пропавших» в сентябре 1939 г. польских граждан – офицеров, солдат и детей.

К весне 1943 г. не было секретом, что интернированные после 17 сентября 1939 г. польские узники войны (POW) были или отпущены после фильтрации, или отправлены вглубь СССР с целью формирования польских военных частей, которые должны были сражаться за свободу своего Отечества против гитлеровской Германии.

Кто же эти «пропавшие» польские граждане, о судьбе которых вспомнили нацистские власти весной 1943 г. в статье о Katyn?

Одна из групп – «польские дети, эвакуированные в Советский Союз», в период после 17 сентября 1939 года. Численность и судьба их нацистам, как следует из текста, неизвестна, однако здесь же утверждается, что «польские дети ... гибнут как бесправные рабы в степях и рудниках Сибири». Собственный опыт нацизма по уничтожению детей (польских, еврейских, русских, белорусских, цыганских, украинских и многих других) на оккупированных восточных территориях, по-видимому, повлиял на гитлеровцев в том смысле, что они не видели ничего выходящего за грань разумного в подобном обвинении – оно не казалось им диким и абсурдным. Насильственный угон населения с оккупированных территорий с последующим использованием на тяжелых работах в Дойчланд был характерен как раз для гитлеровской Германии. Обвинение Советского Союза в уничтожении на тяжелых работах польских солдат и польских детей по сути является прямым переносом (проекцией) своих преступлений на субъект, против которого пропаганда и велась.

Интересно и показательно, однако, что в современной трактовке в Польше и на Западе в состав *преступления Katyn* начинают включать депортацию польского населения в 1940 г., а также детей в июне 1941 года.

Ещё одна группа польских граждан, упоминаемая в статье, – это 10–12 тыс. убитых в «лесу Katyn» офицеров. Заявленная численность польских офицеров в официальных нацистских СМИ объяснялась так: «общее число убитых офицеров оценивается в 10 000, что соответствует примерно полному польскому офицерскому корпусу, взятому большевиками в плен» (Сообщение берлинского радио от 13 апреля 1943 года. Цит. по: [4, с. 447]).

Третья группа – это 500 тыс. польских солдат, из которых на территории Советского Союза предполагалось создать армию, которая будет воевать против нацистской Германии вместе с советскими войсками. В статье задается вопрос: «а где солдаты?», следом дается ответ: «Первоначально предполагалось объединить их в армию, сражающуюся за большевизм, но об этой армии никогда не было слышно. Польские солдаты исчезли...» [32].

Данным утверждением об исчезновении польских солдат нацистская пропаганда сознательно задевает одну из болезненных точек взаимоотношений между Советским Союзом и польским эмиграционным правительством, и снова переворачивает всё с ног на голову. Никаких «пропавших» польских солдат и «пропавших» польских офицеров не было и в помине. Была сформированная в СССР из польских солдат и офицеров армия Андерса, которая отказалась воевать за свободу своего Отечества на Советско-германском фронте и ушла в Иран. Многие ее деятели, в том числе занимавшиеся активной деятельностью по информационной поддержке катынской провокации, впоследствии осели в Лондоне. Была в Советском Союзе формирующаяся из польских солдат и офицеров 1-я польская пехотная дивизия имени Тадеуша Костюшко (4).

Фелькишер Беобахтер от 16 апреля 1943 г.
Nazi Newspaper "Velkischer Beobachter", April 16, 1943

Нацистский пропагандистский плакат «Katyn», 1943 г.
Nazi propaganda poster "Katyn", 1943

Еще одним интересным источником является карикатура, размещенная рядом с той статьей и озаглавленная «Англия и массовое убийство Katyn» [32]. На иллюстрации изображен «еврейский комиссар-большевик» с отталкивающими чертами лица и лежащие во рве благородной внешности расстрелянные польские офицеры.

Таким образом, первоначальной пропагандистской конструкцией подразумевалась еще одна сторона, непосредственно причастная к *преступлению Katyn*, – Великобритания. Стоящий слева персонаж на рисунке – глава англиканской церкви Архиепископ Кентерберийский. Довольно улыбаясь, одной рукой он по-дружески похлопывает держащего пистолет «жидо-большевика» по плечу, а другой рукой благословляет. Подпись к рисунку: «Архиепископ кентерберийский: "Жалко, что мы списали Польшу, наша боль была бы велика"» [32].

Возможно предположить, что этим нацисты пытались еще сильнее задеть чувства главной «адресной группы» – поляков. На протяжении переговоров конца 1930-х гг. Великобритания неоднократно обещала Польше военную помощь в случае нападения гитлеровской Германии. Однако, как хорошо известно, этого не случилось. 3 сентября 1939 г. Великобритания объявила Германии войну, однако никакой помощи Польше оказано, в сущности, не было.

Тем не менее, достаточно скоро из содержания пропагандистских материалов Великобритания, благословляющая Советский Союз на кровавую расправу над Польшей, исчезает. Одновременно число жертв Katyn сокращено с 12 тыс. до 10 тыс. человек. В такой скорректированной формулировке описание *преступления Katyn* стало тиражироваться в последующих газетных публикациях, распространявшихся как на территории Третьего рейха, так и завоеванных европейских стран: 10 тыс. жертв, преступник СССР и невинная Польша.

16 апреля 1943 г. статьи о большевистском *преступлении Katyn* разошлись по всему миру. Для подтверждения своей правоты у нацистских пропагандистов были выбитые у нескольких местных жителей показания и множество фотоснимков. Из дневника Геббельса от 18 апреля: «Вчера: ... Вечером мне показывают снимки Katyn. Они настолько ужасны, что только некоторые из них подходят для публикации» [27, s. 1923].

Известно, что некоторые нацистские преступники порой бывали очень чувствительны к увиденным сценам убийств. Так, по распоряжению Г. Гиммлера, которому стало плохо при виде массового расстрела айнзацгруппой в Минске, группенфюреру СС А. Небе было поручено разработать «более гуманные методы убийства, чем расстрел». В итоге появилось еще одно изощренное средство массового уничтожения людей – так называемые газвагены или душегубки.

Какими бы ужасными не были снимки из Козьих гор, запечатлевшие «кровавое злодеяние большевиков», Геббельсу еще нужно было найти те политические или общественные силы, которые, приняв нацистскую версию *Katyn*, закрыли бы глаза на творимые нацистами в оккупированных странах массовые преступления.

Говоря о причинах широкой пропагандистской раскрутки *катынской провокации*, большинство пишущих на эту тему авторов акцентирует внимание на желании Германии сыграть на противоречиях внутри стран-союзниц и вбить клин между ними. Из поля зрения исследователей, как правило, выпадают мотивы польского эмиграционного правительства, которое с неподдельным энтузиазмом и скоростью ухватилось за предложенную Третьим рейхом тему. При этом можно считать, что хотя *катынская провокация* была осуществлена в интересах и общем русле политики нацистов, польское эмиграционное правительство, поддержав ее, также удачно решило часть стоявших перед ней внешнеполитических задач.

16 апреля 1943 г. – в тот же самый день, когда Фелькишер Беобахтер и польские оккупационные газеты разместили информацию о *преступлении Katyn* – министр обороны польского эмиграционного правительства М. Кукель и министр информации С. Кот по согласованию с премьер-министром В. Сикорским опубликовали заявление, в котором априори согласились с нацистской версией *Katyn* и посчитали необходимым провести расследование с участием Международного Комитета Красного Креста (МККК) [10, с. 332].

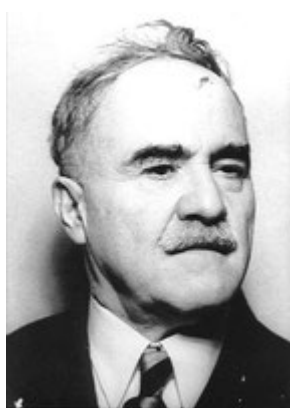
17 апреля 1943 г. представители Германского Красного Креста и представители Польского Красного Креста практически одновременно обратились в МККК с одной и той же просьбой провести расследование о расстреле

польских военнопленных офицеров и других лиц, совершенном большевиками неподалеку от Смоленска. Обе обратившиеся стороны просили МККК отправить в Козьи горы своих представителей [10, с. 332]. О том, что к расследованию катынского дела подключился Международный Комитет КК сразу же было объявлено по каналам британской общенациональной телерадиовещательной организации BBC [21, с. 159].

Вполне обосновано, что Советский Союз стал рассматривать этот факт как провокацию, организованную совместно германскими властями и польским эмиграционным правительством. И.В. Сталин в послании У. Черчиллю обвинил правительство Сикорского в «сговоре» с Гитлером.

Действительно, к апрелю 1943 г. территория Польши уже три с половиной года находилась под властью гитлеровской Германии. За все это время ни польское эмиграционное правительство, ни Международный Комитет КК, ни Польский Красный Крест не изъявляли желания расследовать какое-либо преступление на территории оккупированной Польши.

При этом деятельность Международного Комитета Красного Креста в годы Второй мировой войны вызывает крайне неоднозначные оценки в мировой историографии, что во многом связано с его позицией по отношению к Холокосту.

Макс Губер / Max Huber

МККК был организован 1863 году. Согласно Уставу, в число членов его комитета могут входить от 15 до 25 человек, являющиеся гражданами Швейцарии. Президент и его заместители ответственны, помимо прочего, за внешние связи Комитета. В 1928–1944 гг. президентом МККК являлся социолог-теоретик международного права Макс Губер (1874–1960).

Весьма показательной стороной деятельности МККК, активно включившегося в поддержку и информационное продвижение нацистской версии *преступления Katyn*, является его политика по отношению к Холокосту.

Еще в 1936 году руководство МККК знало о нацистских планах «окончательного решения еврейского вопроса», однако не предприняло никаких действий как для предотвращения этого преступления, так и попыток информирования мирового сообщества о готовящихся акциях уничтожения [45, р. 183].

Председатель МККК Макс Губер впоследствии объяснил это «молчание» следующим образом: МККК – это нейтральная организация, поэтому та информация, которой она располагает о положении дел в какой-то стране – это конфиденциальная информация и МККК не обязан ее раскрывать третьим странам, даже при наличии запроса [45, р. 187–188].

МККК знал и о концетрационных лагерях, и лагерях смерти. Однако никакой информации об этих преступлениях в международные СМИ также не поступило, никаких международных комиссий в эти места нацистских преступлений не посылались. Никакой инициативы по расследованию со стороны ни Польского Красного Креста, ни Германского Красного Креста также проявлено не было.

Сознательно выбранная позиция руководства МККК как *bystander* по отношению к Холокосту в годы Второй мировой войны была объяснена М. Губером следующим образом: существует «одна группа граждан, преследуемых их собственным правительством и которым отказано в правах, которыми пользуются другие его граждане, но, как это ни парадоксально, это не позволяет иностранцам вмешательство в их пользу» [45, р. 190–191]. Итак, согласно логике председателя МККК, иностранное вмешательство для предотвращения Холокоста было невозможно потому, что уничтожаемые евреи были гражданами Германии. Так как Международный Комитет КК позиционировал себя как «нейтральная» организация, то во внутренние дела государств вмешиваться отказывался. Что же изменилось весной 1943 года, когда МКК в лице своих национальных комитетов – германского и польского, действовавших по согласованию с Центральным комитетом, решил нарушить свой нейтралитет и выступить в поддержку Германии?

Польский Красный Крест – одна из немногих довоенных организаций, которой было разрешено продолжать свое существование после начала гитлеровского вторжения в Польскую Республику и организации генерал-губернаторства. «Обнаружение жертв входило в его прямые обязанности», – утверждают авторы монографии «Катынский синдром», говоря о деятельности Польского КК в Козьих горах под Смоленском [21, с. 155].

Главные функционеры Польского Красного Креста заслуживают отдельного внимания. Так, например, Александр Осинский (1870–1956) – генерал-майор Российской Императорской армии (1915), главнокомандующий польской армией на Украине (1918), участник польско-советской войны 1919–1920 гг., генерал-майор Польской армии (1921–1935 гг.), сенатор. С 12 мая 1937 г. по 13 августа 1940 г. являлся президентом Главного управления Польского Красного Креста. После сентября 1939 года бежал из Польши, затем оказался в Лондоне, где стал со-руководителем Польского Красного Креста в качестве председателя Главного совета.

Александр Осинский /
Alexander Osinsky

Одна из эмблем польского
Лагеря национального
объединения (OZN) / One
of the emblems of the Polish
Camp of National Unification
(Oboz Zjednoczenia
Narodowego, OZN)

В предвоенные годы А. Осинский являлся руководителем регионального отделения Лагеря национального объединения (OZN) – польской политической проправительственной организацией, отличавшийся антисемитской идеологией. В программе OZN евреи были описаны как «иностранные элементы» для польского народа, которые поэтому «не могут принимать участие в его "сегодняшнем дне" или вносить свой вклад в его "завтра"». Программа OZN, помимо прочего, постулировала «значительное сокращение количества евреев в Польше. Молодежная организация OZN активно участвовала в антисемитских акциях.

В целом, можно констатировать, что представители Польского Красного Креста в годы Второй мировой войны действовали в духе установок М. Губера. Полностью проигнорировав ежедневно совершавшиеся в польском генерал-губернаторстве преступления Холокоста, такие как окончательная ликвидация Краковского гетто 13–14 марта 1943 г., ликвидация Варшавского гетто, которое активно длилось до 16 мая 1943 г., и другие, Польский Красный Крест решил направить своих представителей в далекий Смоленск для проверки нацистского заявления – о советском *преступлении Katyn*.

До настоящего времени деятельность Международного Комитета Красного Креста, национальных комитетов Красного Креста и их отдельных представителей в контексте становления и развития истории *Katyn* не становилась предметом научного исследования. Многие материалы о деятельности МККК в годы Второй мировой войны остаются засекреченными, так же, как и информация о судьбах их главных функционеров.

В частности, отчет о собственной деятельности в годы Второй мировой войны, подготовленный Международным Комитетом КК в 1948 г., засекречен и закрыт для научных исследований. Рассекретить его пытались в 1996 г., что вызвало целый ряд публикаций обвинительного характера, после чего проект был снова свернут. Между тем, можно констатировать факт, что деятельность МККК и его национальных – германского и польского – комитетов сыграла далеко не последнюю роль в достижении главной цели катынской лжи.

26 апреля 1943 г., после ряда провокационных заявлений и демаршей, Советский Союз был вынужден разорвать дипломатические отношения с польским эмиграционным правительством. Одна из целей, к которой стремилась Германия, была достигнута. Польское эмиграционное правительство также получило то, к чему оно давно стремилось – разрыв дипломатических отношений с СССР, повлекший освобождение его от всех принятых ранее обязательств по соглашениям, который формально произошел по инициативе бывшего союзника.

Польское эмиграционное правительство, согласно советско-польскими соглашениям от 30 июля и 14 августа 1941 г., было обязано оказывать Советскому Союзу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии,

однако по факту оно эту помощь и содействие не хотело оказывать и не оказывало. Достаточно вспомнить вывод из СССР армии Андерса, а также поддержку антисоветской деятельности Армии Крайовой.

Польскому эмиграционному правительству было важно, чтобы заслуга в освобождении Польши принадлежала не Советскому Союзу и воюющим плечом к плечу с Красной армией польским солдатам и офицерам Войска Польского. Нужно это было для того, чтобы политическая власть в освобожденной стране не была бы передана просоветскому правительству.

В данном контексте уместно вспомнить, что 1 марта 1943 г. Польская рабочая партия опубликовала декларацию «За что мы боремся?», в которой была сформулирована программа политических и социально-экономических преобразований в Польше после ее освобождения Красной армией: создание временных демократических органов «от гминных до городских советов до правительства включительно», передача государству предприятий, захваченных оккупантами, и установление над ними контроля рабочего класса, возвращение мелким собственникам города и деревни их имущества, раздел между крестьянами помещичьих имений, союз с СССР и ряд других положений [10, с. 341].

Некоторые промежуточные итоги успешно проведенной катынской провокации были подведены Геббельсом 28 апреля 1943 года. Под этой датой можно найти две принципиально важные для данного исследования записи.

Во-первых, Геббельс, не стесняясь, оставил для истории множество восторженных реплик в свой адрес: *«Самая важная тема всей международной дискуссии – это, конечно, разрыв между Москвой и польским эмигрантским правительством. Мнение всех вражеских (радио)вещателей и вражеских газет единодушно в том, что разрыв следует рассматривать как полный успех немецкой пропаганды, особенно моей личности. Восхищаются необычайной хитростью и мастерством, с которыми нам удалось провести сугубо политический вопрос по катынскому делу. В Лондоне крайне обеспокоены успехом немецкой пропаганды. Внезапно в лагере союзников появляются трещины, которые они не хотели видеть раньше. Говорят о полной победе Геббельса. Даже высокопоставленные сенаторы Соединенных Штатов делают очень серьезные комментарии»* [27, s. 1924–1925].

Во-вторых, после восторженных словоизлияний Геббельсом делается принципиально важное заявление. Дело в том, что для Гитлера периодически подготавливались информационные материалы, освещающие текущее положение дел на фронте и в стране. Вот, что еще записал Геббельс 28 апреля 1943 года: *«Военным в штабе фюрера действительно удалось вытащить фотографии Катыни из кинохроники. К сожалению, у фюрера не было времени посмотреть их лично, и он может захотеть выпустить их для следующей кинохроники. Однако тогда изображения будут настолько устаревшими, что перестанут быть актуальными»* [27, s. 1925–1926].

Это значит, что после разрыва дипломатических отношений между СССР и польским эмиграционным правительством из-за катынской провокации сообщение Гитлеру о Катыни еще было важно 28 апреля, а вот позднее информация об этом становится уже не только устаревшей, но и неактуальной. Главная цель *катынской провокации* была достигнута.

В дневниках Геббельса после приведенной выше записи от 28 апреля 1943 г. упоминание о Катынском деле (Katyn-Angelegenheit) встречается всего один раз – в записи от 8 мая об обнаруженных в захоронениях немецких патронах: *«К сожалению, в могилах Катыни были обнаружены немецкие боеприпасы. Еще предстоит выяснить, как они туда попали. Либо это боеприпасы, которые мы продали советским русским в период мирного соглашения, либо Советы сами бросили в могилы боеприпасы. В любом случае необходимо пока держать это дело в строжайшей тайне; если бы об этом узнали наши враги, все Катынское дело устарело бы»* [27, s. 1926].

На этом в деле *Katyn*, которое Геббельсом было начато и достигнутые итоги которого были им же и подведены, можно было бы поставить точку. Однако теперь необходимо было легализовать и материализовать теоретические построения под названием *преступление Katyn*. Каждая из заинтересованных в антисоветской *катынской провокации* сторон – гитлеровская Германия и польское эмиграционное правительство – подошла к делу по-своему.

Германия своей основной катыньской цели добилась, поэтому ей нужно было только формальное подтверждение «нейтральных» международных судмедэкспертов, что *преступление Katyn* имело место. Для этого германской стороной была организована поездка в Козьи горы группы международной комиссии экспертов.

Напомним, что в начале апреля на место обнаружения захоронений германская сторона привозила «нейтральных» журналистов из разных стран, задача которых состояла в информационной поддержке распространения информации и фотоснимков о *преступлении Katyn*. Заключение международных судмедэкспертов должно было придать статус объективности заявленной версии, перевести его из сферы пропаганды в область реально произошедших (признанных таковыми) событий.

По факту, международная «независимая» комиссия судмедэкспертов прибыла в Козьи горы делать свои выводы только 28 апреля 1943 г. – уже после того, как катыньская провокация сделала свое дело (разрыв дипотношений между Советским Союзом и польским эмиграционным правительством произошел двумя днями ранее).

Представители 12 стран пробыли в Козьих горах всего три дня (с 28 по 30 апреля). За это время они успели осмотреть подготовленные германской стороной к их приезду 982 трупа, из которых было идентифицировано около 70% [51, с. 59]. «Независимым» судмедэкспертам оккупационные власти разрешили провести вскрытие только девяти трупов. Также их отвезли посмотреть подготовленную сотрудниками службы безопасности СД выставку, на которой в деревянных ящиках-витринах под стеклом экспонировались находки *катыньского леса*.

Члены международной комиссии осматривают экспонаты 1-й катыньской выставки, подготовленной офицерами немецкой службы безопасности СД

Members of the International commission visiting the 1st Katyn exhibition, prepared by the officers of the Nazi German security service SD

В отношении к результатам деятельности этой комиссии и отдельных ее представителей существуют серьезные разногласия. Основные из них связаны с оценкой степени объективности (той самой независимости), которую было позволено проявлять членам комиссии, а также степенью влияния экспертных заключений международных специалистов на уже существовавшую к моменту их приезда в Козьи горы нацистскую версию *преступления Katyn* [6]. Впоследствии заключение международной комиссии экспертов было включено в качестве одного из документов в официальные «Амтлихен материалз» [22].

Деятельность польской стороны по легализации и материализации *преступления Katyn* была организована по совсем другим принципам. Как широко известно, в Козьих горах под Смоленском с 29 апреля по 3 июня 1943 г. работала так называемая Техническая комиссия Польского Красного Креста (ТК ПКК). В исследованиях, посвященных катыньской тематике, внимание уделяется только деятельности ТК ПКК по эксгумации останков и их идентификации, а вот история ее организации и взаимодействие с немецкими властями слабо или почти не освещена. Как правило, авторы ограничиваются формальной констатацией, что «комиссия была создана после обращения властей генерал-губернаторства в Польский Красный Крест» [21, с. 155].

На территории Генерал-губернаторства (до июля 1940 г. – Генерал-губернаторство для оккупированных польских областей) (5) действовало законодательство Германии, но большинство его жителей, разделенных на несколько категорий, не имели статуса граждан Германии и были ограничены в правах. Вся администрация была немецкой. Что мы знаем о «властях генерал-губернаторства», которые якобы выступили с инициативой о необходимости работы ПКК по эксгумации и идентификации польских останков в далеких Козьих горах?

Ганс Франк
Hans Frank

Йозеф Бюлер
Joseph Buehler

Весь период оккупации Польши ее возглавлял генерал-губернатор Ганс Франк (1900–1946) – рейхсляйтер НСДАП (1934–1942), один из главных организаторов масштабного террора и уничтожения польского и еврейского населения Польши. На Международном Нюрнбергском трибунале был одним из 24 главных нацистских преступников, приговорен к смертной казни.

Йозеф Бюлер (1904–1948) – статс-секретарь Генерал-губернаторства (май 1940–1945), бессменный заместитель Ганса Франка. Член НСДАП, бригаденфюрер СС. В качестве представителя генерал-губернаторства Бюлер принимал участие в конференции в Ванзее (20 января 1942 г.), на которой обсуждался вопрос об окончательном решении «еврейского вопроса в сфере германского влияния в Европе». Бюлер заявил о важности «как можно скорейшего решения еврейского вопроса в генерал-губернаторстве» и призвал Гейдриха начать «окончательное решение» в генерал-губернаторстве, где не существовало «транспортных проблем». Бюлер выступал в качестве свидетеля со стороны защиты Г. Франка на Нюрнбергском трибунале, затем был экстрадирован в Польшу, где за преступления, совершенные против человечества, казнен в Кракове в 1948 году.

По инициативе и с ведома именно этого ответственного за массовый террор и Холокост руководства генерал-губернаторства было направлено обращение в Польский Красный Крест с просьбой отправить представительство под Смоленск, чтобы эксгумировать и идентифицировать обнаруженные там польские останки.

Сам Польский Красный Крест, как отмечалось выше, действовал по согласованию с руководством МККК и в русле его общей политики, полностью игнорируя преступления против еврейского населения, массово совершаемых германскими властями на территории генерал-губернаторства (Холокост).

По поводу этого нацистского обращения о создании комиссии Польский Красный Крест провел консультации с руководством Армии Крайовой, которое, по сути, руководило подпольным польским государством. В итоге было решено организовать Техническую комиссию ПКК из пяти человек во главе с членом главного правления ПКК К. Скаржиньским.

Казимеж Скаржиньский (1887–1962) принадлежал к старинному шляхетскому роду, образование получил в иезуитской гимназии в Вене, окончил Университет политических наук в Париже, затем Высший коммерческий институт в Антверпене. В 1920 г. записался добровольцем в польскую армию и как кавалерист 203-го уланского полка сражался против Советской России. В 1924–1939 г. был вице-президентом, а затем президентом французско-польской целлюлозной компании. В своем «Рапорте из Катыни» подробно описал эксгумацию, к которому прилагался составленный в июне 1943 г. список убитых. После освобождения Польши Красной армией сначала скрывался, а затем бежал (декабрь 1945 г.), передав перед этим в посольство Великобритании дополненный вариант «Рапорта из Катыни» [44].

К. Скаржиньский (1887–1962) –
руководитель технической комиссии Польского Красного Креста в Козьих горах в 1943 году
Портрет работы С. Норблина, 1935 г.

Skarzynski (1887-1962) -
Head of the Technical commission of the Polish Red Cross in the Goat Hills in 1943.
Portrait by S. Norblin, 1935

Армия Крайова (до 14 февраля 1942 г. называвшаяся Польские вооруженные силы) – главная структура военно-политического подполья, подчиненная польскому эмиграционному правительству. Она была создана кадровыми офицерами довоенной армии для борьбы против, как они считали, тогдашних главных врагов независимой Польши – Германии и СССР. Исходя их концепции двух врагов, руководители АК рассчитывали на восстановление польского государства при поддержке Великобритании и США после того, как Германия и СССР будут обескровлены взаимным противостоянием [14].

Генерал С. Ровецкий /
General S. Rówecki

Генерал и публицист С. Ровецкий (1895–1944), на стол к которому попадали отчеты о деятельности Технической комиссии ПКК, в годы Первой мировой войны воевал в составе 1-й бригады польских легионов против Российской империи, затем участвовал в польско-советской войне 1919–1920 гг. С 14 февраля 1942 года по 30 июня 1943 года С. Ровецкий был главным комендантом (командующим) Армии Крайовой, являлся сторонником концепции двух врагов. После ареста Ровецкого АК возглавил его заместитель Т. Коморовский. Уже при нем происходила доставка ящиков с катыньскими вещдоками в Краков, их обработка и последующая эвакуация от приближающихся войск Красной армии.

Т. Коморовский (1895–1966) в годы Первой мировой войны сражался на стороне Австро-Венгрии против Российской империи, с 1918 г. – в польской армии, командовал эскадромом и уланским полком в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг. После создания Армии Крайовой был заместителем С. Ровецкого, после ареста которого назначен ее командующим. 1 августа 1944 г., при подходе Красной армии к Варшаве, именно Т.

Генерал Т. Коморовский
General T. Komorowski

Коморовский отдал приказ о начале восстания, окончившегося катастрофой для польского народа.

Техническая комиссия Польского Красного Креста прибыла в Козьи горы 29 апреля 1943 г., также уже после того, как Германия достигла своей цели использования *катынской провокации*.

Время работы Технической комиссии ПКК в Козьих горах было намного более продолжительным, чем комиссии международных экспертов – не три дня, а более месяца (с 29 апреля по 3 июня 1943 г.). Комиссия ПКК прибыла отдельно от «нейтральных» международных экспертов и работала принципиально отдельно от них. Также члены ТК ПКК показательно дистанцировались и от немцев – не садились с ними за один стол, при фотографировании стояли обособленной группой [21, с. 155]. Функции, выполняемые ТК ПКК, принципиально отличались от деятельности «нейтральной» международной комиссии.

Заметим, что первые идентификационные списки стали публиковаться в польских оккупационных газетах с 16 апреля 1943 г., то есть сотни личных установочных данных (имя, фамилия, воинское звание) «расстрелянных НКВД» польских офицеров к этому времени нацистам уже были известны. И известны заранее. Ряд исследователей сходится в том, что в руки к германским оккупационным властям попала часть архива УНКВД по Смоленской области (в том числе и польские списки), захваченная в июле 1941 г., также как и часть областного партийного архива [9]. Первые германские идентификационные списки по форме очень кратки – в них указаны только воинские звания, имена, фамилии и, крайне редко, какая-то дополнительная информация. По форме они соответствуют этапным спискам, за исключением указания года рождения. Это понятно: год рождения при эксгумации установить крайне проблематично.

Техническая комиссия ПКК действительно могла помочь германской стороне идентифицировать останки. Международный Красный Крест и его национальные подразделения, в которые запросы о судьбе пропавших польских военнослужащих и гражданских лиц поступали на всем протяжении Второй мировой войны, обладал обширнейшей базой данных о тех польских гражданах, прежде всего военных, которые пропали после 1 сентября 1939 г.: их установочными биографическими данными, домашними адресами, сведениями о родственниках, письмами, в том числе с дневниковыми описаниями, фотографиями и прочими материалами личного происхождения. Еще 3 декабря 1941 г. во время встречи в Кремле со Сталиным премьер-министр польского эмиграционного правительства – и по совместительству глава Польского КК – Сикорский озвучил цифру в 3845 польских офицеров, «пропавших» с сентября 1939 года.

Согласно опубликованным итоговым отчетам нацистской / польской комиссии всего из восьми могил было эксгумировано 4143 трупа, 2815 / 2730 из которых было идентифицировано.

Если учесть, что к моменту пребывания в Козьих горах международной комиссии экспертов (28–30 апреля) было готово для осмотра 982 трупа, из которых 70% было идентифицировано, то за один месяц комиссии ПКК удалось выполнить свои задачи по эксгумации около 3 тыс., идентификации около 2 тыс. и перезахоронению более 4 тыс. останков.

В описаниях деятельности ТК ПКК можно найти упоминания о том, что при проведении работ ей помогало около 160 советских военнопленных и местных жителей [21, с. 155].

Советские военнопленные использовались в качестве рабочей силы с самого начала проведения работ. Так, в воспоминаниях бургомистра оккупированного Смоленска Б. Меньшагина говорится о том, что во время его поездки в Козьи горы 18 апреля 1943 г. он видел, как «в траншеях еще копались русские военнопленные, а на площадке стояло несколько немецких солдат с винтовками» [1, с. 503].

В «Рапорте из Катыни» Скаржинского упоминается о том, что «весь комплекс работ был осуществлен членами Технической комиссии ПКК, немецкими властями и жителями окрестных сел, число которых составляло в

среднем 20–30 человек в день. Присылались также большевистские пленные в количестве 50 человек в день – они использовались исключительно для раскапывания и засыпки могил и уборки территории» (6) [17].

Руководитель польского КК в своем отчете называет имена и фамилии только своих польских коллег и тех германских деятелей, с которыми он тесно общался. «Местных жителей» из окрестных смоленских деревень, а также истощенных голодом «большевистских пленных», пригоняемых на работы в Козьи горы из расположенного в 15 км города Смоленска, выходец из старинного шляхетского рода Скаржиньский считал «по головам» и в июне 1943 г. смог назвать только приблизительное их число: 20, 30, 50 человек в день... И так каждый день! А ведь это были именно те советские граждане, на чью долю выпал труд по эксгумации и перезахоронению останков поляков, обнаруженных в Козьих горах.

Польские авторы и их отечественные последователи не поднимают вопроса о том, как сложилась судьба тех советских граждан, которые весной–летом 1943 г. выполнили основной объем работ по эксгумации польских останков в Козьих горах, последующему их захоронению и обустройству польского кладбища. От них не осталось ни имен, ни фамилий. В официальной польской версии «катыньского преступления» не нашлось ни одного слова благодарности в адрес этих советских граждан или сожаления об их участи. В современных польских катыньских молитвах также не упоминаются и не поминаются эти *катыньские жертвы*, несмотря на то, что их судьбы и их жизненный путь навсегда связаны с польско-нацистской *катыньской провокацией*.

Военнопленные из лагеря, расположенного в Смоленске, и жители близлежащих к Козьим горам деревень направлялись на работы по решению германских оккупационных властей, по окончании работ все они были расстреляны и захоронены неподалеку.

В сентябре 1943 г. – при освобождении Смоленска и узников дулага-126 Красной армией – в живых не было ни одного участника работ в Козьих горах и ни одного человека, хотя бы слышавшего рассказ об этом. Ни советской комиссии Бурденко, ни американской комиссии Мэддена не удалось ни отыскать, ни допросить ни одного из этих советских военнопленных.

В то же время всё в том же «Рапорте» Скаржиньского описана идиллическая сцена прощания: «Покидая кладбище, комиссия поблагодарила за сотрудничество поручика Словенчика, подпоручика Босса, немецких унтер-офицеров и солдат и русских рабочих за крайне тяжелый двухмесячный труд по эксгумации останков» [17].

Заслуживший слова благодарности польских представителей Красного Креста обер-лейтенант Словенчик (Словенчик), как упоминается здесь же в комментариях, являлся «командиром роты пропаганды (Aktivpropagandakompanie)». «Подпоручик Босса» – имеется в виду лейтенант полевой полиции Фосс, который весной 1943 г. являлся ответственным за исполнение на месте основных мероприятий *катыньской провокации* [20; 22, с. 18 и др.].

Первая мемориализация *преступления Katyn* периода Второй мировой войны (так называемая Nazi-Katyn) была осуществлена в мае–июне 1943 г. в виде оформления захоронений на оккупированной гитлеровцами советской земле в Козьих горах под Смоленском.

Согласно «Рапорту из Катыни» Скаржиньского, кладбище представляло собой шесть братских могил квадратной формы, расположенных по обе стороны от центральной дорожки. Могилы по периметру были обложены дерном, дерном же в центре каждой могилы был выложен равноконечный крест. В двух индивидуальных могилах были захоронены польские генералы Б. Богатыревич и М. Сморовиньский. На каждой могиле был установлен 2,5 метровый католический крест. В день отъезда из Катыни последних членов Технической комиссии ПКК, то есть 9 июня 1943 г., на самом высоком кресте на 4-й могиле был повешен венок, сделанный из жести и проволоки одним из членов комиссии. Венок был выкрашен в черный цвет, в середине располагался терновый венец из колючей проволоки, в центре венца к деревянному кресту был насквозь прибит польский орел с офицерской фуражки [17].

По прошествии 33-х лет эта христианская символика – терновый венец и пригвожденный к кресту мученик, символизировавший которого польский гербовый орел, – будет один в один повторена на памятнике под названием «Memorial Katyn», установленном в Лондоне в 1976 году [39].

Подписание соглашения о сооружении памятника Memorial Katyn в Лондоне

Signing of an agreement on the construction of the monument Memorial Katyn in London

O prawdę i sprawiedliwość. Pomnik katynski w Londynie. SPK-Gryf Publications, London, 1977. S. 32

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Польша, символически изображенная в виде польского гербового орла Речи Посполитой в терновом венце из колючей советской проволоки, на долгие 50 лет станет одним из основных символов противостояния в Европе периода холодной войны.

В годы холодной войны нацистская версия *преступления Katyn* получит свое «второе дыхание». Польское эмиграционное правительство займется дальнейшими теоретическими разработками, в результате которых число *катыньских жертв* будет увеличено до 14,5 тыс. человек.

Признание руководством Советского Союза в 1990 году вины в совершении *преступления Katyn*, вновь поддержанное мощнейшими информационными акциями, помогло Германии и США одержать победу над СССР в мировоззренческой войне, которая привела к разрушению Советского государства в 1991 году.

Примечания

1. Сразу же после столкновения 3-4 сентября 1939 г., немецкий отдел пропаганды сделал огромное количество фотографий, запечатлевших немецких жертв нападения поляков. 7 сентября 1939 г. Германское информационное агентство начало распространять первые репортажи о «Бромберге – городе ужасов». Немецкими властями были приглашены иностранные «нейтральные» журналисты, чтобы лично увидеть ужасы, творимые поляками. Нацистский военный журналист зондерфюрер Э.Э. Двингер (E.E. Dwinger) по личной просьбе Геббельса написал об этом событии книгу *Der Tod in Polen. Die volksdeutsche Passion*, изданную в 1940 году. Число немецких жертв в 103 человека, в книге было определено как 5 тыс. человек, а сами события были описаны как заранее спланированная поляками акция по уничтожению этнических немцев.
2. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. Р-1630. Оп. 2. Д.28. Л. 113–113об. Из акта представителей воинской части № 14164 и жителей с. Катънь-Успенское об ограблении, издевательствах и уничтожении немецко-фашистскими оккупантами мирных жителей с. Катънь Смоленского района / Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Смоленская область : Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. О.В. Иванов; сост. С.В. Карпова. — М. : Фонд «Связь Эпох»: Кучково поле, Музеон, 2020. – 656 с.: ил. С.332–333.
3. В данном случае мы используем термин «место памяти», который ввел французский исследователь Пьер Нора.
4. Постановление Государственного комитета обороны СССР № 3294 от 6 мая 1943 года «О формировании 1-й польской пехотной дивизии имени Тадеуша Костюшко». Формирование дивизии началось 14 мая 1943 г. в Селецких военных лагерях под Рязанью.
5. Генерал-губернаторство для оккупированных польских областей (Generalgouvernement für die besetzten polnischen Gebiete) было образовано 26 октября 1939 г. в соответствии с приказом рейхсканцлера А.

Гитлера от 12 октября 1939 года. С 31 июля 1940 г. оно стало называться Генерал-губернаторство (Generalgouvernement).

6. «Большевистские военнопленные» – определение, которое широко использовалось в Польше в антисоветской пропагандистской риторике периода польско-советской войны 1919–1920 гг. и в последующие годы. Согласно данным проф. Г.Ф. Матвеева, не менее 25–28 тыс. советских военнопленных умерли в польском плену от голода, холода, антигуманных нечеловеческих условий содержания, издевательств и произвола польской администрации (в том числе и произвольных расстрелов и убийств).

Список литературы

1. Борис Меньшагин: Воспоминания, Письма, Документы / Сост. и подг. текста П.М. Полян. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. – 824 с.
2. Воробьев М., Титов В., Храпченков А. Смоленяне – герои Советского Союза. М.: Московский рабочий, 1966. – 648 с.
3. Иванов Ю. Г. Как правильно произносить: Катынь или Катень? – Иванов Ю. Г. Город-герой Смоленск. 500 вопросов и ответов о любимом городе. Смоленск: Русич, 2015. – 384 с.
4. Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы. М.: Весь Мир, 2001. – 688 с.
5. Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / под ред. Р.Г. Пихои, А. Хейштора; сост.: Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Воцинский, В. Матерский. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. – 608 с.
6. Катынские доказательства проф. Франтишек Гаек. 9 июля 1945 г. – Немцы в Катыни. М.: ИТРК. С. 132–165.
7. Кикнадзе В. Г. «Катынь» в пропаганде, правовых оценках и судебных решениях, научном, политическом и общественном дискурсе. – Вопросы истории. 2021. № 4(1). С. 74–93. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyi04
8. Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма: Монография. М.: Прометей, 2021. – 800 с.
9. Кодин Е. В. «Смоленский архив» и американская советология. Смоленск. гос. пед. ун-т – Смоленск: СГПУ, 1998 – 286 с.
10. Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1993. – 528 с.
11. Лебедева Н. С. Катынь: Преступление против человечества. М.: Прогресс–Культура, 1994. – 352 с.
12. Новый путь, 18 апреля 1943 г.
13. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. – П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50.
14. Носкова А. Ф. Документальная публикация «Как польское вооруженное подполье "помогало" Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.». – URL: <https://archives.gov.ru/index.php?q=library/poland-1944-1945/foreword.shtml>
15. Операция 1005. – URL: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/aktion-1005.html>
16. От арестанта до посла в США. – Новый путь. № 19. 18 декабря 1941 г.
17. Скаржинский К. Рапорт из Катыни. Отчет Польского Красного Креста. Варшава, июнь 1943 г. [Report from Katyn. Report of the Polish Red Cross. Warsaw, June 1943]. – «Одрозене», № 7, 1989. – URL: <http://www.katyn-books.ru/library/katyn-svidetelstva-vospominaniya12.html>
18. «Убиты в Калинин, захоронены в Медном». Книга памяти польских военнопленных – узников Осташковского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Отв. сост. А.Э. Гурьянов. Тт.1–3. Москва, Общество «Мемориал», 2019.
19. Убиты в Катыни. Книга памяти польских военнопленных – узников Козельского лагеря НКВД, расстрелянных по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Отв. сост. А.Э. Гурьянов. Международное общество «Мемориал» (Москва), Центр КАРТА (Варшава). М., Общество «Мемориал» – Издательство «Звенья», 2015. – 932 с.
20. Фосс. Обращение к населению. – Новый путь / Der Neu Weg, 3 мая 1943 г.
21. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 496 с.
22. Amtliches Material zum Massenmord von KATYN. Berlin. Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher Nachf. GmbH. Gedruckt im Deutschen Verlag, 1943 (in German).
23. Die 12 000 polnischen Offiziere von jüdischen Kommandos gemeuchelt. – Volkischer Beobachter. Berlin, Freitag, 16, April 1943. S. 1–2 (in German).
24. England und der Massenmord von Katyn. – Volkischer Beobachter. Berlin, Freitag, 16, April 1943. S. 1 (in German);
25. Etkind A. Remembering Katyn. Cambridge: Polity Press, 2012. – 214 p. (in English)
26. Falsehood in War-Time by Arthur Ponsonby MP 1929. Scanned, serialized and posted by Geoffrey Miller, on the WWI Listserve / (in English). – URL: <http://www.vlib.us/wwi/resources/archives/texts/t050824i/ponsonby.pdf>
27. Joseph Goebbels. Tagebücher 1924–1945. Band 4. 1940–1942. Herausgegeben von Ralf Georg Reuth. Piper München Zürich, 1999. (in German).

28. *Kaczorowski R.* Słowo wstępne. – Katyn. Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego. Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa. Warszawa, 2000. S. VII–IX. (in Polish)
29. *Katyn: A Crime Without Punishment* / ed. by A. Cienciala, N. Lebedeva & W. Matersi, Yale University Press, 2007. (in English)
30. «Katyn. Documents of Genocide». Documents and Materials from Soviet archives turned over to Poland on October 14, W. Matersi ed., 1992. (in Polish)
31. *Katyn. Dokumenty ludobójstwa. Dokumenty i materiały archiwalne przekazane Polsce 14 października 1992 r.* Warszawa: Instytut Studiów Politycznych Polskiej Akademii Nauk, 1992.
32. *Katyn – ein Beispiel für Judas Anschlag auf Europa.* – Volkischer Beobachter. Berlin, Freitag, 16, April 1943. S. 1 (in German).
33. *Katyn. Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego. Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa.* Warszawa, 2000. – LXXVI + 776 s. (in Polish)
34. *Ledford K. F.* Mass Murderers Discover Mass Murder: The Germans and Katyn, 1943. – Case Western Reserve. *Journal of International Law.* Vol. 445. Iss. 3 (2012). Pp. 557–589. (in English). – URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/jil/vol44/iss3/22>
35. *Mackiewicz J.* The Katyn Woods Murders. Holis & Carter, 1951. (in English)
36. *[Mackiewicz J.] Zbrodnia Katynska w świetle dokumentów / z przedm. Władysława Andersa.* London: Gryf, 1948 (in Polish)
37. *Miednoje: Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego. Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa.* Warszawa, 2006. 2 v. : ill.
38. *Moszyński A.* Lista Katyńska. Jeńcy obozów Kozielsk, Ostaszków, Starobielsk, zaginionieni w Rosji sowieckiej. Warszawa: Agencja Omnipress – Spółdzielnia Pracy Dziennikarzy, Polskie Towarzystwo Historyczne, 1989. – 336 c. (in Polish)
39. *O prawdzie i sprawiedliwości. Pomnik katyński w Londynie.* SPK-Gryf Publications, London, 1977. – 96 s. (in Polish)
40. *Paul A. (M. Allen)* Katyn: Stalin's massacre and the triumph of truth. Northern Illinois University Press. DeKalb, 2010. – 430 p. (in English)
41. *Peszkowski Z. A.J., Zdrojewski S.Z.M.* Kalendarz na Rok 2000. Minski. Łódź – Warszawa – Orchard Lake, styczeń 2000 r. Maj, 26–28. (in Polish)
42. *Przewoźnik A.* Cmentarz w Katyniu. – Katyn. Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego. Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa. Warszawa, 2000. S. LIII–LX. (in Polish)
43. *Przewoźnik A., Adamska J.* Katyn. Zbrodnia, prawda, pamięć. Świat Książki, 2010. – 554 s. (in Polish)
44. *Przewoźnik A.* Nieznany Bohater. – Tygodnik Powszechny Дата публикации: 22.09.2007. Дата обращения: 16.08.2021. (in Polish). – URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/nieznany-bohater-137724>
45. *Sandoz Y.* Max Huber and the Red Cross. – *The European Journal of International Law*, 2007. Vol. 18. No. 1. (in English)
46. *Śladem Zbrodni Katynskiej.* Warszawa. Centralne Archiwum Ministerstwa Spraw Wewnętrznych i Administracji RP, 1998. – 488 s. (in Polish)
47. *Tucholski J.* Mord w Katyniu. Kozielsk, Ostaszków, Starobiesk. Lista ofiar Warszawa, 1991. – 988 s. (in Polish)
48. *Ustalenie pierwszych nazwisk ofiar.* – *Gonec Krakowski.* 16 kwietnia 1943 r. (in Polish)
49. *Zabici w Katyniu. Alfabetyczny spis 4415 jeńców z Kozielska zabitych w kwietniu-maju 1940, według źródeł sowieckich, polskich i niemieckich / Сост.: А. Гурьянов, А. Дзенкевич; Научно-информационный и просветительский центр «Мемориал», Москва. Осrodek KARTA Warszawa.* – [Warszawa], 2013. – 850 s. – (Indeks represjonowanych. T. XXI). (in Polish)
50. *Zawodny J. K.* Zbrodnia katynska. – Katyn. Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego. Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa. Warszawa, 2000. S. XI–LI. (in Polish)
51. *Zbrodnia Katynska. Materiały dla ucznia. Wydanie III poprawione i uzupełnione.* Kraków – Warszawa, Instytut Pamięi Narodowej, 2014. (in Polish)
52. *Zbrodnia Katynska. Materiały dla ucznia. Teki Edukacyjne IPN. Narodowe Centrum Kultury, 2014. (CD)* (in Polish)
53. *Zych T.* Tarnobrzescy katynscy. Sztafeta, 2013. 104 s. (in Polish)

Информация об авторе

Корнилова Оксана Викторовна, кандидат исторических наук, в 2000–2017 гг. руководитель научно-экспозиционного отдела Мемориала «Катынь», г. Смоленск, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Корнилова Оксана Викторовна, e-mail: smolkorn@mail.ru

The Origin and Genesis of Katyn as a Place of Memory: Propaganda Operation of the Third Reich in 1943

Oksana V. Kornilova¹ ✉

¹ Smolensk, Russian Federation,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6382-4432>, e-mail: smolkorn@gmail.com

Abstract:

In modern Poland, the term *Katyn* has gone through another stage of development, having turned from the name of a historical event of World War II and a marker of national identity into a dogma, into a postulate almost akin to «Polish Holocaust». The state monopoly on the interpretation of the historical events of Katyn belongs to the Institute of the National Remembrance in Poland. Any attempts to comprehend the Katyn events and scientific discussion are declared *Katyn denial* by analogy with *Holocaust denial*. Modern-day accusations against the Russian Federation of unwillingness to admit the guilt of the Soviet Union in the perpetration of the genocide of the Poles – despite the fact that most of the alleged 22,000 *Katyn victims* have been neither exhumed nor identified – are a vivid example of the so-called «Politics of memory» having an anti-Russian political overtone. In this study we use a Latin (Polish) spelling of the name of Katyn aiming to emphasise that in this case it does not mean a geographical name or some kind of historical event (Katyn crime), but a theoretical concept, place of Polish national memory. That is why the content of Katyn can be comprehended only within the framework and using the tools developed for the study of symbolic politics and the Politics of memory. This study is devoted to the mystery of the birth of *Katyn* in April 1943. The work presents the diary fragments devoted to the Katyn issue, previously unpublished in Russian. Particular attention is paid to those organizations and their individual functionaries that participated in the conceptualization, popularization and legalization of *Katyn* in the spring of 1943. We show evidence that the notion of Katyn originated in the top echelons of Nazi Germany power, which, having committed massive crimes against humanity (including the Holocaust), and confronted with defeat in the Battle of Stalingrad and the radical turning point during World War II, was forced to resort to the anti-Soviet doctrine of Strength through Fear. The notion of *Katyn* was originally put into circulation and later popularized or supported by the parties who were either the perpetrators of the Holocaust or turning a blind eye to the crimes committed (bystanders).

Keywords:

Nazism, World War II, information warfare, Goebbels, Katyn, Nazi Katyn, propaganda, Katyn exhibition Holocaust denial, Katyn lie, Cold War Katyn

People never lie so much as after a hunt, during a war or before an election

Otto von Bismarck

INTRODUCTION

At the beginning of the XX century based on the experience of World War I, the main principles of information warfare were formulated by Lord A. Ponsonby in his book «Falsehood in War-Time» (1928) [26]. However, also in earlier periods, the warring sides used the propaganda principle with might and main: we are for everything good and against the war, whereas the enemy is cruel, insidious and ugly.

During the Polish-Soviet War (1919–1921) in Poland, a poster «Kill the Bolshevik!» depicting a Polish officer with noble appearance who brandished his sabre at a «bolshevik» with a beast-like face and a red star on his peaked cap was published massively. The handsome equestrian warrior personifies the Second Polish-Lithuanian Commonwealth, which fights against the Soviet «untermensch» in the East.

During World War II, these two characters – practically in the same symbolic visualization – would return to the arena of the information warfare. However, the plot of the poster would undergo serious changes: the Polish officer's hands will

be tied behind his back, and the «Judeo-Bolsheviks» would aim at the back of his head with a gun. In 1943, a word describing the depicted scene would appear –*Katyn*.

The history of World War II knows a large number of both provocations committed on the orders of Hitler and outright propaganda lies whose source was the Propaganda Ministry of the Third Reich. The name of Goebbels went down in the history of World War II as a symbol of false Nazi propaganda actions.

August 31, 1939 – on the very eve of the Polish campaign of the Wehrmacht – in the German city of Gleiwitz near the German-Polish border, on the orders of Hitler, SD troops (Sicherheitsdienst) carried out a provocation with the capture of a radio station. The next day, speaking in the Reichstag, the head of the Third Reich, condemned the Polish attack as the reason for a declared war against Poland by. The events of September 3-4, 1939 in Bydgoszcz, Poland, were instantly referred to by the propaganda as a «Bloody Sunday» (Bromberger Blutsontag) (1).

This study is devoted to another provocation of the Propaganda Ministry of the Third Reich – the so-called *Katyn*.

The current social situation indicates that the study of various aspects of the *Katyn* case is in demand and relevant. An overview of contemporary political and public discussions on the *Katyn* case is given in the article by Vladimir G. Kiknadze, published in April 2021 in the journal «Voprosy istorii» («The History issues») [7] and his monograph on Russian historical policy [8, p. 390-424]. This study is presented within the discourse framework proposed by Vladimir G. Kiknadze.

We proceed from the fact that throughout its existence (from its inception in April 1943 up to the present) the concept of *Katyn* has had at least three different substantive components.

The first version of *Katyn* formulated in the top echelons of Nazi Germany power existed from April 1943 to 1946, whereas 10-12 thousand Polish prisoners of war, civilians, priests and intellectuals were declared the victims of *Katyn crime* to be. These individuals were brought to Kozy Gory near Smolensk from the Kozelsk camp and then allegedly shot there in the spring of 1940 [22; 27]. The end of this period is associated with the activities of the Nuremberg trials, which condemned Nazism, but did not put an end to *Katyn* lie. Memorialization of these theoretical schemes was carried out in the form of decoration of the Polish cemetery on the occupied Smolensk land in the summer of 1943. Let's refer to the definition of *Katyn* during this period as **Nazi-Katyn**.

During the Cold War, the Polish government in exile located in London continued to actively develop the notion of *Katyn* formulated by the Nazi authorities. The number of its victims was increased to 14.5 thousand people, the places of detention were determined as Kozelsk, Starobelsk, Ostashkov [35; 36; 38; 39; 47; 49]. Outside the USSR, this content was memorialized in the form of a monument called «Memorial *Katyn*», erected in London in 1976 using money raised by US-British funds [39].

The end of this period – let's call it **Cold War *Katyn*** - is associated with the publication of photocopies of a number of documents about the fate of 14.5 thousand Poles made in the Gorbachev-Yeltsin period. On the territory of the Russian Federation, this content of *Katyn* was memorialized in 2000 in the form of the Polish military cemeteries «*Katyn*» near Smolensk and «Mednoe» in Tver region.

Thus, since October 1992, there has been a third – again expanded – content of *Katyn*. This time, the number of victims was increased again, and the geography of the crime was expanded: the concepts of «Ukrainian *Katyn*» and «Belarusian *Katyn*» appeared, the total number of alleged *Katyn* victims has reached 22 thousand people [4; 5; 11; 18; 19; 21; 25; 29; 30; 31; 33; 40; 42; 43; 50; 51]. This concept was memorialized only in the Ukraine, in the form of the construction of the Polish-Ukrainian memorial «Bykivnya» built in 2012. The Polish government now plans to build a so-called *fifth katyn* cemetery in Belarus.

From the methodological point of view, we proceed from the fact that the concept of *Katyn* first appeared on the pages of the Nazi party press and was initially present in two phrases: the *Katyn Crime* (Massenmord von *Katyn*) and *Katyn forest* (Wald von *Katyn*) [23; 32]. The key elements of the *Katyn Crime* notion originally included a description of how the

Polish officers were captured, hypothesizing about the places where they were kept and where they were shot, and calculating how many people died and where exactly this happened.

Katyn Forest is the materialization of the theoretical concept of the *Katyn Crime* and binding of it to a certain place and objects of the real world. This trend, above all, is expressed in the memorial policy of Poland with regards to the arrangement of real and symbolic burials, the installation of name plates and symbolic signs, the construction of Katyn cemeteries.

КáТЫНЬ vs. KATYN

Within the framework of the proposed discourse, it is fundamental to distinguish between the name of the settlement of Kátyń (an emphasis on the first syllable), which has existed in the Smolensk district of the Smolensk region since preliterate times, and the historical-political Katyn (in Russian, pronounced with an emphasis on the second syllable – KatYn).

To designate the shooting of Polish citizens in the tract of Kozi Gory near Smolensk, the historical and political slogan Katyn is used, but not the Russian name for the settlement of Kátyń located 7 km from the place where the burials were discovered.

The adjective, derived from the name of the village Kátyń (pronounced Kátyń), denotes the geographical gridding to this settlement – the Kátyń school, the Kátyń shop, the Kátyń rural district, the Kátyń village council.

Alexander Vasilyevich Ivanov (1923–1992) studied at the Kátyń secondary school – the future Hero of the Soviet Union, who showed heroism and courage while the forced crossing the Dnieper during the Great Patriotic War (World War II, the Eastern Front) [2, p. 214-216]. Memory of A.V. Ivanov is honored by the Kátyń villagers – the residents of the Kátyń settlement. The name of the Kátyń hero Alexander Vasilyevich Ivanov is engraved in gold letters in the Hall of Fame of the Museum of the Great Patriotic War, Moscow.

The Kátyń tragedy, historically and geographically connected with a specific settlement of the Smolensk region, is the extermination of the village of Kátyń (Kátyń-Uspenskoye) and its inhabitants by the Nazi invaders in 1941–1943 (2).

The adjective *KatYn* derived from the German-Polish *Massenmord von Katyn* or simply *Katyn* has a different meaning. A number of concepts derived from it have become entrenched in modern English and Polish historiography:

- zbrodnia Katynska (*Katyn crime*) and Katyn massacre designate the shooting of about 22 thousand Polish citizens on the territory of the modern Russian Federation, Belarus and Ukraine in 1940;
- katyn decyzja (*Katyn decision*) - this refers to the decision on the execution formalized as a resolution of the Politburo of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union of March 5, 1940;
- klamstwo katynskie (*Katyn lie*) - this is how the attempts of Soviet leaders from Stalin to Gorbachev to «hide the truth» about the Katyn crime are characterized. The content of this term is tightly coupled to the concept of the so-called second Soviet occupation of Poland;
- lista katynska (*Katyn lists*) is the generalized name for all known and unknown names of Katyn victims: «transfer lists» of 14.5 thousand prisoners in Kozelsk, Starobelsk and Ostashkov, promulgated by Gorbachev in 199 [47]; «Tsvetukhin's lists» 1994 («Ukrainian katyn lists») [46] and the «Belarusian katyn list» still wanted by the Polish government;
- ofiary Katynia and ofiary zbrodni katynskiej (*victims of Katyn, Katyn victims*) – the generalized name of 22 thousand Katyn victims who were shot in pursuance of the *Katyn decision*;
- katynczyki (*katynchukù*) and katyniaki (*katynyaki*) – the same as the Katyn victims, about 22 thousand Polish citizens, victims of the Katyn crime, a less official name for the Katyn victims [53];
- and others.

Obviously, the «Katyn victims» in all these cases, for whose death B. Yeltsin went to Warsaw to repent in front of the cross with the inscription «KATYN 1940», are certainly not residents of the Smolensk village of Katyn or their ancestors.

Currently, Katyn is a Polish national place of memory (*lieux de mémoire* in the concept of the French researcher P. Nora) (3) [15, p. 17], as well as a supranational metonym, an acronym (as formulated by A. Etkind) [25].

Polish Prime Minister Donald Tusk, speaking at the funeral ceremony in Kozy Gory on April 7, 2010, standing on the ritual site where the paths of the Polish military cemetery *Katyn* and the Russian part of the memorial complex diverge, said: «We, all Poles, are one big Katyn».

The name *Kátyn* forest for Russian speakers and *Katýn* forest (*las katynski*) for Poles have different semantic bases and occupy different places in the national culture of memory.

For the Polish national identity, the place of memory *Katýn forest (las katynski)* as the scene of the *Katyn crime* is sacred and more than real. In hundreds and thousands of articles, booklets, poems, prayers, mourning speeches and other references to *Katyn*, only *Katýn forest* is mentioned. Only in rare works can one find single use of the historical name *Kozy Gory* [41].

The Russian name *Kátyn Forest* is politically and historically neutral, as it implies only a toponym – a gridding reference to a specific area.

Nazi KATYN

In the Polish and English-language literature, the «classic» description of the history of *Katyn* begins on August 23, 1939, the date of the signing of the Non-Aggression Pact between Germany and the Soviet Union.

Two more key dates, which, according to Western authors and their Russian followers, are the starting points for comprehension the events of the *Katyn*, are September 1 and September 17, 1939. Their symbolic content is associated with the interpretation of the events of the outbreak of World War II as a concerted attack on Poland by two totalitarian states – Nazi Germany and the Soviet Union. This interpretation is tightly coupled to the efforts to accuse the Soviet Union of complicity with Hitler in unleashing World War II. In addition, this concept is intended to serve at a symbolic level as a means of comparing the two political regimes, Hitler's and Stalin's, and «equalizing» the historical responsibility of two countries for the tragedy of European peoples during World War II.

The Polish military cemeteries «Katyn» and «Mednoe» were created not only under the influence of this concept, but in full accordance with its basic postulates. For example, they contain zoomed copies of the September campaign Cross, an anniversary medal established by the decree of the Polish president-in-exile, issued on September 1, 1984, «In memory of the battles for the protection and independence of the Polish-Lithuanian Commonwealth during the military campaign with Germany and the Soviet Union in 1939». It was awarded both to those who were remarkable in battles against Nazi Germany and to those who participated in rare clashes with units of the Red Army after September 17, 1939.

THE NAZIS IN SMOLENSK

In February 1943, the Battle of Stalingrad, unprecedented in scale and significance, ended with the victory of the Soviet Union. The victory of the Red Army in the Battle of Stalingrad began the countdown of a radical turning point in the course of the Great Patriotic War and World War II.

After the defeat at Stalingrad, the Nazi leaders began to use the propaganda doctrine of *Kraft durch Furcht* («Strength through Fear») actively. In general, the doctrine was intended to show the whole world that the Soviet Union is worse than Nazi Germany. This was supposed to be carried out through the evoked fear of the Soviet system, which propaganda was supposed to present to Europe and the whole world as bloodier and more cruel than the Nazi. The propaganda content of the «strength through fear» campaign was different for different target groups.

For the German population of the Third Reich, the propaganda in the spirit of *Kraft durch Furcht* was intended to raise morale, rally the nation and maintain the hope for a successful end of the war. In Germany, in the spring of 1943, anti-Semitic propaganda was intensified, and at that time actions were carried out to «finally liquidate» (exterminate) the Jewish ghettos (Krakow, Warsaw and others). The opponents were described with the usual rhetoric: the Wehrmacht fought with the «Jewish-Bolshevik USSR» and its allies (e.c. «Jews from England»).

For the conquered European countries, the propaganda concept «New Europe» was put forward - the rallying of European countries against the USSR under the aegis of Germany. The countries of the «New Europe» should have seen that in the event of the victory of the Soviet Union in Europe, a regime more brutal and more bloodier than that existed during the Nazi occupation would come. Germany began to look for those political forces that were ready to collaborate with it against the USSR.

The allegedly accidental discovery of the remains of Polish officers near Smolensk in the spring of 1943 and the feeding information about the bloody «Jewish-Bolshevik» *crime of Katyn* into the world media coincided with a change in the political course of the Third Reich for the occupied eastern territories.

Hitler's stance towards the Soviet Union is reflected in one of his public speeches of this time for the party leaders: «... *in this war bourgeois and revolutionary states are facing each other. It has been an easy thing for us to knock out the bourgeois states, for they were quite inferior to us in their upbringing and attitude. Countries with an ideology have an edge on bourgeois states, in that they rest upon a firm spiritual foundation. The superiority resulting from this fact was of extraordinary advantage to us until we began the campaign in the East. There we met an opponent who also sponsors an ideology, even though a wrong one*» (spring 1943) [27, s. 1927].

The victory of the Red Army in the Battle of Stalingrad in 1942–1943 showed the military power of the Soviet Union and its ability to withstand the Third Reich. For Hitler, there was still the hope of defeating the Soviet Union in a propaganda – ideological – war. The Fuhrer still hoped for victory in it.

Goebbels wrote about the importance of propaganda campaigns in the East: «Yesterday: <...> Unfortunately I didn't get any farther on the question of propaganda in the occupied areas of the East and the Soviet Union» [27, s. 1912]. The entry is dated March 17, 1943.

Goebbels obviously needed some kind of new informational occasion, significant in the eyes of European (and perhaps of the whole world) public opinion, which would stand out from the general row of stories about «Bolshevik barbarism» that had already become routine. An occasion that would not only correspond to the goals and objectives of the information campaign «strength through fear», but would also have resonance in Europe.

And – lo and behold! – less than a month later, Berlin radio would announce to the whole world that the Nazi authorities had disclosed the «monstrous atrocity of the Bolsheviks» and the whole world would shudder from the «horrors of the bloody Soviet regime.» Two weeks later, the Soviet Union would be forced to sever diplomatic relations with the Polish government-in-exile.

What happened during that time after all? *Katyn* appeared.

It is documented that the Nazi authorities practiced hiding the vestiges of their crimes, carried out in pursuance of «Sonderaktion 1005» (English: Special Action 1005) [15]. At a time when the Nazis were sure of the eternal existence of their Reich, they did not hide much. They sewed gloves and lampshades from human skin, used the ashes from bodies burned in crematoria as agricultural fertilizers, pumped out every last drop of blood from children for Wehrmacht soldiers and officers. In the extermination camps, the bodies of people killed in gas chambers were cremated in furnaces of crematoria. In concentration camps and ghettos, the bodies of the executed were buried nearby. So, near Warsaw (in der Nähe von Warschau), the remains of the executed prisoners of the Warsaw ghetto were buried in pits, near Krakow (in der Nähe von Krakau) – prisoners of the Krakow ghetto. During «Sonderaktion 1005», prisoners from camps and ghettos were sent to unearth the graves of those previously killed and destroy the remains. Those themselves subsequently faced the same fate. The same was practiced on the occupied territory of the USSR in the places where concentration camps and prisoner-of-war camps existed.

It was impossible for the Nazis to hide or destroy the physical vestiges of their crimes on the occupied Soviet territories. The German authorities did not bother with the burials of hundreds of thousands of Soviet prisoners-of-war, civilians, Jews, gypsies and insane people. It was as impossible to hide these crimes from the Soviet people as the crimes of Auschwitz, other extermination camps and the Holocaust in general.

If the Soviet government had deemed it necessary to disclose the discovery of the mass grave in Kozy Gory after the liberation of Smolensk, attributing it to the Nazis, then though it could not have disrupted, but would have dealt a serious blow to Goebbels' campaign «in defense of New Europe».

Corpses in Polish military uniform, dug out near Smolensk (in der Nähe von Smolensk) and brought from other places, were initially supposedly planned to be destroyed in order to hide vestiges of numerous crimes committed by the Nazis on the territory of the Smolensk region. However, Goebbels used the burials in Kozy Gory to solve his task in organizing a large-scale propaganda campaign against the USSR.

The fully justified military-strategic forecasts of the German intelligence services that after the defeat of Hitler in the Battle of Stalingrad the allies would act as a united front were assessed by Goebbels as follows: «... *we were almost completely defenseless today against British air terror*» (the entry dated April 9, 1943) [27, s. 1920].

Next to the previous entry, under the same date on April 9, 1943, in the Goebbels' diaries it is recorded: «*Yesterday: Polish mass graves have been found near Smolensk*» (in der Nähe von Smolensk) [27, s. 1920]. Further Goebbels gave an interpretation of the stated fact: that is, in fact, formulated an explanatory model that could (or should) be used as the basis for further statements and propaganda actions: «*The Bolsheviks simply shot down and then shoveled into mass graves some 10,000 Polish prisoners, among them civilian captives, bishops, intellectuals, artists, et cetera*» [27, s. 1920].

In its general scheme, the idea of declaring the perpetrator of the crime by the injured party and a multiple increase in the number of victims had already been repeatedly tested by the Nazis. The events of «Bloody Sunday» (Bromberger Blutsonntag) on September 3-4, 1939, mentioned above, can be recalled.

Under the same date, April 9, 1943, the instruction of the start of such an international information campaign was recorded in Goebbels' diaries: «*Yesterday: I saw to it that the Polish mass graves be inspected by neutral journalists from Berlin. I also had Polish intellectuals taken there. They are to see for themselves what is in store for them should their wish that the Germans be defeated by the Bolsheviks actually be fulfilled*» (emphasis added by the author – Oksana V. Kornilova) [27, s. 1920].

The Nazis were able to show only about 250 bodies in two pits to the Polish «intellectuals» who arrived in Kozy Gory on April 10 from Warsaw, Krakow and Lublin [40, p. 215].

As it can be distinctly seen, the purpose of why «neutral» journalists and «Polish intellectuals» were brought to the place of discovery of burials near Smolensk was clearly formulated by Goebbels. Not coverage of the progress of the exhumation work, not familiarization with the results of the investigation, not a humanitarian mission – no.

The main purpose of the arriving in Kozy Gory of these witnesses specially selected by the Nazi authorities was to see with their own eyes the «bloody Soviet crime», in order to spread information about what fate would await European countries if the Soviet Union defeated Germany in World War II. This was fully in line with the Nazi propaganda doctrine of «strength through fear» for New Europe. «Stalin is worse than Hitler, and the Soviet system is worse than Nazism» – this postulate was originally laid in the ideological basis of the concept of *Katyn*.

On April 13, 1943, the corresponding version of the *Katyn* was announced by the official Nazi media –through radio messages broadcast on the territory of most of the states participating in the Second World War, as well as countries occupied by the Third Reich. Nazi Germany possessed a powerful propaganda apparatus. According to researchers, it controlled more than a thousand newspapers, radio stations, printing houses, including those located far beyond its borders.

The Nazi radio report dated April 13, 1943 informed: «*It is reported from Smolensk that the locals indicated to the German authorities the place of secret mass executions carried out by Bolsheviks, where the GPU killed 10,000 Polish officers. The German authorities went to Kosogory, a Soviet health resort located 16 km west of Smolensk, where the terrible discovery took place <...> The officers were first in Kozelsk near Orel, from where in February and March 1940*

they were transported in cattle wagons to Smolensk, and from there they were transported by trucks to Kosogory, where Bolsheviks killed all of them» [4, p. 447].

An accurate drawing on a change in the disposal of military-political forces in the face of a radical turning point in the course of the war, the desire to drive a wedge between the allies, a thoughtful reckoning to rally the anti-Soviet forces of New Europe around Nazi Germany – these are the main goals pursued by the leaders of the Third Reich when they announced the discovery of a burial of Poles near Smolensk – «victims of the bloody Bolshevik crime».

The accusation of the Soviet Union of committing the *Katyn*, supported by powerful information campaigns, was supposed to help Germany win a victory over the USSR in the ideological war, which would have increased the chances of Nazi Germany to win the war in the trenches.

On April 14, 1943, Goebbels wrote: «*Yesterday. We are now using the discovery of 12,000 Polish officers, murdered by the GPU, for anti-Bolshevik propaganda on a grand style. We sent neutral journalists and Polish intellectuals to the spot where they were found. Their reports now reaching us from abroad are gruesome*». And further: «*The Fuehrer has also given permission for us to hand out a dramatic news item to the German press. I gave instructions to make the widest possible use of this propaganda material. We shall be able to live on it for a couple of weeks*» [27, s. 1923].

In pursuance of Hitler's order, who personally supervised the course of the *Katyn* case, on April 15 the informational material of this «dramatic report» for the press would be ready. Starting from the next day, articles about the «*Katyn* crime of Bolsheviks» would begin to be published in the main Nazi party newspaper «*Völkischer Beobachter*», the newspaper «*Gonec Krakowski*» published in the capital of the Polish Governor-General [48], Japan [12, p. 2] and a number of other «neutral» publications.

On April 16, 1943, the first article was published on the pages of «*Völkischer Beobachter*» about Polish burials discovered in the *Katyn* forest [32]. It should be borne in mind that «*Völkischer Beobachter*» was the main party newspaper of the National Socialist German Workers' Party (German: Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei or NSDAP), which determined its readership and the content of published materials. In fact, this is the first public presentation of the word «*Katyn*» and the content that it implied. The text of the article itself is dated April 15, 1943.

In historical researches about *Katyn*, we were unable to find studies devoted to the analysis of either this article or subsequent publications about *Katyn* in the official Nazi press. It is obvious, however, that it is impossible to overlook the first initial stage of conceptualization of the «*Katyn*» due to its enormous significance for understanding all its further «reincarnations» in the process of turning into a Polish «place of memory» or supranational metonym.

The article was titled «*Katyn – an example of Judas attack on Europe*» [32]. The epigraph to the article was: «*Jew Davies: "We can trust the Soviet Union!"*».

Who is this Davies and how did he get «involved» in our story?

It turns out that dissatisfaction and violent attacks from the German press were caused by D.E. Davies' article «*Yes, we can trust the Soviet Union*», in which «the Jew Davies begins to propagandize Bolshevism in England» [32].

D.E. Davies (1876-1958) was an American lawyer, diplomat, ambassador to the USSR in 1936-1938, one of the organizers and honorary chairman of the National Council of American-Soviet Friendship (NCASF). In his book «*Mission to Moscow*» (1942), he spoke positively about Stalin and the Stalinist regime. The book, translated into 13 languages, has sold 700,000 copies. In the spring of 1943, based on these memoirs, a film of the same name was released, telling about the ambassador's meetings with Stalin, his trips to the Soviet Union and the ambassador's positive impressions of the Soviet system. During World War II D.E. Davies strongly advocated the opening of the Second Front in Europe.

Of course, it was extremely important for Germany to know how the relations between the countries opposing it were developing. And not only to know, but also try to influence this relationship. In the Nazi press, for example, there was fierce criticism of the USSR Ambassador to the United States, M.M. Litvinov («*this sharper is now assigned to defend the Bolshevik interests in the United States and stand up for the Jewish-Bolshevik war*») [16].

The preamble to the first article about Katyn reads was: *«Together with 10-12,000 officers, more than 500,000 Polish soldiers fell into bolshevik clutches. The officers were killed in the Katyn forest, and where are the soldiers? Initially, it was supposed to unite them in an army fighting for Bolshevism, but this army had never been heard of. Polish soldiers disappeared, as did Polish children evacuated to the Soviet Union. The fate that the Jew Ehrenburg had promised before the destruction of Europe to all the survivors of the European nations probably overtook them. They die like powerless slaves in the steppes and mines of Siberia»* [32].

Another person mentioned in the very first article about Katyn is the writer, poet and journalist Ilya Ehrenburg, who wrote a number of anti-fascist novels in the pre-war years. In 1941-1942. Ehrenburg published talented sharp essays almost every day, instilling confidence in the inevitable victory over Nazi Germany in Soviet people.

The very first text about Katyn runs about the Nazi authorities' «concern» about the fate of three groups of Polish citizens «missing» in September 1939 – officers, soldiers and children.

By the spring of 1943, there was no secret that Polish prisoners-of-war (POW) interned after September 17, 1939 were either released after filtration or sent far inland the USSR with the aim of forming Polish military units that were supposed to fight for the freedom of their homeland against Hitler's Germany.

Who are these «missing» Polish citizens, whose fate the Nazi authorities recalled in an article about Katyn in the spring of 1943?

One of the groups is *«Polish children evacuated to the Soviet Union»* after September 17, 1939. Their number and fate, as follows from the text, is unknown for the Nazis, but here it is stated that *«Polish children ... die like powerless slaves in the steppes and mines of Siberia»*. Nazism's own experience of destroying children (Polish, Jewish, Russian, Belarusian, Roma, Ukrainian and many others) in the occupied eastern territories apparently influenced the Nazis in the sense that they did not see anything unreasonable in such an accusation – it did not seem wild and absurd to them. The violent deportation of the populace from the occupied territories, followed by their use in hard work in Deutschland, was just characteristic of Nazi Germany. The accusation of the Soviet Union in the destruction of Polish soldiers and Polish children by hard labor is in fact a direct transfer (projection) of their crimes onto the subject against whom the propaganda was conducted.

It is interesting and indicative, however, that in the modern interpretation in Poland and in the West, the transfer of the Polish in 1940, as well as children in June 1941, is beginning to be included in the concept of *Katyn*.

Another group of Polish citizens mentioned in the article is the 10–12 thousand officers killed in the Katyn forest. The declared number of Polish officers in the official Nazi media was explained as follows: *«The total number of officers killed is estimated at 10,000, which corresponds to approximately the full Polish officer corps taken prisoner by Bolsheviks»* (Berlin radio report dated April 13, 1943. Quoted from: [4 , p. 447]).

The third group is 500 thousand Polish soldiers, of whom it was supposed to create an army on the territory of the Soviet Union that would fight against Nazi Germany together with Soviet troops. The article asks the question: *«Where are the soldiers?»* then the article itself answers it: *«Initially, it was supposed to unite them into an army fighting for Bolshevism, but this army had never been heard of. Polish soldiers disappeared ...»* [32].

With this statement about the disappearance of Polish soldiers, Nazi propaganda deliberately touches one of the painful points of the relationship between the Soviet Union and the Polish government in exile, and again turns everything upside down. There were no «missing» Polish soldiers and no «missing» Polish officers at all. There was Anders' army formed in the USSR from Polish soldiers and officers, which then refused to fight for freedom of their homeland on the Soviet-German front and went to Iran. Many of its leaders, including those occupied vividly with activities on an information support of the Katyn provocation, subsequently settled in London. There was the 1st Polish Infantry Division named after Tadeusz Kosciuszko in the Soviet Union which was formed from Polish soldiers and officers (4).

Another interesting source is the caricature posted next to that article entitled «England and the Katyn Massacre» [32]. The illustration depicts a «Jewish Bolshevik commissar» with repulsive features and shot Polish officers of noble

appearance, lying in a ditch.

Thus, the original Nazi propaganda construct implied another side directly involved in the *Katyn massacre* – Great Britain. The character on the left in the picture is the head of the Church of England, Archbishop of Canterbury. Smiling pleasantly, with one hand he is patting friendly the «Jewish Bolshevik» holding the gun on the shoulder, and with the other hand he is blessing him. Picture caption: «Archbishop of Canterbury: "If we had not discarded Poland, our pain would be great"» [32].

It is possible to assume that by this the Nazis tried to hurt even more the feelings of the main «target group» – the Poles. During the negotiations of the late 1930s Great Britain repeatedly promised Poland military assistance in the event of Nazi Germany attack. However, as it is well known, this did not happen. On September 3, 1939 Great Britain declared war on Germany, but, in fact, no assistance was rendered to Poland.

Nevertheless, soon enough Great Britain blessing the Soviet Union for the massacre of Poland disappears from the content of propaganda materials. At the same time, the number of *Katyn* victims was reduced from 12 thousand to 10 thousand people. In such a corrected formulation, the description of the *Katyn crime* began to be replicated in subsequent newspaper publications distributed both in the territory of the Third Reich and the conquered European countries: 10 thousand victims, the criminal USSR and innocent Poland.

On April 16, 1943, Nazi propaganda articles about Bolshevik *crime of Katyn* spread throughout the world. To confirm their innocence, the Nazi propagandists had testimonies wrested from several local residents and many photographs. From the diary of Goebbels on April 18: «Yesterday: ... In the evening photographs of *Katyn* were shown me. They are so terrible that only part of them are fit for publication» [27, s. 1923].

It is known that some Nazi criminals were sometimes very sensitive to the murder scenes they saw. For example, having felt sick caused by the sight of the mass execution by the Einsatzgruppen in Minsk, G. Himmler ordered SS Gruppenfuehrer A. Nebe to develop «more humane methods of murder than execution». As a result, another sophisticated means of mass extermination of people appeared – the so-called gas vans or gas chambers.

No matter how terrible the pictures from Kozy Gory were, capturing the «bloody atrocity of the Bolsheviks», Goebbels still had to find those political or social forces that, having accepted the Nazi version of *Katyn*, would turn a blind eye to the mass crimes committed by the Nazis in the occupied countries.

Speaking about the reasons for the widespread propaganda hype of the *Katyn provocation*, most authors writing on this topic focus on Germany's desire to play on the contradictions within the allied countries and drive a wedge between them. Researchers, as a rule, lose sight of the motives of the Polish government-in-exile, which, with genuine enthusiasm and speed, seized on the topic proposed by the Third Reich. Besides, it can be considered that although the *Katyn provocation* was carried out in the interests and the general course of the Nazi policy, the Polish government-in-exile, having supported it, also successfully solved some of the foreign policy challenges facing it.

April 16, 1943 - the same day when «Völkischer Beobachter» and the Polish occupation newspapers published information about *Katyn* – the Minister of Defense of the Polish government-in-exile M. Kukel and the Minister of Information S. Kot published the statement in which a priori agreed with the Nazi version of *Katyn*. In addition, they considered it necessary to conduct an investigation with the participation of the International Committee of the Red Cross (ICRC) [10, p. 332].

On April 17, 1943 the German Red Cross and of the Polish Red Cross almost simultaneously applied to the ICRC with the same request to investigate the shooting of Polish prisoners-of-war officers and others people by the Bolsheviks near Smolensk. Both parties asked for the ICRC to send their representatives to Kozy Gory [10, p. 332]. The fact that the ICRC joined the investigation of *Katyn* was immediately announced through the channels of the British Broadcasting Corporation BBC [21, p. 159].

It is quite justified that the Soviet Union began to consider this fact as a provocation organized jointly by the German authorities and the Polish government-in-exile. Stalin, in his message to Churchill, accused Polish government-in-exile

of «collusion» with Hitler.

Indeed, by April 1943, the territory of Poland had already been under power of Nazi Germany for three and a half years. During all this time, neither the Polish government-in-exile, nor the International Committee of the Red Cross, nor the Polish Red Cross expressed a desire to investigate any Nazi crime on the territory of conquered Poland.

At the same time, the activities of the International Committee of the Red Cross during World War II cause extremely ambiguous assessments in world historiography, which is largely due to its stance towards the Holocaust.

The ICRC was founded in 1863. According to the Charter, the number of members of its committee can be from 15 to 25 people who are Swiss citizens. The President and his deputies are responsible, among other things, for the external relations of the Committee. In 1928-1944 the president of the ICRC was the theoretical sociologist of international law Max Huber (1874-1960).

A very indicative side of the activities of the ICRC, which was actively involved in the support and informational promotion of the Nazi version of the *Katyn crime*, is its policy towards the Holocaust.

Back in 1936, the ICRC authorities knew about the Nazi plans for a «final solution of the Jewish question», but did not take any action either to prevent this crime or to try to inform the world community about the impending extermination actions [45, p. 183].

The ICRC Chairman Max Huber later explained this «silence» as follows: the ICRC is a neutral organization, so the information it has about the state of affairs in a country is confidential information and the ICRC is not obliged to disclose it to third countries, even if there is request [45, p. 187-188].

The ICRC also knew about Nazi concentration camps and Nazi death camps. However, no information about these crimes was received in the international media either; no international commissions were sent to these places of Nazi crimes. Neither the Polish Red Cross nor the German Red Cross took any initiative to investigate these Nazi crimes.

The position of the ICRC as a bystander to the Holocaust during World War II was explained by M. Huber as follows: there was «one group of citizens persecuted by their own government and who are denied the rights enjoyed by other citizens, but, how paradoxically it is, it does not allow foreigners to interfere in their favor» [45, p. 190-191]. So, according to the logic of the ICRC chairman, foreign interference to prevent the Holocaust was impossible because the Jews being killed were German citizens. Since the ICRC positioned itself as a «neutral» organization, it had been refusing to interfere in the internal affairs of states. What changed in the spring of 1943, when the ICC, represented by its national committees, German and Polish, acting in agreement with the Central Committee, decided to violate its neutrality and come out in favor of Germany?

The Polish Red Cross is one of a few pre-war organizations that were allowed to exist after the Nazi invasion of the Polish Republic and the organization of the General Governorate. «The discovery of victims was part of its direct responsibilities», the authors of the monograph «Katyn Syndrome» assert, speaking about the activities of the Polish Red Cross in Kozy Gory near Smolensk [21, p. 155].

The main functionaries of the Polish Red Cross deserve special attention. So, for example, Alexander Osinsky (1870-1956) – the major general of the Russian Imperial Army (1915), Commander-in-Chief of the Polish Army in the Ukraine (1918), a participant in the Polish-Soviet War of 1919-1920, the major general of the Polish Army (1921-1935), the senator. From May 12, 1937 to August 13, 1940, he was the President of the Main Directorate of the Polish Red Cross. After September 1939, he fled from Poland, then ended up in London, where he became a co-leader of the Polish Red Cross as the chairman of the Main Council.

In the pre-war years, A. Osinsky was the head of the regional branch of the Camp of National Unity (OZN), a Polish political pro-government organization distinguished by anti-Semitic ideology. In the OZN program, Jews were described as «foreign elements» for the Polish people, who therefore «cannot take part in its "present day" or contribute to its "tomorrow"». The OZN program, among other things, postulated «a significant reduction in the number of Jews in Poland». The youth organization of OZN actively participated in anti-Semitic actions.

In general, it can be stated that the representatives of the Polish Red Cross during World War II acted in the spirit of M. Huber's guidelines. The Polish Red Cross ignored the daily Nazi crimes of the Holocaust committed in the Polish Governor-General (e.g. the final liquidation of the Krakow ghetto on March 13-14, 1943; the liquidation of the Warsaw ghetto, which actively lasted until May 16, 1943; and others). However, suddenly and inexplicably fast the Polish Red Cross decided to send its representatives to distant Smolensk to check the Nazi provocative statement (*Katyn lie*).

Until present time, the activities of the International Committee of the Red Cross and national committees of the Red Cross in the context of *Katyn lie* have not become the subject of any scientific research. Many materials about the activities of the ICRC during World War II remain secret, as well as the information about the fates of its main functionaries.

In particular, the report on its own activities during World War II, prepared by the ICRC itself in 1948, is secret and closed for scientific research. An attempt to make it public in 1996 caused a number of publications of an accusatory nature, after which the project was again brought to a close. Meanwhile, it can be stated that the activities of the ICRC and its national – German and Polish – committees have played an important role in achieving the main goal of the *Katyn lie*.

On April 26, 1943, after a series of provocative statements from the Polish government-in-exile, the Soviet Union had to sever diplomatic relations with it. One of the goals that Germany was striving for was achieved. The Polish government-in-exile also got what it had long been aspiring to, the severance of diplomatic relations with the USSR, which resulted in its release from all previous obligations under the agreements, which formally took place on the initiative of a former ally.

The Polish government-in-exile, according to the Soviet-Polish agreements on July 30 and August 14, 1941, was obliged to provide help and support to the Soviet Union in the war against Nazi Germany, but in fact it did not want to provide this assistance and did not provide it. It is sufficient to recall the withdrawal of Anders' army from the USSR, as well as support for the anti-Soviet activities of the Home Army.

It was important for the Polish government-in-exile that the merit in the liberation of Poland did not belong to the Soviet Union and Polish soldiers and officers of Polish People's Army, fighting shoulder to shoulder with the Red Army Men. This was necessary so that political power in the liberated Poland would not be transferred to the pro-Soviet government.

In this context, it is pertinent to recall that on March 1, 1943, the Polish Workers' Party published a declaration «What are we fighting for?» which formulated a program of political and socio-economic transformations in Poland after its liberation by the Red Army: the creation of temporary democratic bodies «from village and city councils to the government inclusive», the transfer of enterprises seized by the occupiers to the state, and the establishment of the control over them by the working class, the return of their property to urban and rural small owners, the division of landlord estates between the peasants, an alliance with the USSR and a number of other provisions» [10, p. 341].

Some intermediate results of the successfully carried out *Katyn lie* were summed up by Goebbels on April 28, 1943. On this date, two records fundamentally important for this study can be found.

First, Goebbels left many enthusiastic remarks about himself for history: «*The most important theme of all international discussion is naturally the break between Moscow and the Polish Emigre Government. ... All enemy broadcasts and newspapers agree that this break represents a 100 per cent victory for German propaganda and especially for me personally. The commentators marvel at the extraordinary cleverness with which we have been able to convert the Katyn incident into a highly political question. There is grave apprehension in London about this success of German propaganda. Suddenly all sorts of rifts are noticed in the allied camp the existence of which nobody had hitherto admitted... There is talk of a total victory by Goebbels! Even important American senators publish worried comments...*»[27, s. 1924-1925].

Secondly, after these enthusiastic words, Goebbels makes a fundamentally important statement. Strategical information about the current situation at the fronts and in the country, were periodically prepared for Hitler. Here's what else Goebbels wrote down on April 28, 1943: «*The military men at the Fuehrer's GHQ have actually succeeded in eliminating*

the pictures of Katyn from the weekly newsreel. Unfortunately the Fuehrer did not have time to see the reel personally. He may possibly authorize their release next week. But by then they will be so old that they won't have any news value» [27, s. 1925-1926].

This means that after the severance of diplomatic relations between the USSR and the Polish government-in-exile due to the Katyn lie, the report about it to Hitler was still important on April 28, but later this information becomes not only outdated, but also irrelevant. The main goal of the *Katyn lie* was achieved.

In Goebbels' diaries, after the above entry of April 28, 1943, the mention of the Katyn-Angelegenheit case occurs only once - in the entry of May 8 about the German munitions found in the graves: «*Unfortunately German munitions were found in the graves of Katyn. The question of how they got there needs clarification. It is either a case of munitions sold by us during the period of our friendly arrangement with the Soviet Russians, or of the Soviets themselves throwing these munitions into the graves. In any case it is essential that this incident be kept top secret. If it were to come to the knowledge of the enemy the whole Katyn affair would have to be dropped»* [27, s. 1926].

These words were the last in the Katyn lie that Goebbels began and the results of which he summed up.

However, then it was necessary to legalize and materialize the theoretical construct called *Katyn (the Katyn Crime)*. Each of the parties interested in the anti-Soviet *Katyn lie*, Hitler's Germany and the Polish government-in-exile, approached the matter in their own way.

Germany achieved its main *Katyn lie* goal, so it only needed a formal confirmation from «neutral» international forensic experts that the alleged Katyn had taken place. For this, the German party organized a trip to Kozy Gory for an expert group of an international commission.

Recall that at the beginning of April, the Nazis brought «neutral» journalists to the place where the burials were discovered – Kozy Gory. Their task was to provide information support to the Nazi version of Katyn (*Nazi Katyn*). The findings of international forensic experts should have given status of objectivity to the Nazi version of Katyn (*Nazi Katyn*), to transfer it from the sphere of propaganda to the realm of events that actually occurred (recognized as such).

In fact, the international alleged «independent» commission of forensic experts arrived in Kozy Gory only on April 28, 1943 – after the *Katyn lie* had done its job (the severance of diplomatic relations between the Soviet Union and the Polish government-in-exile had occurred two days earlier).

Representatives of 12 countries stayed in the Kozy Gory for only three days (from 28 to 30 April). During this time, they managed to examine 982 corpses prepared by the German side for their arrival, of which about 70% were alleged identified [51, s. 59]. The Nazis allowed «independent» forensic experts to perform autopsies on only nine corpses. They were also taken to see a *Katyn exhibition* prepared by the Nazi German security service SD, where finds of the Katyn forest were exhibited in wooden showcases.

There are serious disagreements regarding the results of the activities of this commission and its individual representatives. The main ones are related to the assessment of the objectivity degree (the very independence) that the members of the commission were allowed to show, as well as the influence degree of the expert findings of international experts on the Nazi version of the *Katyn crime* that had already existed by the time they arrived in Kozy Gory [6]. Subsequently, the findings of the international expert commission were included as one of the documents in the official «Amtlikhen materials» [22].

The activities of the Polish government-in-exile to legalize *Katyn* were organized according to different principles. The Technical Commission of the Polish Red Cross (TC PRC) worked in Kozy Gory near Smolensk from April 29 to June 3, 1943. In studies devoted to Katyn case, the attention is paid only to the activities of the TC PRC on the exhumation of the corpses and their identification, but the history of its organization and the interaction with the Nazi German authorities is poorly or almost not covered. As a rule, the authors confine themselves to a formal statement that «the commission was created after the appeal of the authorities of the General Governorate to the Polish Red Cross» [21, p. 155].

On the territory of the Polish General Governorate (until July 1940 called the General Governorate for the Occupied Polish Region) (5), Nazi German law was in force, but most of its inhabitants, divided into different categories, did not have the status of German citizens and were limited in rights. The entire administration was Nazis. What do we know about the «authorities of the Nazis General Governorate», which allegedly came up with an initiative about the need for the PRC to work on the exhumation and identification of the Polish remains in the distant Kozy Gory?

Governor-General the occupied Poland was Hans Frank (1900-1946) – Reichsleiter of the NSDAP (1934-1942), one of the main organizers of the large-scale terror and extermination of Polish and Jewish population of Poland. At the International Nuremberg Tribunal, he was one of the 24 main Nazi criminals, sentenced to death.

Joseph Buhler (1904-1948) – State Secretary of the General Governorate (May 1940-1945), permanent deputy of Hans Frank, the member of the NSDAP and SS Brigadefuehrer. As a representative of the General Governorate, Buhler took part in the conference in Wannsee (January 20, 1942), at which the question of the final solution of the «Jewish question in the sphere of German influence in Europe» was discussed. Buhler declared the importance of «the earliest possible solution to the Jewish question in the General Governorate» and called on Heydrich to begin a «final solution» in the General Governorate, where there were no «transport problems». Buhler acted as a witness for G. Frank's defense at the Nuremberg Tribunal, then was extradited to Poland, where he was executed in Krakow in 1948 for crimes committed against humanity.

On the initiative and with the knowledge of these very Nazi leaders of the General Governorate responsible for the mass terror and the Holocaust, the appeal was sent to the Polish Red Cross with a request to send a mission to distant Smolensk in order to exhume and identify the Polish remains.

The Polish Red Cross itself, as noted above, acted in coordination with the managers of the ICRC and in line with the ICRC's general policy, completely ignoring the Nazi crimes against the Jews, massively committed by the German authorities on the territory of the General Governorate (Holocaust).

Regarding this Nazi appeal to create a commission, the Polish Red Cross held consultations with the leaders of the Home Army which, in fact, governed the Polish underground state. As a result, it was decided to organize the five-person Technical Commission of the PRC headed by K. Skarzhynski, a member of the PRC main board.

Coming from an old noble Polish family, Kazimierz Skarzhynski (1887-1962) was educated at a Jesuit gymnasium in Vienna, graduated from the University of Political Sciences in Paris and then the Higher Commercial Institute in Antwerp. In 1920 he volunteered for the Polish army and, as a cavalryman of the 203rd Uhlan regiment, fought against Soviet Russia. From 1924 to 1939 he was the vice president and then the president of the French-Polish pulp company. In his «Report from Katyn» he described in detail the exhumation, which was accompanied by a list of those killed, made up in June 1943. After the liberation of Poland by the Red Army, he was the first who had hidden and then fled (December 1945), having submitted an augmented version of the «Report from Katyn» to the British Embassy [44].

The Home Army (until February 14, 1942 called the Union of Armed Struggle) was the main structure of the military-political underground, subordinate to the Polish government-in-exile. It was created by the career officers of the pre-war army to fight against what they believed were the main enemies of the independent Poland of that time – Nazi Germany and the USSR. On the assumption of their concept of two enemies, the leaders of the Home Army counted on the restoration of the Polish state with the support of the Great Britain and the United States after Germany and the USSR would be drained of blood by mutual confrontation [14].

General and publicist S. Rovetsky (1895-1944), who received reports on the activities of the Technical Commission of the PRC, fought against the Russian State as a member of the 1st brigade of the Polish legions during the World War I, then participated in the Polish-Soviet war (1919–1921). From February 14, 1942 to June 30, 1943 Rovetsky was the main commandant (commander) of the Home Army, a supporter of the concept of two enemies.

After the arrest of Rovetsky, his deputy T. Komorovsky became the head of the Home Army. Already under him, the delivery of boxes with Katyn material evidence to Krakow, their processing and subsequent evacuation from the

approaching Red Army took place.

T. Komorowski (1895-1966) during World War I fought on the side of Austria-Hungary against the Russian State; since 1918 was in the Polish army; during the Polish-Soviet war (1919-1921) commanded the squadron and the Uhlan regiment. After the creation of the Home Army, he was the deputy of S. Rovetsky, after whose arrest he was appointed its commander. On August 1, 1944, when the Red Army approached Warsaw, it was T. Komorowski who gave the order to start the Warsaw uprising, which ended in disaster for the Polish people.

The Technical Commission of the Polish Red Cross arrived in Kozy Gory on April 29, 1943, also after Germany had achieved its goal in the *Katyn provocation*.

The Technical Commission of the PRC worked in Kozy Gory much longer than the commission of international experts – not three days, but more than a month (from April 29 to June 3, 1943). The PRC commission arrived separately from the «neutral» international experts and worked separately from them. In addition, members of the TC PRC significantly distanced themselves from the Germans: they did not sit with them at the same table, while photographing they stood apart, etc. [21, p. 155]. The functions of the TC PRC were fundamentally different from the activities of the «neutral» international commission.

The first identification lists began to be published in the Polish occupation newspapers from April 14, 1943. This means, that hundreds of personal identification data (name, surname, military rank) of the Poles had already been known to the Nazis by this time. Moreover, the data were known in advance. A number of researchers agree that a part of the NKVD archive of the Smolensk region (including the Polish transfer lists), captured in July 1941, as well as part of the regional party archive fell into the hands of the German occupation authorities [9]. The first German identification lists were very short in form – they contained only military ranks, first names, surnames and very rarely some additional information. In form, they corresponded to the «transfer lists», with the exception of the indication of the birth year. This is understandable: it is extremely problematic to establish the year of birth during exhumation.

The Polish RC technical commission could help indeed the German side to identify the remains. The International Red Cross and its national divisions, which received inquiries about the fate of the missing Polish military men and civilians throughout World War II, had an extensive database of those Polish citizens, especially the military, who disappeared after September 1, 1939 (their background information, home addresses, information about relatives, letters, including diary notes, photographs and other materials of personal origin). As early as December 3, 1941, during the meeting in the Kremlin with Stalin, the Prime Minister of the Polish government in exile, and concurrently the head of the Polish RC, Sikorski announced the figure of 3845 Polish officers who had «disappeared» since September 1939.

According to the published final reports of the Nazi / Polish commission, in total 4143 corpses were exhumed from eight graves, 2815 / 2730 of which were identified.

Considering that while the international commission of experts was in Kozy Gory (April 28-30), 982 corpses were ready for examination, of which 70% were identified, then the PRC commission managed to complete its tasks of exhumating about 3 thousand, identification of about 2 thousand and reburial of more than 4 thousand remains in one month.

In the descriptions of the TC PRC activities, you can find references to the fact that about 160 Soviet prisoners-of-war and local residents were helping the commission during the work [21, p. 155].

The Soviet prisoners-of-war were used as a labor force from the very beginning of the work. Thus, in the memoirs of the burgomaster of occupied Smolensk B. Menshagin it is said that during his trip to Kozy Gory on April 18, 1943, he saw «Russian prisoners-of-war were still digging in the trenches, and several German soldiers with rifles were standing on the site» [1, p. 503].

In Skarzhynski's «Report from Katyn» it is mentioned that «the whole range of works has been carried out by the members of the PRC Technical Commission, the German authorities and residents of the surrounding villages, whose number averaged 20-30 people a day. Bolshevik prisoners were also sent in the amount of 50 people a day – they were used exclusively for excavating and filling graves and cleaning up the territory» (6) [17].

The head of the TC of the Polish Red Cross Skarzhynsky in his report names only his Polish colleagues and those Nazi officers with whom he closely communicated. Skarzhynski, coming from an old Polish noble family, took a head count of local residents from the nearby villages, as well as the Bolsheviks prisoners-of-war exhausted by hunger. They were taken to work in Kozy Gory or on foot from the city of Smolensk, located 15 km away. After such everyday long march-transition from Smolensk to Kozy Gory and many hours of extremely destructive work here, it is very unlikely that the Soviet POW were able to walk another 15 km to return to the Dulag-126 in Smolensk.

In June 1943 Skarzhynsky could call only an approximate number of them: 20, 30, 50 people a day... And so every day! But they were those Soviet citizens who shared in the exhumation and reburial labor of the remains of the Poles found in Kozy Gory. None of the Katyn researchers speaks of Soviet prisoners-of-war who participated in or died in the course of exhumation or memorial works in 1943.

Polish authors and their Russian followers do not raise the question about the fate of the Soviet citizens who carried out the bulk of the work on the exhumation of Polish remains in Kozy Gory in the spring and summer of 1943, their subsequent burial and the arrangement of the Polish cemetery. There were no names or surnames left of them. In the official Polish version of the «*Katyn crime*» there was not a single word of gratitude towards these Soviet citizens or regret about their fate. In modern Polish Katyn prayers, these Katyn victims are neither mentioned nor remembered, despite the fact that their fates and their paths of life are forever connected with the Polish-Nazi *Katyn provocation*.

The prisoners of war from the camp located in Smolensk and residents of the villages surrounding Kozy Gory have been ordered to do the work by the German occupation authorities. On completion of the work, all of them were shot and buried nearby.

In September 1943, by the time of the liberation of Smolensk and the prisoners of Dulag-126 by the Red Army, there were no living participants in the work in Kozy Gory and nobody who had ever heard the story about it. Neither the Soviet Commission headed by Burdenko nor the US House Select Committee headed by Madden succeeded in finding or interrogating any of these Soviet prisoners-of-war.

At the same time, in the Skarzhynski's «Report», an idyllic scene of farewell is described: «Leaving the cemetery, the commission thanked Lieutenant Slovencyk, Second Lieutenant Boss, German non-commissioned officers and soldiers and Russian workers for their extremely hard work during two months to exhume the remains» [17].

Ober-Lieutenant Slovencyk (Slovenchgyk), who deserved the words of gratitude from the Polish representatives of the Red Cross, was, as mentioned here in the comments, «the company commander of Wehrmacht Propaganda Troops (Aktivpropagandakompanie)». «The Second Lieutenant Boss» was the lieutenant of the Secret Field Police Foss, who was responsible for the field execution of the main events of the *Katyn provocation* in the spring of 1943 [20; 22, s. 18, etc.].

The first memorialization of Katyn during World War II, the so-called Nazi-Katyn, was carried out in May – June, 1943 in the form of arrangement of burials on the Soviet land occupied by the Nazis in Kozy Gory near Smolensk.

According to Skarzhynski's «Report from Katyn», the cemetery consisted of six square-shaped mass graves located on either side of the central path. The graves were lined with sod around the perimeter. Also using the same sod, an equal-pointed cross was laid out in the center of each grave. Polish generals B. Bogatyrevich and M. Smoravinsky were buried in two individual graves. A 2.5 meter high Catholic cross was installed on each grave. On the departure day of the last members of the PRC Technical Commission from Katyn (that is, on June 9, 1943), a wreath made of tin plate and wire by one of the commission members was hung on the highest cross on the 4th grave. The wreath was painted black. In the middle of the wreath there was a crown of thorns made of barbed wire. The wreath was nailed to a wooden cross, through a crown of thorns, with a cockade taken from an officer's cap in the shape of a Polish eagle [17].

33 years later, this Christian symbolism - a crown of thorns and a martyr nailed to the cross, whose symbol was the Polish coat of arms in the form of an eagle – would be exactly repeated on a monument called Memorial Katyn, erected in London in 1976 [39].

CONCLUSION

Poland, symbolically depicted in the form of an eagle from the Polish coat of arms of the Polish-Lithuanian Commonwealth in a crown of thorns made of Soviet barbed wire, would become one of the main symbols of the confrontation in Europe during the Cold War for 50 years.

During the Cold War, the Nazi version of the *Katyn crime* would get a «second wind». The Polish government in exile would engage in further theoretical developments, as a result of which the number of *Katyn victims* would be increased up to 14.5 thousand people.

The admission of guilt in the committing the Katyn crime by the leaders of the Soviet Union in 1990, supported by powerful information campaigns, helped Germany and the United States to defeat the USSR in the ideological war that led to the dissolution of the Soviet Union in 1991.

Endnotes

1. Immediately after the clash on September 3-4, 1939, the Reich Ministry of Public Enlightenment and Propaganda took a huge number of photographs of the German victims of the Polish attack. On September 7, 1939, the German News Agency began distributing the first reports on «Bromberg – Town of Horror». Foreign «neutral» journalists were invited by the German authorities to see personally the horrors perpetrated by the Poles. Having been asked by Goebbels personally, Nazi war journalist Sonderführer E.E. Dwinger wrote a book «Der Tod in Polen. Die volksdeutsche Passion» about this event, published in 1940. The number of German victims of 103 people, in the book, was defined as 5 thousand people, and the events themselves were described as a pre-planned action by the Poles to exterminate ethnic Germans.
2. The State Archive of the Smolensk Region (SASR). P-1630. F. 28. Pp. 113–113rs. From the act of the representatives of the military unit No. 14164 and the residents of the village Katyn-Uspenskoe about robbery, bullying and extermination of civilians by the German fascist invaders. Katyn, Smolensk region / Without a statute of limitations: the crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Smolensk region: The collection of archival documents / editor-in-chief of the series E.P. Malysheva, E.M. Tsunaev; editor-in-chief O.V. Ivanov; comp. S.V. Karpov. M.: Foundation «Svyaz` Epoch»: Kuchkovo Pole, Muzeon, 2020. - 656 p. : illustrated. pp. 332–333.
3. In this case, we use the term «place of memory», which was introduced by the French researcher Pierre Nora.
4. Decree of the State Defense Committee of the USSR No. 3294 of May 6, 1943 «Of the formation of the 1st Tadeusz Kościuszko Infantry Division.» The formation of the division began on May 14, 1943 in the Seletsky military camps near Ryazan.
5. The General Governorate for the Occupied Polish Region (Generalgouvernement für die besetzten polnischen Gebiete) was formed on October 26, 1939 in accordance with the order of the Reich Chancellor A. Hitler of October 12, 1939. On July 31, 1940, it became known as the General Governorate.
6. «Bolshevik prisoners of war» is a definition that was widely used in Poland in anti-Soviet propaganda rhetoric during the Polish-Soviet war of 1919–1921 and in subsequent years. According to Prof. G.F. Matveyev, at least 25-28 thousand Soviet prisoners of war died in Polish captivity from hunger, cold, inhuman conditions of detention, humiliations and arbitrary rules of the Polish administration (including arbitrary executions and murders).

References

1. Boris Men'shagin. *Vospominaniya / Boris Men'shagin: Vospominaniya, Pis'ma, Dokumenty*[Boris Menshagin. Memories / Boris Menshagin: Memories, Letters, Documents] / Sost. i podg. teksta P.M. Polyani. – M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. – 824 s. (In Russ.)
2. Vorob'ev M., Titov V., Hrapchenkov A., 1966, *Smolyane – geroi Sovetskogo Soyuz*[Smolyans - Heroes of the Soviet Union]. M., Moskovskij rabochij. 1966. 648 s. (In Russ.)
3. Ivanov Yu. G., 2015, Kak pravil'no proiznosit': Katyn' ili Katyn'? [How to Pronounce It Correctly: Katyn or Katyn?]. – Ivanov Yu. G. *Gorod-geroj Smolensk. 500 voprosov i otvetov o lyubimom gorode*. Smolensk. Rusich, 2015. 384 s. (In Russ.)
4. *Katyn'. Mart 1940 g. – sentyabr' 2000 g. Rasstrel. Sud'by zhivyyh. Ekho Katyni. Dokumenty*[Katyn. March 1940 - September 2000 Shooting. The Fate of the Living. Echo of Katyn. The documents]. M.: Ves' Mir, 2001. 688 s.
5. *Katyn'. Plenniki neob'yavlennoj vojny. Dokumenty i materialy* [Katyn. Prisoners of an Undeclared War. Documents and Materials] / pod red. R.G. Pihoi, A. Hejshtora; sost.: N.S. Lebedeva, N.A. Petrosova, B. Voshchinskij, V. Materskij. M.: Mezhdunarodnyj fond «Demokratiya», 1999. 608 s. (In Russ.)
6. *Katynskie dokazatel'stva. prof. Frantisek Gaek. 9 iyulya 1945 g.* [Katyn Evidence. prof. František Hájek. July 9, 1945] / Nemcy v Katyni. M.: ITRK. S. 132–165. (In Russ.)
7. Kiknadze V. G., 2021, «Katyn» v propagande, pravovyh ocenkah i sudebnyh resheniyah, nauchnom, politicheskom i obshchestvennom diskurse [“Katyn” in Propaganda, Legal Assessments and Court Decisions,

УДК: 94(430)/321 «1914/1918»

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-24-24

Поступила в редакцию: 04.07.2021 г.

Submitted: July 4, 2021

Опубликована: 07.09.2021 г.

Published online: September 7, 2021

Для цитирования: Макарычев А. С. Социал-демократия Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 24-24.

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-24-24>.

For citation: Makarychev A. S. Social Democracy of Königsberg and East Prussia during the World War I. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):24-24. (In Russ.).

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-24-24>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Оригинальная статья

Социал-демократия Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны

Александр Сергеевич Макарычев ¹ ✉

¹ Калининградский областной историко-художественный музей,
г. Калининград, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3996-0001>, e-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

Аннотация:

Анализируются основные программные установки трёх течений социал-демократии Кёнигсберга и Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны в контексте внутривластного положения провинции. Особое внимание уделяется радикализации общественно-политической жизни восточной провинции Германии в годы Первой мировой войны, законодательным инициативам социал-демократической фракции Кёнигсбергского городского собрания, а также расколу СДПГ как важному фактору углубления революционного кризиса накануне Ноябрьской революции 1918 года в Германии. Обозначены факторы, способствовавшие подъёму националистических настроений и правых сил в провинции, которые явились серьёзными сдерживающими причинами дальнейшего углубления революционного процесса в Восточной Пруссии. Сделан вывод о

расслоении электоральной базы социал-демократических партий Восточной Пруссии по административно-территориальному признаку. Краткий обзор отзывов лидеров социал-демократии Восточной Пруссии о Февральской и Октябрьской революциях в России позволяет сделать вывод об их неоднозначном отношении к этим знаковым событиям, опыт которых активно использовался ими во внутрипартийной борьбе. Отмеченная слабость леворадикальных сил провинции, прежде всего группы «Спартак», требует дополнительного исследования на предмет выявления её связей с оппозицией в «свободных» профсоюзах, рабочими крупных предприятий, фронтовыми частями и крестьянством.

Ключевые слова:

Кёнигсберг, Восточная Пруссия, СДПГ, Трудовое содружество, НСДПГ,
Кёнигсбергер Фольксцайтунг, группа «Спартак»

ВВЕДЕНИЕ

Выступая 3 августа 1914 года на внеочередном заседании городского совета в Юнкерхофе, созданного в связи с предстоявшей мобилизацией, обербургомистр Кёнигсберга Зигфрид Кёрте, перефразируя известные слова кайзера Вильгельма II, обращённые к германской нации, сказал: «Отныне в Кёнигсберге больше не существует гражданских партий, а есть лишь одна партия – партия кёнигсбержцев, готовых вступить за своё отечество» [12, S. 5]. Ни для кого не являлось секретом, что эти обращения адресовались прежде всего крупнейшей оппозиционной партии, – социал-демократической партии Германии (СДПГ) и её отделениям на местах.

На это имелись весомые основания. К 1914 году социал-демократическая партия Германии представляла в количественном отношении огромную силу. В её рядах было 1 млн. 83 тыс. членов, социал-демократическая фракция рейхстага состояла из 110 депутатов; «свободные» профсоюзы насчитывали свыше 2,5 млн. членов; партия имела 91 газету с 1,5 млн. подписчиков. В различных ландтагах Германии социал-демократические фракции насчитывали 231 депутата; в общинных и коммунальных управлениях социал-демократия имела 8928 представителей; в городских управлениях – 2758 [3, с. 47].

Однако не менее важным было внутреннее, качественное перерождение германской социал-демократии. Сохраняя в публичном дискурсе приверженность принципам пролетарского интернационализма, пацифизма и революционного преобразования общества, её руководство и партийный аппарат постепенно «взрастили» в государственно-бюрократические структуры Второй империи и надеялись на мирный переход к социализму через буржуазно-парламентскую демократию. О степени «революционности» её лидеров на местах можно судить хотя бы по тому факту, что годовой доход социал-демократического депутата органов местного самоуправления накануне войны составлял 9 тыс. марок, что в семь раз превышало заработную плату квалифицированного рабочего [3, с. 97].

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ПРОВИНЦИИ В 1914-1915 гг.

В мемуарной, исторической и публицистической литературе история СДПГ периода Первой мировой войны обычно рассматривается через призму политики «4 августа (утверждение рейхстагом военных кредитов. – А. М.)» и «гражданского мира (отказ социал-демократической партии и профсоюзов от стачек и забастовок в военное время. – А. М.)», раскола партии и предыстории Ноябрьской революции 1918 года в Германии [10; 11; 13; 16; 17]. Однако если отсутствие единства и противоречия внутри немецкой элиты способствовали созданию революционной ситуации в стране [10], то кризис германской социал-демократии и её раскол, отражая радикализацию и «полевание» общественно-политической жизни Германии, явились серьёзными сдерживающими факторами дальнейшего углубления революции и одной из причин её свёртывания.

В Кёнигсберге и Восточной Пруссии социал-демократия (прежде всего функционеры партии на местах) и связанное с ней рабочее движение следовали общей тенденции, которая складывалась в германском рейхе в первых числах августа 1914 года, и которая характеризовалась двумя разнополярными моментами – взрывом патриотизма, национализма и милитаризма [14, S. 3], с одной стороны, и потоком манифестаций, митингов и собраний, на которых звучали заверения о приверженности делу мира и предыдущим решениям конгрессов II Интернационала и съездов СДПГ, осуждавших войну.

В провинции в рабочей и социал-демократической среде пользовались популярностью идеи Юлиана Борхардта и Эрнста Майера, однако определяющее влияние на неё имел Гуго Гаазе, адвокат из Кёнигсберга, ставший в 1911 году одним из председателей СДПГ, а в 1914 году возглавивший социал-демократическую фракцию в рейхстаге. Его яркий ораторский дар, который он использовал для защиты идей международной солидарности и мира между народами, был хорошо знаком жителям Восточной Пруссии с середины 1890-х гг., которые сочувствовали левым идеям [8, с. 402-403].

Однако в августе 1914 г. призрак войны, от которого социал-демократы отмахивались в течение нескольких десятилетий как от кошмарного сна, стал реальностью, что повлекло за собой изменение их риторики и определённую ревизию их концептуальных установок. 4 августа 1914 г. Гаазе произнёс в рейхстаге от имени социал-демократии ставшие историческими слова: «В час опасности мы не оставим своё отечество в беде. Мы чувствуем своё единство с Интернационалом, который признаёт право каждого народа на национальную независимость и самооборону, как и осуждаем вместе с ним любую захватническую войну. *Мы требуем, чтобы войне, как только будет достигнута цель безопасности и враги будут принуждены к миру, был положен конец* (курсив мой. – А. М.), который сделает возможной дружбу с соседними народами» [12, S. 20].

Это декларативное заявление Гаазе положило начало пресловутой «политике четвёртого августа». Проголосовав за военные кредиты, социал-демократическая партия одновременно призывала рабочих воздержаться на время войны от всех экономических и политических выступлений, провозгласив политику так называемого гражданского мира (Burg-frieden). Тезис об «оборонительной» войне Германии против «реакционного» царизма, который был весьма популярен в социал-демократической и рабочей среде, представлял собой спасительную лазейку, которая позволила СДПГ объяснить свой отход от прежних пацифистских позиций и на какое-то время дезориентировать широкие массы общества. Немногие наблюдатели обратили внимание тогда на эти определённые нотки диссонанса в заявлении Гаазе, все верили, что победоносная германская армия вернётся домой до «осеннего листопада».

В первый год войны социал-демократическая фракция Кёнигсбергского городского собрания депутатов и местные отделения СДПГ в провинции действовали в духе общей коммунальной политики на местах, занимаясь законодательным обеспечением решения насущных вопросов, вызванных войной: регулирование ценовой политики на важнейшие продукты питания и борьба со спекуляцией, обеспечение бесплатного питания детей в школах, погашение задолженности по арендной плате за муниципальное жильё, социальная поддержка воинов-инвалидов и военных вдов.

Следует отметить, что одна из инициатив социал-демократической фракции Кёнигсбергского городского собрания получила освещение в столичном рупоре СДПГ, берлинской газете «Форвертс». Магистрату Кёнигсберга для содействия обеспечению народного питания планировалось предложить как можно быстрее передать городские полевые угодья (Ackerland) по приемлемой цене малоимущим для выращивания овощей и картофеля. В принципе, такая практика получила довольно широкое распространение в крупных городах Германии во время войны, однако кёнигсбергские социал-демократы пошли дальше, предложив оказывать помощь таким арендаторам в приобретении удобрений и семенного материала. Городское собрание отклонило эту инициативу под тем предлогом, что магистрат планировал передать эту землю под застройку, вызвав сожаление «Форвертс», что был упущен хороший момент для успеха на ниве обеспечения народа продовольствием [12, S. 11-12].

С 1915 г. резко ухудшилось снабжение мясом, поскольку снижение мясных норм произошло в связи с тем, что по специальному решению правительства был произведён массовый убой свиней, для которых недоставало кормов. Особенно тяжела была для рабочих Германии «брюквенная зима» 1916–1917 гг., когда население и прежде всего рабочие питались главным образом корнеплодами, брюквой. Норма рабочего составляла два фунта брюквы в день. Всё это привело к тому, что калорийность карточного продовольственного пайка рабочей семьи составила зимой 1916–1917 гг. 1/3 довоенной нормы [7, с. 233].

Особое внимание местных руководителей СДПГ к вопросам обеспечения населения провинции продовольствием объясняется также тем, что Восточная Пруссия была единственной территорией рейха, на которой шли боевые действия в 1914–1915 гг. Восстановительные работы стали не только важной частью

хозяйственной деятельности регионального руководства, но и пропагандистским ресурсом по сплочению немецкого населения Восточной Пруссии на националистической и патриотической основе [2, с. 139].

Предвестником грядущего раскола СДПГ послужила статья «Заповедь часа» («Das Gebot der Stunde») трёх её центристских лидеров – Каутского, Гаазе и Бернштейна, которая была опубликована в виде воззвания и широко распространялась среди рабочих. Осудив аннексионистские планы представителей правящих кругов, озвученные в рейхстаге 29 мая 1915 года, авторы статьи полагали, что война потеряла свой оборонительный характер и выступили за «общий мир между народами». Политическая элита Германии посчитала «Заповедь часа» нарушением «гражданского мира», а большинство правления СДПГ обвинило Гаазе – председателя партии и социал-демократической фракции рейхстага – в подготовке «мятежа» против партии и фракции. 21 декабря 1915 г. эти разногласия привели к образованию так называемой декабрьской оппозиции в социал-демократической фракции рейхстага, когда её 20 депутатов голосовали против военных кредитов.

До Восточной Пруссии эти партийно-политические баталии докатились только весной 1916 года. Согласие в основных вопросах коммунальной политики позволяло некоторое время обходить стороной острые политические разногласия, тем более что социал-демократическое движение в провинции подверглось достаточно суровым репрессиям властей: в Доме профсоюзов с началом войны был размещён лазарет, ряды профсоюзов значительно поредели ввиду призыва их наиболее активных членов в действующую армию, а выход «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» был даже временно запрещён с 24 января по 2 февраля 1915 г. в связи с публикациями, которые, по мнению властей, подрывали единство немецкого народа и сеяли дух раздора в германской армии [12, S. 18].

РАСКОЛ СДПГ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ПАРТИЙНАЯ ПОЛИТИКА В 1916–1917 гг.

24 марта 1916 г. после очередного голосования против военных кредитов произошёл давно назревавший раскол социал-демократической фракции рейхстага. Отколовшееся меньшинство фракции в составе 18 депутатов образовало группу «Трудовое содружество» («Sozialdemo-kratische Arbeitsgemeinschaft») и избрало в свой президиум Гуго Гаазе, Георга Ледебурга и Вильгельма Дитмана.

На состоявшихся в апреле-мае 1916 г. социал-демократических собраниях в Кёнигсберге и провинции происходили острые споры и дискуссии, однако тенденция расслоения была однозначной: группа Гаазе получила поддержку социал-демократического ферейна Кёнигсберга и относящихся к нему сельских районов, а правые социал-демократы сохранили за собой большинство в провинциальных отделениях СДПГ и в «свободных» профсоюзах [12, S. 3]. В этой связи требует определённой корректировки утверждение Вальтера Клавса о наличии в Кёнигсберге и других городах Восточной Пруссии сильной оппозиции против «политики 4 августа» (I, л. 45).

Однако в медийном поле провинции ситуация складывалась далеко не в пользу сторонников «Трудового содружества». Масс-медиа консерваторов и национал-либералов обвиняли их в подрыве «гражданского мира» и обороноспособности рейха, а рупор восточно-пруссских социал-демократов – «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» – в подрыве единства партии. Пожалуй, наиболее ёмко отношение к ним выразил бывший депутат городского собрания Кёнигсберга от СДПГ Франц Крюгер: «Образ действий Либкнехта и Гаазе подрывает фундамент германской социал-демократии. Самая суровая борьба против них является отныне священнейшим долгом каждого честного члена партии! Теперь сам Гаазе является одним из отколовшихся» [12, S. 22-23].

Следует отметить, что лишь в 1919 году провинциальной организации Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) удалось учредить свой официальный печатный орган для городского и сельского населения Восточной Пруссии – газету «Freiheit». До этого времени её сторонники распространяли листовки и брошюры, а попытки создания собственных газет на местах – «Volksstimme» в Кёнигсберге или «Das freie Wort» в Данциге быстро пресекались военной цензурой [15, S. 70].

Непосредственным импульсом к размежеванию де-юре внутри восточно-прусской социал-демократии послужила созванная в январе 1917 г. «Трудовым содружеством» и «Спартакком» объединённая конференция. Правление СДПГ посчитало это посягательством на единство партии и приступило к последовательному исключению из неё оппозиционных организаций. Оппозиционные элементы создавали на местах новые партийные организации.

Отправной точкой такого организационного размежевания в Восточной Пруссии стало чрезвычайное общее собрание социал-демократического ферейна провинции, состоявшееся 18 февраля 1917 года в Кёнигсберге в Артусхофе, на котором с докладами выступили представители старой и новой партийной линии – Отто Браун и Гуго Гаазе [12, S. 25-26]. Явный успех сторонников линии Гаазе (за него было подано 337 голосов из 453) заставил прежнее партийное руководство решать два насущных вопроса, не терпящих отлагательства, а именно вопросы правообладания газетой «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» и уплаты членских взносов. Курьёзность ситуации заключалась в том, что здесь прежнему партийному руководству, в отличие от других городов и земель рейха, приходилось действовать, находясь в явном меньшинстве.

Однако прежде всего необходимо было закрепить избрание новых людей в органы управления партией, которые были представлены следующими функционерами: Правление – Йозеф Любринг (председатель), Эрнст Вильнер (казначей) и Вильгельм Шмидт (секретарь); комитет ферейна – Фриц Зеeman, Карл Марцинчик и А. Дишерайт; редакционная комиссия – Евгений Вернер, Отто Коль, Фриц Кризе и Пауль Кёмлинг. Характерно, что эти кадровые перестановки «Кёнигсбергер Фольксцайтунг» объявила первым шагом к оздоровлению партийного движения на месте [12, S. 27].

Возникшая поначалу путаница с уплатой членских взносов была устранена введением специальной зелёной карты, на которой помимо официальной печати СДПГ должны были стоять подписи трёх членов правления партии: Любринга, Шмидта и Вильнера. Взносы имели право взимать только те члены партии, которые могли подтвердить свои полномочия вышеупомянутой зелёной картой. Одновременно на собраниях и в прессе делались объявления о необходимости безотлагательной сдачи партбилетов в Дом профсоюзов на Фордерросгартен 61/62 для их надлежащего переоформления [12, S. 29].

В начале марта 1917 г. во всех избирательных округах провинции прошли собрания социал-демократов, которые были посвящены определению текущих задач партии, выяснению отношений с отколовшимся «Трудовым содружеством» и выбору окружных функционеров. На них были официально исключены из партии все оппозиционные элементы, а районные социал-демократические организации Мемеля, Тильзита, Гумбиннена, Инстербурга, Растенбурга, Лика, Гольдапа, Шталлупёнена, Остероде и Найденбурга, как с удовлетворением отметила «Кёнигсбергер Фольксцайтунг», выразили согласие с официальной линией СДПГ [12, S. 32-34].

Конечно, некоторые ораторы на таких собраниях признавали наличие справедливого недовольства среди рабочего класса сложившимся в стране политическим и экономическим положением, однако подчёркивали необходимость единства рабочих и партийных рядов: «Социал-демократическая партия Германии стремится к сплочённости рабочего класса, а представители нашей партии и профсоюзов прилагают все свои усилия в парламенте для того, чтобы добиться улучшения его положения, *насколько это возможно во время войны* (курсив мой. – А. М.)» [12, S. 35]. На практике это означало выражение дальнейшей поддержки «политики 4 августа и гражданского мира», а также пресловутого закона о «вспомогательной службе отечеству», «который оформил милитаризацию труда, вводил принудительную трудовую повинность для мужчин от 17 до 60 лет, отменял все ограничения капиталистической эксплуатации, разрешал принудительное перемещение рабочих, запрещал стачки и т. п.» [4, с. 32].

В этом же духе высказывались руководители влиятельного в Восточной Пруссии местного отделения Немецкого союза рабочих-металлистов на созванном 20 мая 1917 г. внеочередном общем собрании в Юбилейном зале Кёнигсберга. Формальным предлогом к нему явилась необходимость консолидации в связи с расколом СДПГ, однако решения собрания касались практически всей политико-экономической повестки дня. Главный оратор Ф. Зеeman ещё раз констатировал приверженность профсоюзного руководства принципу нейтралитета и баланса интересов предпринимателей и рабочих, подчеркнув исключительность экономических целей, направленных на постепенное улучшение социального положения рабочих, и обрушился с критикой на сторонников организации стачки рабочих военных заводов, которая рассматривалась левыми радикалами в качестве быстрого средства закончить войну, а правящими кругами как государственная измена. Оправдывая необходимость временного ограничения демократических прав и свобод, Зеeman заявил, что «Каждый немецкий рабочий понимает, что во время урагана капитан должен по-другому вести корабль, чем при солнечном затишье. Различие между мировой войной и миром слишком велико, чтобы рабочие Восточной Пруссии, которые видели

врага у своего порога и множество его жертв, всерьёз считали бы необходимую защиту своего Отечества изменой священным для них принципам» [12, S. 45].

Развивая известную мысль, что единство немецкого народа помогло сдержать русский «паровой коток» в Восточной Пруссии в августе-сентябре 1914 г., социал-демократы Восточной Пруссии придавали ей новое звучание в изменившейся международной обстановке. В конце февраля 1917 г. в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая не только заставила германскую социал-демократию существенно скорректировать свою внутреннюю и внешнеполитическую программу, но и объявить её (революцию. – А. М.) результатом военных усилий Германии! «Это бедствие (вторжение русских армий в Восточную Пруссию. – А. М.) было бы в тысячу раз хуже, если бы весь немецкий народ с самого начала войны в едином порыве не оказал вооружённое сопротивление! Тогда русская реакция не была бы сегодня повержена, а торжествовала бы с англо-французско-итальянским капитализмом, желающим подчинить себе весь мир, над немецким трудом, который был бы растоптан на столетия вперёд» [12, S. 35].

На словах приветствуя Февральскую революцию в России, один из лидеров социал-демократической фракции прусского ландтага Отто Браун считал неприменимым её опыт в Германии. «Положение дел в Германии иное, нежели в России. Здесь с революционными предложениями могут выступать только взбалмошные головы, которые желают следовать исключительно своим узкопартийным интересам (die ihr Parteisüppchen kochen wollen). Германская революция приведёт сейчас не к победе социализма, а к торжеству англо-французского империализма и подавлению германской социал-демократии!» [12, S. 42].

Предпоследний, 1917, год войны правая и независимая социал-демократия Восточной Пруссии провожала в весьма непростой внутренней и международной обстановке. Ей приходилось маневрировать в условиях нарастания антивоенного и массового движения в стране, партийного и фракционного раскола, радикализации её собственных рядов, а также роста влияния на внутреннюю и внешнюю политику Германии крайне правой Немецкой отечественной партии, которая была основана в Восточной Пруссии в день годовщины Седана – 2 сентября 1917 года. Один из её руководителей, крупный прусский помещик и монархист Вольфганг Капп заявлял о необходимости для Германии добиваться немецкого победного мира.

Довольно затяжной оказалась партийная распря в Кёнигсберге относительно принадлежности редакции газеты «Кёнигсбергер Фольксцайтунг». Несмотря на то, что сторонники оппозиции имели явное большинство в городской партийной организации, руководство СДПГ выражало твёрдую решимость сохранить за собой этот важный печатный орган партии и отстаивать свою позицию в судебно-административных учреждениях провинции, ссылаясь на то, что газета финансировалась из средств центрального Правления партии и на некоторые формальные нарушения ряда пунктов устава партии сторонниками группы Гаазе. И хотя до судебных тяжб дело не дошло, прежняя редакция газеты в лице Карла Марчиони, Ганса Марквальда и Ганса Митвоха, выражая солидарность с новой оппозиционной линией, в полном составе подала в отставку. Главным редактором газеты стал выходец из Данцига Адольф Бартель. Характерно, что подобные события происходили в Берлине, Лейпциге и Штутгарте, где сторонники «Трудового содружества» имели сильные позиции [15, S. 70].

Как было отмечено выше, большая часть членов Старой социал-демократической партии в Кёнигсберге вошла в состав местного отделения «Трудового содружества», наиболее видными деятелями которого стали Альфред Готшалк, Фердинанд Мертинс, Фриц Поленц, Франц Доналис, Шарлотта Мельцер, Адольф Гофер и Герман Линде. Созванная в апреле 1917 г. в Готе конференция оппозиционных организаций стала де-факто учредительным съездом «Независимой социал-демократической партии Германии». Готский партийный съезд завершился принятием манифеста, в котором главная задача партии определялась как борьба за восстановление демократических свобод и амнистию политическим заключённым, а главным средством достижения этой цели считалась не массовая борьба рабочих, а использование парламентской трибуны. Образование НСДПГ означало не только раскол социал-демократического движения Германии, но и появление легальной оппозиционной партии в рейхстаге.

В начале апреля 1918 года общее число членов социал-демократического фрейна НСДПГ в Кёнигсберге составляло 850 человек. Характерно, что женщины составляли большую часть оного (437). На одном из партийных собраний отмечалось, что главная причина этого заключалась в отправке на фронт наиболее

активных членов НСДПГ – молодых рабочих – в качестве наказания за антивоенную и революционную деятельность органами судебно-административной юстиции. Любопытно отметить, что руководители провинциального отделения НСДПГ накануне революции отождествляли репрессии властей против своей партии с развязанной против неё кампанией правительственных социалистов в прессе (II, VI. 185).

С апрельской забастовки 1917 года в Восточной Пруссии активизировалась деятельность леворадикальных элементов германской социал-демократии, представленных прежде всего группой «Спартак». Её сторонники не только выражали недовольство «пасхальным манифестом» кайзера Вильгельма II, обещавшим демократизацию избирательной системы в рейхе и наделение парламента дополнительными полномочиями, но и распространяли листовки с антивоенными и революционными призывами. Однако поскольку группа «Спартак» не имела единой партийно-организационной структуры и не была представлена в прусском ландтаге, её деятельность сводилась главным образом к распространению так называемых политических писем («Spartakusbriefe»), листовок и других агитационных материалов на предприятиях, в казармах и фронтовых частях доверенными лицами и связными. Наиболее видными среди них были Евгений Шейер, Мартин Гофман, Эрн Штельцер и Карл Поленц [5, с. 204]. Точных данных о количественном составе активного ядра группы «Спартак» в Кёнигсберге и провинции не сохранилось, однако можно предположить, что их «летучие отряды» насчитывали каждый несколько десятков человек. В конце декабря 1918 г. местная группа Союза «Спартак» насчитывала не более 200 членов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Самое крупное выступление трудящихся Кёнигсберга произошло в январе 1918 г., когда состоялась всеобщая политическая забастовка. Имперское правительство ввело в город войска, блокировавшие крупные промышленные предприятия. Обострилась ситуация на селе. Юнкерство страшили растущая озлобленность крестьян и их радикализм» [1, с. 387].

В июле-августе 1918 г. в Кёнигсберге распространялась спартаковская листовка «Товарищи!», подписанная «Комитет революционных солдат». «Спартаковцы разъясняли, что любая революция принесёт меньше жертв, чем последний месяц на фронте. Они были уверены, что революция в Германии повлечёт за собой революции в Англии, Франции и Италии. Среди рабочих спартаковцы пропагандировали программу, выдвинутую в марте 1918 г.» [6, с. 105]. Важно отметить, что эта программа предусматривала не только обеспечение части рабочих оружием и боеприпасами, но и создание Совета рабочих и солдатских депутатов с последующим созывом Учредительного собрания, избираемого на основе свободного избирательного права.

К осени 1918 г. социал-демократия Германии и Восточной Пруссии подошла в состоянии раскола и глубокого кризиса. Практически все значимые события последнего года Первой мировой войны, – январская стачка, Брестский мир с Советской Россией, оккупация немецкой армией Финляндии, Прибалтики, Польши, Украины и Закавказья, обсуждение «Четырнадцати пунктов» президента США В. Вильсона как основы мирного урегулирования и, наконец, вхождение правых социалистов в коалиционное правительство Макса Баденского – вызывали ожесточённые споры и диаметрально противоположные оценки в её рядах. Это обстоятельство являлось важным фактором углубления революционного кризиса, переросшего в начале ноября 1918 года в революцию.

Примечания

- I. Государственный архив Калининградской области. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 282.
- II. GStA PK. I. NA. Rep. 77 Innenministerium, CBS Nr. 719.

Список литературы

1. Восточная Пруссия с древнейших времён до конца Второй мировой войны. Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996.
2. Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917-1918 гг. – Труды кафедры истории нового и новейшего времени СПГУ, 2018. № 18-1. С. 135-147.

3. Головачев Ф. Ф. Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы Первой мировой войны. М., 1960.
4. Драбкин Я. С. Революция 1918-1919 гг. в Германии. М., 1958.
5. Кретьинин Г. В., Макарычев А. С. Германская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: свидетельство очевидца. – Вопросы истории. 2020. № 9. С. 199-209.
6. Кривогуз И. М. «Спартак» и образование Коммунистической партии Германии. М., 1962.
7. Кучинский Ю. История условий труда в Германии. М., 1949.
8. Макарычев А. С. Первомай в Кёнигсберге и Восточной Пруссии. – Время Музея: сборник статей. Вып. 3. Калининград, 2020. С. 397-410.
9. Максимов И. П. Элитистские причины ноябрьской революции 1918 г. в Германии. – Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 2. С. 58-66.
10. Шейдеман Ф. Крушение германской империи. М. – П., 1923.
11. Эггерт З. К. Борьба классов и партий в Германии в годы Первой мировой войны. М., 1957.
12. Auf Spurensuche zur Geschichte der Sozialdemokratie Ost-preußen. Zusammenge stellt von W. Reske. Dresden, 2015. Teil 8.
13. Bartel W. Die Linken in der Deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg. Berlin, 1958.
14. Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen. Bd. III. Köln, 1996.
15. Matull W. Ostpreussens Arbeiterbewegung. Würzburg, 1970.
16. Müller R. vom Kaiserreich zur Republik. Wien, 1924.
17. Norden A. Zwischen Berlin und Moskau. Berlin, 1954.

Информация об авторе

Макарычев Александр Сергеевич, старший научный сотрудник сектора истории Калининградского областного историко-художественного музея, г. Калининград, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Макарычев Александр Сергеевич, e-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

---

WORLD POLITICS: HISTORY, THEORY AND PRACTICE

Original Paper

Social Democracy of Königsberg and East Prussia during the World War I

Aleksandr S. Makarychev ¹ ✉

¹ *Kaliningrad Regional Museum of History and Art,
Kaliningrad, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3996-0001>, e-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

Abstract:

The main program aims of the three streams of social democracy in Königsberg and East Prussia during the First World War are analyzed in the con-text of the internal political situation of the province. Particular attention is paid to the radicalization of the social and political life of the eastern province of Germany during the First World War, legislative initiatives of the Social Democratic group of the Königsberg City Assembly, as well as the split of the SPD as an important factor in the deepening of the revolutionary crisis on the eve of the November Revolution of 1918 in Germany. The factors that contributed to the rise of nationalist sentiments and rightwing forces in the province, which were serious restraining reasons for the further deepening of the revolutionary process in East Prussia, are outlined. The conclusion is made about the stratification of the electoral base of the Social Democratic parties of East Prussia on the basis of the administrative-territorial principle. A brief overview of the responses of the leaders of social democracy in East Prussia on the February and October revolutions in Russia allows us to conclude that they have an ambiguous attitude to these significant events, the experience of which they actively used in the internal party struggle. The noted weakness of the leftwing radical forces in the province, primarily the Spartak group, requires additional research to identify its

connections with the opposition in the «free» trade unions, workers of large enterprises, frontline units and the peasantry.

Keywords:

Königsberg, East Prussia, SPD, Labor Commonwealth, USPD,
Königsberger Volkszeitung, Spartacus League

References

1. *Vostochnaya Prussiya s drevneyshikh vremen do kontsa Vtoroy mirovoy voyny. Istoricheskiye ocherki, dokumenty, materialy* [East Prussia from ancient times to the end of World War II. Historical sketches, documents, materials]. Kaliningrad, 1996. (In Russ.)
2. Gal'tsov V. I., Sergeev V. V., 2018, Ot voyny k revolyutsii: Vostochnaya Prussiya v 1917-1918 gg. [From war to revolution: East Prussia in 1917-1918]. – *Trudy kafedry istorii novogo i no-veyshego vremeni SPGU*, 2018. № 18-1. S. 135-147. (In Russ.)
3. Golovachev F. F., 1960, *Rabocheye dvizheniye i sotsial-demokratiya Germanii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Labor movement and social democracy in Germany during the World War I]. Moscow, 1960. (In Russ.)
4. Drabkin Ya. S., 1958, *Revolyutsiya 1918-1919 gg. v Germanii* [Revolution of 1918-1919 in Germany]. Moscow, 1958. (In Russ.)
5. Kretinin G. V., Makarychev A. S., 2020, Germanskaya revolyuciya 1918 g. v Vostochnoj Prussii: svidetel'stvo ochevidca [The German Revolution of 1918 in East Prussia: an eyewitness account]. – *Voprosy istorii*. 2020. № 9. S. 199-209. (In Russ.)
6. Krivoguz I. M., 1962, «Spartak» i obrazovanie Kommunisticheskoy partii Germanii [“Spartacus” and the formation of the Communist Party of Germany]. Moscow, 1962. (In Russ.)
7. Kuchinskij Yu., 1949, *Istoriya uslovij truda v Germanii* [History of working conditions in Germany]. Moscow, 1949. (In Russ.)
8. Makarychev A. S., 2020, Pervomaj v Kyonigsberge i Vostochnoj Prussii [May Day in Königsberg and East Prussia]. – *Vremya Muzeya: sbornik statej*. Vyp. 3. Kaliningrad, 2020. S. 397-410. (In Russ.)
9. Maksimov I. P., 2019, Elitistskie prichiny Noyabr'skoj revolyucii 1918 g. v Germanii [Elitist reasons for the November Revolution of 1918 in Germany]. – *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. 2019. S. 58-66. (In Russ.)
10. Shejdeman F., 1923, *Krushenie germanskoj imperii* [Collapse of the German Empire]. Moscow – Petrograd, 1923. (In Russ.)
11. Eggert Z. K., 1957, *Bor'ba klassov i partij v Germanii v gody Pervoy mirovoj vojny* [Struggle of classes and parties in Germany during the First World War]. Moscow, 1957. (In Russ.)
12. *Auf Spurensuche zur Geschichte der Sozialdemokratie Ostpreußen* [In search of traces of the history of social democracy in East Prussia]. Zusammengestellt von W. Reske. Dresden, 2015. Teil 8. (In German).
13. Bartel W., 1958, *Die Linken in der Deutschen Sozialdemokratie im Kampf gegen Militarismus und Krieg* [Die Linken in the German Social Democracy in the fight against militarism and war]. Berlin, 1958. (In German).
14. Gause F., 1996, *Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen* [The history of the city of Königsberg in Prussia]. Bd. III. Köln, 1996. (In German).
15. Matull W., 1970, *Ostpreussens Arbeiterbewegung* [East Prussia's labor movement]. Würzburg, 1970. (In German).
16. Müller R., 1924, *vom Kaiserreich zur Republik* [From the Empire to the Republic]. Wien, 1924. (In German).
17. Norden A., 1954, *Zwischen Berlin und Moskau* [Between Berlin and Moscow]. Berlin, 1954. (In German).

Information about the author

Aleksandr S. Makarychev, Senior Research Officer of the History Sector, Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Kaliningrad, Russian Federation.

Corresponding author

Aleksandr S. Makarychev, e-mail: aleks.serg.makarychev@gmail.com

УДК: 94(100)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-25-25

Поступила в редакцию: 24.06.2021 г.

Submitted: June 24, 2021

Опубликована: 05.08.2021 г.

Published online: August 5, 2021

Для цитирования: Гришин Я. Я., Галиуллин М. З., Кадыров Р. Р. Прометеизм накануне Второй мировой войны: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 25-25. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-25-25>.

For citation: Grishin Y. Y., Galiullin M. Z., Kadyrov R. R. Prometheism on the eve of the World War II: history and modernity. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):25-25. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-25-25>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Оригинальная статья

Прометеизм накануне Второй мировой войны: история и современность

Яков Яковлевич Гришин¹, Марат Зуфарович Галиуллин², Рамиль Рашитович Кадыров³ ✉

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9453-6070>, e-mail: grishin.42@mail.ru

² Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3798-4328>, e-mail: maratscorpion@yandex.com

³ Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2996-8288>, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

Аннотация:

Прометейское движение, возникшее в 20-е годы XX столетия под патронажем Ю. Пилсудского, прошло определенный путь, на котором решались поставленные цели и задачи. Об этом речь шла в первой и второй

частях статьи, в предыдущих номерах данного журнала «Наука. Общество. Оборона» (2021. № 1 и № 2). В данном случае нас интересует его дальнейшая судьба, особенно в годы приближения Второй мировой войны, ставших для прометеизма не лучшими временами. Именно тогда внутри прометейского движения возникают определенные противоречия. Для разрешения проблемы прометейского движения предлагалось провести Всеобщий конгресс. Чтобы оно окончательно не потерпело неудачу В. Бончковский предложил заниматься издательско-пропагандистской деятельностью. В тоже время руководство прометейским движением сквозь пальцы смотрело на активизацию рейха на украинском направлении. На первом месте у них по-прежнему стоял антисоветизм. Прометеизм являлся составной частью внешней политики Польши, которая терпит крах 1 сентября 1939 года, а вместе с ней и прометеизм. Однако события в современной Восточной Европе свидетельствуют о реанимации прометейской идеи в виде проекта «Междуморья».

Ключевые слова:

Прометей, ОУН, Всхуд, Абвер, национализм, Польша, Украина, Германия, Россия, Е. Домбровский, Ш. Савада, В. Бончковский, Э. Харашкевич, А. Шульгин, М. Домашевич

ВВЕДЕНИЕ

В конце 1937 года происходят организационные преобразования в польском Генштабе. Экспозитура II вошла в состав отдела по подготовке мобилизации, разведки и диверсий, но ей по-прежнему руководил майор Э. Харашкевич [8, с. 31]. В вверенном ему ведомстве в 1938 году ведутся кадровые изменения. Так, заместителем становится майор Домбровский, который в течение 6-ти лет являлся шефом экспозитуры в Париже.

Критике подверглась и деятельность Комитета Дружбы, за применение принципа элитаризма (предоставление голоса только прометейским народам, имеющих государство). Отсюда трения Париж – Варшава, возникновение различного рода разногласий как политико-идеологического так и формального окраса. Краеугольным камнем стала позиция Комитета в вопросе поддержки турецких, поволжских и крымских татар, лидерами которых являлись видные деятели национального движения Г. Исхаки и Д. Сейдамет [1, с. 211].

В этой связи предлагалось созвать Всеобщий конгресс, который примет соответствующие решения по реорганизации всех существующих прометеевских центров. Срок его проведения – 1938 год. Согласно положению мемориала, лидерам национальных элит прометейской эмиграции следовало сформировать полномочные делегации, в состав которых должны были войти представители Кавказа, Туркестана, Украины (проф. Шульгин) и Армении.

Вопросы согласования делегатов и подготовки к проведению конгресса возлагались на подготовительную комиссию с представителями польских органов власти и активистами, а также лидерами движения «Прометей». Также данной комиссии поручалась выработка проектов уставных и программных документов для обсуждения и принятия в ходе заседания конгресса [1, с. 217].

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОМЕТЕЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Для усиления работы на местах, как отмечалось в спецсообщении в адрес VII отдела НКВД СССР от 24 января 1938 года, II отдел польского генштаба отправил в Константинополь еще одного офицера – капитана Залевского, специалиста по вопросам Кавказа. В этом же городе проживал еще один агент польского генштаба Шамиль, известный там, как вождь кавказских горцев-эмигрантов. В Кабул возвратился агент польского генштаба М. Домашевич, назначенный туда консулом. По советским агентурным данным он оттуда вел разведку на Туркестан совместно с англичанами, вербуя своих агентов из среды эмигрантов, поскольку владел местными языками. В Харбин в качестве польского консула был назначен ротмистр, бывший агент польского генштаба в Константинополе Литовский. [15, с. 590-592].

Прометейское движение вызывало интерес не только западных стран, но и востока. Например, генерал-майор Ш. Савада, который в 1935 г. будучи военным атташе Японии еще во время своей службы активно выступал за создание антисоветского блока с участием Польши, Германии и Японии, вернувшись в Японию в марте 1938 г., активно налаживал контакты с лидерами прометейского движения Польши, Украины, Германии,

Турции. Так, в Варшаве он поддерживает связь со Смаль-Стоцким, с генералом В. Сальским и грузинами – эмигрантами. При этом на расходы японский генерал не скупился [11, с. 17].

В 1938 г. на первом плане фигурирует прометеист В. Бончковский, которому поручили в Восточном институте всю политическую работу. Его активность в прометейском направлении проявляется за пределами основной работы. По поручению Э. Харашкевича он участвует в тайных миссиях в Берлине и Львове с целью поиска союзников для действий, направленных против угрозы, идущей с Востока [12].

Так, в Берлине В. Бончковский находился с 17 по 27 августа с намерением установления контактов с созданным в 1934 г. Антикоминтерном, острие которого было направлено против Коминтерна. Кроме того, он зондировал мнения о разделе территорий покоренного СССР [13, с. 226]. Как пишет П. Май, трудно сегодня утверждать, было ли в планах Антикоминтерна сотрудничество с Восточным институтом. Немцы в большей степени интересовались институтом научных исследований коммунизма в Варшаве. В конечном итоге координация деятельности прометеистов с антикоммунистами III рейха оказалась невозможной. При этом **В.Бончковского поразил тот факт, что в Антикоминтерне доминировали «деникинцы»** – российская эмиграция в польском облики [13, с. 228].

Во Львове В. Бончковский пребывал с 13 по 25 октября, где имел ряд встреч с украинскими деятелями, в том числе с теми, кто враждебно был настроен к Польше.

По итогам работы в Берлине и Львове Бончковский пишет Мемориал, который направляет в адрес Экспозитуры II. Основная мысль представленного документа – создание так называемого коллектива **«Всхуд»**, который **должен был объединить** в работе для государства младопрометеистов, **украинскую молодежь в Польше и за границей, нацрадикальные и националистические группировки в польском обществе**. Группе придавался широкий политический динамизм, определенный названиями «националистический, активный, империалистический», но связанный с идеей прометейского мировоззрения. Идеиные принципы программы новопрометейского коллектива должна была презентовать в своей публицистике общая редакция журналов «Польская мысль», «Проблемы Восточной Европы» и «Всхуд – Ориент». Основная задача организации – играть роль связного польских государственных кругов с элементами польской восточной политики, а также обозначение новых задач прометеизма, как главного инструмента внешней политики.

Мемориал В. Бончковского содержал также очередной аргумент, подтверждающий тезис о глубоком расколе в лоне прометейского движения в конце 30-х годов. Этому способствовала политика руководства III рейха, которое начало большое пропагандистское наступление в украинском вопросе. Формирование Берлином Организации украинских националистов (ОУН) вело к кризису в международном прометейском движении. Углублял его основательный разлад в Версальской системе, символом чего стала ремилитаризация Надрейнии. Это деструктивно влияло на прометейское движение во II Речи Посполитой [2, с. 43-59].

По мнению В. Бончковского, коллектив «Всхуд» должен был стать противовесом старым группировкам, духовно демобилизованным.

Понимание факта, что имеющиеся направления прометейской работы («правительство», клуб «Прометей», Институт Восточный, Виленский и т.д.) обречены на неудачу, также психологическое и физическое истощение деятелей эмиграции – пришло относительно поздно. В октябре 1938 г. II отдел решается перебросить часть сил и средств на так называемый Коллектив Восток, под которым понимается издательство «Всхуд», «Польско-украинский бюллетень», «Польская мысль», и придать этому коллективу ранг ведущей идейно-политической группы. Принимается решение передать Восточный институт группе, руководимой В. Бончковским. Одновременно решено приступать к современным формам ведения психологической войны, пытаясь создать «Центр изучения нерегулярной войны» с секциями: историческая, партизанская, пропагандистская и религиозная, которые должны были использовать современные методы влияния: радио, листовки, плакаты и т.д.

Впредь в Польше старательно сохраняли убеждение о важном достоинстве самостоятельного польского фактора между двумя мощными соседями. Но годы польско-немецкой «entere Kordiale» минули быстро. После

захвата Австрии уже все гитлеровские институты сошлись на необходимости поддержки ОУН. С 8 октября 1938 г. венское радио стало регулярно вести передачи на украинском языке, позднее также радио Граца и Липска. Германский посол в Варшаве Мольтке информировал Берлин 15 и 25 октября, что польская сторона зорко следит за венскими радиопрограммами [14, с. 125-128], что **настроения галицийских украинцев в Польше «сравнивают с настроениями судетских немцев после занятия Австрии»** [15].

15 октября Ян Шембек – первый заместитель Ю. Бека передал в руки Мольтке протест против пропагандистской акции на украинском направлении. Немцам еще были нужны нормальные отношения с Польшей. Поэтому 12 октября германский МИД обратился к министерству пропаганды, абверу, гестапо, Р. Гессу, А. Розенбергу и зарубежному отделу НСДПА **сделать все для ликвидации впечатления, что германские правящие круги сотрудничают с ОУН** [2, с. 4-12]. 22 октября МИД просил министерство пропаганды минимизировать антипольские аспекты из передач венского радио. В этот день Мольтке получил поручение проинформировать Шембека, что радиопередачи венского радио взяты под жесткий контроль.

Однако это был лишь камуфляж. Ибо в 1939 г. ОУН усиливает свою деятельность. Из ее рядов абвер формирует несколько диверсионных групп, соблазненных перспективой «независимой Украины». Они были предназначены для выполнения диверсионных задач в тылах польских подразделений. **Руководство абвера сравнивало отряды ОУН с хорватскими подразделениями усташей.**

В итоге имела место парадоксальная ситуация – **прометеизм** не желал принимать к сведению происходящие политические события. Он **был увлечен основной целью – «расколом СССР по национальному признаку»**. В апреле 1939 г. корреспонденция криптонимов II-й экспозитуры была полна сообщений резидентов обо всем, только не о нарастающей катастрофе [3, с. 289]

ЗАКАТ И ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ПРОМЕТЕЙСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В Польше А. Гитлер воспринимался как польский союзник, с которым можно было договориться о походе против Советского Союза, борьбе в целом с большевизмом. Имела место какая-то маниакальная вера, что фашисты без поляков с последним не справятся.

Все это свидетельствовало о политической слепоте наряду с антисоветской твердолобостью. Судорожно сохранялось антисоветское направление во внешней политике, генезис которого таился в архаической концепции Пилсудского о необходимости расчленения России, без учета ее политической системы.

Реализации данной концепции было посвящено много усилий, отбрасывающих даже псевдоромантическую идеологию, сохраняя диверсионное направление. Об этом, в частности, свидетельствует мемориал сенатора Седлецкого от 14 января 1939 г., в котором он пишет: «Прометейские народы после смерти маршала Пилсудского уже не имеют непосредственной связи с руководством политической иерархии. В настоящее время наивысшим официальным лицом, которое с ними стыкуется и разговаривает является шеф II отдела штаба и начальник Восточного отдела МИД. Для них является ясным, что в Польше наступила декаденция прометейского движения, становится ясным, что их начали трактовать не как представителей идейной ирренды своих стран, а как нормальный диверсионный материал, оплаченный наличными» [6, с. 230-232].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая рассмотрение проблемы отметим следующее:

1. В межвоенный период идеи прометеизма являлись в определенном смысле как бы продолжением ягеллонской идеи, что не может быть оправдано и понято. Ибо сама идея была абсурдной. На дворе шел XX век, конец второго десятилетия и начало третьего, и тем не менее Польша почему-то считала, что она должна стать наследницей ягеллонской Речи Посполитой. Как думали некоторые руководители и прежде всего Пилсудский, такой шанс имел место. Убежденные в этом они пытались его реализовать посредством расчленения Советского Союза по национальному критерию. С точки зрения С. Микулича, мифы, которые трактовались как реальность, лишали Польшу возможности установления реалистических экономических и нормально-политических отношений с восточным соседом. Прометеизм базировался на ложных расчетах, а, следовательно, на мифах, пусть и эффективных, напоминавших эпоху Ягеллонской Польши, объединенной с Украиной и Литвой [6, с. 287]. В

возрожденной в 1918 г. Польше были политики, мыслявшие политическими категориями 200-летней давности. Прометеизм был доводом миромании, которая противоречила реалиям. В соответствии с ней **II Речь Посполитая прилагала немало усилий, чтобы расчленить Советскую страну посредством поддержки и заигрывания с нацменьшинствами, населявших ее.** В то же время, как известно, на территории самой Польши проводилась пацификация украинской деревни, уничтожались украинские церкви. Да имелись различные поводы с помощью которых использовались террор в отношении украинского населения на собственной территории, но фактом является то, что **II Речь Посполитая** не могла стать центром политически эффективной для украинского, либо белорусского населения советской территории. И это была очередная слабость прометейской концепции в польском издании. **Прометеизм**, как мы уже видели, **в своей политике использовала также и Германия**, что должно было настораживать польское руководство. В ходе борьбы влияние на Украине, она **всегда опережала Варшаву**, усиливая территориальное влияние. По сути дела, германский прометеизм свидетельствовал, что берет Польшу «в два кольца», причем оба немецких. Для политиков важно уметь освободиться от эмоций. Пилсудский не имел такого умения. Продолжал жить прошлым, переносил антироссийский настрой в период борьбы с царизмом на советский период, когда при реальной оценке происходящего можно было выстроить иные отношения с восточным соседом, которые могли изменить ситуацию в Европе в позитивном плане. Преобладали субъективизм, схоластические концепции великодержавной Польши (одна из них разрушение СССР с помощью прометеизма) вместо противопоставления чего-либо германской опасности в опоре на улучшение отношений с Советским Союзом. А это могло очевидно произойти при условии ликвидации прометейской деятельности. «Она, – считает С.Микулич, – явилась бы в польско-советских отношениях новым важным и оптимистическим элементом во взаимном существовании» [6, s. 150-152].

2. Фразеология «Прометей», которая содержалась в появившихся уставных документах, как и в издаваемой периодике была однозначно антисоветской, ибо основной целью прометейского движения являлось расчленение Советского Союза. Еще «31 августа 1937 года польский Генштаб выпустил директиву № 2304/2/37, в которой записано, что **конечной целью польской политики является «уничтожение всякой России»**, а в качестве одного из действенных инструментов ее достижения названо разжигание сепаратизма на Кавказе, Украине и в Средней Азии с использованием, в частности, возможностей военной разведки. Казалось бы, в той угрожающей ситуации, в которую вползла Польша, приоритеты должны были бы быть иными. И вообще, какое отношение к безопасности страны имеет Кавказ? Тем не менее предусматривалось сосредоточить кадровые, оперативные и финансовые ресурсы для усиления работы с кавказской эмиграцией сепаратистского толка, имея в качестве сверхзадачи дестабилизацию всеми силами и средствами, в том числе и инструментами тайной войны, внутривосточной обстановки в этой части Советского Союза, которая во время войны становится глубоким тылом Красной Армии» [1, с. 8-9]. Прометеизм становится составной частью внешней политики Польской Республики, негативно влияя на течение всего межвоенного периода на польско-советские отношения. Причем, как видели, **главным инициатором концепции использования прометеизма против СССР являлся не кто иной, как сам Пилсудский.** В целом прометеизм сослужил плохую службу. Он, как пишет С. Микулич, «отодвинул Польшу от европейской политики, втягивая ее в дополнительные серьезные конфликты с восточным соседом, ведя к расточительству сил и средств. За его псевдоромантическим фасадом, скрывались сугубо классовые намерения, становясь дополнительной гирей у ноги в межвоенном развитии государства» [5, s. 110].
3. Все выстраиваемые бредовые концепции рухнули в одночасье в сентябре 1939 г., когда гитлеровская Германия совершила агрессию против санационной Польши. Ее **итог – не только оккупация со всеми последствиями, но и трагическая история ненависти и преступлений украинских националистов**, создание гитлеровских подразделений СС (дивизион «Галиция»), татарских отрядов, их участие в преступлениях против польского народа, а после войны – разбои «бандеровцев» и «мельниковцев». Потекло море польской крови, бессчетное количество личных трагедий. Немецкий прометеизм давал знать о себе годами. Гитлеровцы опекали ведущих украинских прометеистов, а посланцы, как предполагают Канариса, позволили Смаль-Стоцкому и другим покинуть Львов в 1939 году в момент вступления советских войск [3, s. 15]. «Его польский эквивалент пал вместе со строем, который его породил и воспитал на свою погибель, и на несчастье польского народа».
4. Происходящее в современной Восточной Европе свидетельствует, что прометеизм не исчез. Нынешняя **Польша является примером преемственности той политики, которая проводилась санационным режимом в межвоенный период. Ее объект – опять Россия**, Российская Федерация, которую надо уничтожить и на ее обломках создать независимые государства. Кроме того, как и многие десятилетия назад, пристальное внимание Варшавы уделяется украинскому и грузинскому направлениям. Достаточно напомнить тот факт, что в 2007 г. в Грузии ее президент и польский открыли памятник Прометею [7]. **Проект «Междуморья» реанимируется. Причем его поддерживают США**, смещая европейский центр тяжести из Западной Европы в Восточную, где Польша стала американской марионеткой. По ее инициативе создается треугольник Украина, Литва, Польша.

Список литературы

1. Секреты польской политики. 1935-1945 г. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2010. С. 270.

2. *Зубачевский В. А.* Сговор Пилсудского с Гитлером. Германско-польские отношения в 1933—1935 гг. — Военно-исторический журнал. 2021. № 1.
3. *Por. Cieślak.* Hitlerowski sojusz z nacjonalizmem ukraińskim w Polsce. Zakład Historii stosunków Polsko-Kadzieckich. PAN. Warszawa. 1968. S.15. [Гитлеровский союз с польским украинским национализмом. Отдел истории Польско-советских отношений. Польская академия наук. Варшава. 1968. С. 15].
4. *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa. 1971. S. 313. [Прометеизм в политике II Речи Посполитой. Варшава. 1971. 313 с.].
5. *Mikulicz S.* Prometeizm europejski. — Sprawy międzynarodowe. 1968. № 10. S.110. [Европейский прометезим. — Международные дела. 1968. № 10. С. 110].
6. *Mikulicz S.* Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej. Warszawa. 1971. S. 205. [Прометеизм в политике Второй Республики. Варшава. 1971. С. 205].
7. Президент Грузии наградил польского коллегу орденом Святого Георгия. — Интерфакс. — URL: <https://interfax.az/view/416195> (дата обращения: 20.05.2021).
8. *Комар В. Л.* К 63 Концепція прометеїзму в політиці Польщі (1921—1939 рр.). Івано-Франківськ: Місто НВ, 2011. — 360 с. [Концепция прометеизма в политике Польши (1921-1939 гг.). Ивано-Франковск. Н.В., 2011. — 360 с.].
9. *Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich.* Warszawa. 1966. T.V. S. 590-592. [Документы и материалы к истории польско-советских отношений. Варшава. 1966. Т. V., с. 590-592].
10. *Наумов А. О.* Рейнский блеф Гитлера. Ремилитаризация Рейнской области в 1936 году. — Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 43-59.
11. *Бондаренко А. Ю.* Подлинная история «Майора Вихря». Портрет разведчика на фоне рассекреченных документов. М.: Молодая гвардия, 2014. — 350 с.
12. *Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И.* Организация «Прометей» и «прометейское» движение в планах польской разведки по развалу России / СССР. [электронный ресурс]. — URL: <https://pandia.ru/text/78/436/39911.php> (дата обращения: 20.07.2021)
13. *Borejsza.* Rzym a wspólnota faszystowska. Warszawa. 1981. — S. 355 [Рим и фашистское сообщество. Варшава. 1981. — С. 355].
14. *Roos H.* Polen und Europa. Studien zur polnischen Aussen Politik. 1931 -1939. Tübingen. 1957. — S. 421. [Польша и Европа. Исследования по польской внешней политике 1931—1939. Тюбнген. 1957. — С. 421].
15. *Akten zur Deutschen Auswortigen. Pölitik 1918—1945. Serie D. (1937—1945). T. V. 1953. Doc. 72 i 83.* [Опубликованные немецкие документы. Политика 1918-1945. Серия Д. Т. 5. 1953. Док. 72 и 83].

Информация об авторах

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Галиуллин Марат Зуфарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского (Приволжского) Федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Кадыров Рамиль Рашитович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры регионоведения и евразийских исследований Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Кадыров Рамиль Рашитович, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

INTERNATIONAL RELATIONS

Original Paper

Prometheism on the eve of the World War II: history and modernity

Yakov Y. Grishin¹, Marat Z. Galiullin², Ramil R. Kadyrov³✉

¹ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9453-6070>, e-mail: grishin.42@mail.ru

² Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3798-4328>, e-mail: maratscorpion@yandex.com

³ Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2996-8288>, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

Abstract:

The Promethean movement, which arose in the 1920s under the patronage of J. Piłsudski, passed a certain way, on which the set goals and objectives were solved. This was discussed in the first and second parts of the article, in the previous issues of this journal "Nauka. Obščestvo. Oborona" (2021. No. 1 and No. 2). In this case, we are interested in its further fate, especially in the years of approaching World War II, which were not the best times for Prometheism. It was then that certain contradictions arise within the Promethean movement. To resolve the problem of the Promethean movement, it was proposed to hold a General Congress. So that it does not finally fail V. Bonchkovsky proposed to engage in publishing and propaganda activities. At the same time, the leadership of the Promethean movement turned a blind eye to the revitalization of the Reich in the Ukrainian direction. Anti-Sovietism was still in the first place among them. Prometheism was an integral part of Poland's foreign policy, which collapsed on September 1, 1939, and with it Prometheism. However, events in modern Eastern Europe testify to the resuscitation of the Promethean idea in the form of the Intermarium project.

Keywords:

Prometheus, OUN, Wshud, Abwehr, nationalism, Poland, Ukraine, Germany, Russia, E. Dombrowsky, S. Savada, V. Bonchkovsky, E. Kharashkevich, A. Shulgin, M. Domashevich

INTRODUCTION

At the end of 1937, organizational changes took place in the Polish General Staff. Exposure II became part of the department for the preparation of mobilization, reconnaissance and sabotage, but it was still led by Major E. Kharashkevich [8, p. 31]. In the department entrusted to him in 1938, personnel changes are underway. So, Major Dombrowski becomes the deputy, who for 6 years was the chief of the exhibition in Paris.

The activities of the Friendship Committee were also criticized for applying the principle of elitism (giving a voice only to promethean peoples with a state). Hence the friction between Paris and Warsaw, the emergence of various kinds of disagreements, both politico-ideological and formal. The cornerstone was the position of the Committee in support of the Turkish, Volga and Crimean Tatars, whose leaders were prominent figures of the national movement G. Iskhaki and D. Seidamet [1, p. 211].

In this regard, it was proposed to convene a General Congress, which will take appropriate decisions on the reorganization of all existing Promethean centers. Its term is 1938. According to the position of the memorial, the leaders of the national elites of the Promethean emigration should have formed plenipotentiary delegations, which were to include representatives of the Caucasus, Turkestan, Ukraine (Prof. Shulgin) and Armenia.

The coordination of delegates and preparation for the congress were entrusted to a preparatory commission with representatives of the Polish authorities and activists, as well as leaders of the Prometheus movement. Also, this commission was entrusted with the development of draft statutory and program documents for discussion and adoption during the meeting of the Congress [1, p. 217].

TRANSFORMATION OF THE PROMETHEAN MOVEMENT

To strengthen the work on the ground, as noted in a special message to the VII department of the NKVD of the USSR on January 24, 1938, the II department of the Polish General Staff sent another officer to Constantinople - Captain Zalevsky, a specialist in the Caucasus. Another agent of the Polish General Staff, Shamil, lived in the same city, known there as the leader of the Caucasian mountaineers-emigrants. An agent of the Polish General Staff, M. Domashevich, who was appointed consul there, returned to Kabul. According to Soviet intelligence, he conducted reconnaissance to Turkestan from there together with the British, recruiting his agents from among the emigrants, since he knew the local

languages. In Harbin, a captain, a former agent of the Polish General Staff in Constantinople, was appointed as the Polish consul. [15, s. 590-592].

The Promethean movement aroused interest not only in Western countries, but also in the East. For example, Major General Sh. Sawada, who in 1935, being the military attaché of Japan during his service, actively advocated the creation of an anti-Soviet bloc with the participation of Poland, Germany and Japan, returning to Japan in March 1938, actively establishing contacts with leaders of the Promethean movement in Poland, Ukraine, Germany, Turkey. So, in Warsaw, he maintains contact with Smal-Stotsky, with General V. Salsky and Georgians - emigrants. At the same time, the Japanese general did not skimp on expenses [11, p. 17].

In 1938, the Prometheist V. Bonchkovsky appears in the foreground, who was entrusted with all political work at the Oriental Institute. His activity in the Promethean direction manifests itself outside the main work. On behalf of E. Kharashkevich, he participates in secret missions in Berlin and Lvov in order to find allies for actions against the threat coming from the East [12].

Thus, V. Bonchkovsky was in Berlin from 17 to 27 August with the intention of establishing contacts with the Anti-Comintern, created in 1934, whose spearhead was directed against the Comintern. In addition, he probed opinions on the division of the territories of the conquered USSR [13, s. 226]. As P. May writes, it is difficult today to assert whether the Anti-Comintern's plans included cooperation with the Oriental Institute. The Germans were more interested in the Institute for Scientific Research of Communism in Warsaw. Ultimately, the coordination of the activities of the Prometheists with the anti-communists of the Third Reich turned out to be impossible. At the same time, **V. Bonchkovsky was struck by the fact that the "Denikinites" - Russian emigration in the Polish guise** [13, s. 228].

V. Bonchkovsky stayed in Lvov from 13 to 25 October, where he had a number of meetings with Ukrainian leaders, including those who were hostile to Poland.

Based on the results of his work in Berlin and Lvov, Bonchkovsky writes the Memorial, which he sends to Exposure II. The main idea of the presented document is the creation of the so-called **"Wskhud"** collective, which **was supposed to unite in the work for the state of the Young Prometheists, Ukrainian youth in Poland and abroad, national radical and nationalist groups in Polish society.** The group was given a broad political dynamism, defined by the names "nationalist, active, imperialist", but associated with the idea of a Promethean worldview. The ideological principles of the program of the Novopromethean collective were to be presented in their journalism by the general editorial staff of the magazines "Polish Thought", "Problems of Eastern Europe" and "Wshud - Orient". The main task of the organization is to play the role of a liaison between the Polish state circles with elements of Polish eastern policy, as well as to identify the new tasks of Prometheism as the main instrument of foreign policy.

The memorial of V. Bonchkovsky also contained another argument confirming the thesis of a deep split in the bosom of the Promethean movement at the end of the 30s. This was facilitated by the policy of the leadership of the Third Reich, which launched a large propaganda offensive in the Ukrainian question. Berlin's formation of the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) led to a crisis in the international Promethean movement. He deepened his fundamental discord in the Versailles system, a symbol of which was the remilitarization of Nadreinia. This destructively influenced the Promethean movement in the Second Polish-Lithuanian Commonwealth [2, p. 43-59].

According to V. Bonchkovsky, the Vskhud collective was to become a counterbalance to the old groups, spiritually demobilized.

Understanding the fact that the existing directions of Promethean work ("government", the club "Prometheus", Vostochny Institute, Vilensky, etc.) are doomed to failure, as well as the psychological and physical exhaustion of the emigration figures - came relatively late. In October 1938, Department II decided to transfer part of its forces and resources to the so-called Collective Vostok, which is understood as the Wskhud publishing house, the Polish-Ukrainian Bulletin, and Polish Thought, and to give this collective the rank of a leading ideological and political group. A decision is made to transfer the Oriental Institute to a group led by V. Bonchkovsky. At the same time, it was decided to start modern forms of psychological warfare, trying to create a "Center for the Study of Irregular War" with sections: historical, partisan, propaganda and religious, which were to use modern methods of influence: radio, leaflets, posters, etc.

Henceforth, Poland diligently maintained the conviction of the important dignity of an independent Polish factor between two powerful neighbors. But the years of the Polish-German "entere Kordiale" passed quickly. After the capture of Austria, all Hitler's institutions agreed on the need to support the OUN. From October 8, 1938, Vienna radio began to broadcast regularly in the Ukrainian language, later also radio Graz and Lipsk. The German ambassador in Warsaw, Moltke, informed Berlin on October 15 and 25 that the Polish side was vigilantly following the Viennese radio programs [14, s. 125-128] that the **mood of the Galician Ukrainians in Poland "is compared with the mood of the Sudeten Germans after the occupation of Austria"** [15].

On October 15, Jan Schembek, the first deputy of Y. Beck, handed over to Moltke a protest against the propaganda action in the Ukrainian direction. The Germans still needed normal relations with Poland. Therefore, on October 12, the German Foreign Ministry appealed to the Ministry of Propaganda, the Abwehr, the Gestapo, R. Hess, A. Rosenberg and the foreign department of the NSDPA **to do everything to eliminate the impression that the German ruling circles are cooperating with the OUN** [2, p. 4-12]. On October 22, the Foreign Ministry asked the Propaganda Ministry to minimize anti-Polish aspects from the Vienna radio broadcasts. On this day, Moltke was instructed to inform Schembek that the radio broadcasts of the Viennese radio were taken under strict control.

However, it was only camouflage. For in 1939 the OUN strengthens its activities. From its ranks, the Abwehr forms several sabotage groups, tempted by the prospect of an "independent Ukraine". They were designed to carry out sabotage missions in the rear of Polish units. **The Abwehr leadership compared the OUN units with the Croatian Ustasha units.**

As a result, a paradoxical situation took place - **Prometheism** did not want to take note of the current political events. **He was carried away by the main goal - "the split of the USSR along ethnic lines."**In April 1939, the correspondence of the kryptonyms of the 2nd exposition was full of messages from residents about everything, just not about the growing catastrophe [3, s. 289].

DECLINE AND MAIN RESULTS OF THE PROMETHEAN MOVEMENT

In Poland, A. Hitler was perceived as a Polish ally, with whom it was possible to agree on a campaign against the Soviet Union, the struggle against Bolshevism in general. There was some kind of manic belief that the Nazis could not cope with the latter without the Poles.

All this testified to political blindness along with anti-Soviet stubbornness. The anti-Soviet trend in foreign policy persisted convulsively, the genesis of which was hidden in Pilsudski's archaic concept of the need to dismember Russia, without taking into account its political system.

A lot of efforts were devoted to the implementation of this concept, discarding even pseudo-romantic ideology, while maintaining a sabotage direction. This, in particular, is evidenced by the memorial of Senator Sedlecki dated January 14, 1939, in which he writes: "After the death of Marshal Pilsudski, the Promethean peoples no longer have a direct connection with the leadership of the political hierarchy. Currently, the highest official who contacts and talks to them is the chief of the II department of the headquarters and the head of the Eastern department of the Ministry of Foreign Affairs. For them, it is clear that the decadence of the Promethean movement has begun in Poland, it becomes clear that they began to be interpreted not as representatives of the ideological trend of their countries, but as normal sabotage material paid for in cash" [6, s. 230-232].

CONCLUSION

Concluding the consideration of the problem, we note the following:

1. In the interwar period, the ideas of Prometheism were, in a certain sense, like a continuation of the Jagiellonian idea, which cannot be justified and understood. For the very idea was absurd. It was the twentieth century, the end of the second decade and the beginning of the third, and yet Poland for some reason believed that it should become the heir to the Jagiellonian Rzeczpospolita. Some leaders, and above all Pilsudski, thought that such a chance took place. Convinced of this, they tried to implement it by dismembering the Soviet Union

according to the national criterion. From the point of view of S. Mikulich, the myths, which were interpreted as reality, deprived Poland of the possibility of establishing realistic economic and normal political relations with its eastern neighbor. Prometheism was based on false calculations, and, consequently, on myths, albeit spectacular ones, reminiscent of the era of Jagiellonian Poland, united with Ukraine and Lithuania [6, s. 287]. In Poland, revived in 1918, there were politicians who thought in political categories 200 years ago. Prometheism was an argument for world mania that contradicted reality. In accordance with it, the **Second Polish-Lithuanian Commonwealth made a lot of efforts to dismember the Soviet country by means of support and flirting with the national minorities inhabiting it.** At the same time, as you know, on the territory of Poland itself, the pacification of the Ukrainian village was carried out, Ukrainian churches were destroyed. Yes, there were various reasons with the help of which terror was used against the Ukrainian population on its own territory, but the fact is that the Second Polish-Lithuanian Commonwealth could not become a politically effective center for the Ukrainian or Belarusian population of the Soviet territory. And this was another weakness of the Promethean concept in the Polish edition. **Prometheism**, as we have already seen, **was also used by Germany** in its policy, which should have alarmed the Polish leadership. During the struggle for influence in Ukraine, **it always outstripped Warsaw**, increasing its territorial influence. In fact, German Prometheism testified that it was taking Poland "in two rings", both of which were German. It is important for politicians to be able to free themselves from emotions. Pilsudski did not have this skill. He continued to live in the past, transferring the anti-Russian mood during the struggle against tsarism to the Soviet period, when, with a real assessment of what was happening, it was possible to build different relations with the eastern neighbor, which could change the situation in Europe in a positive way. Subjectivism, scholastic concepts of great-power Poland prevailed (one of them was the destruction of the USSR with the help of Prometheism) instead of opposing something to the German danger in reliance on improving relations with the Soviet Union. And this could obviously happen on condition of the elimination of Promethean activity. "She, - believes S. Mikulich, - would appear in the Polish-Soviet relations as a new important and optimistic element in mutual existence" [6, s. 150-152].

2. The phraseology "Prometheus", which was contained in the statutory documents that appeared, as well as in the published periodicals, was unequivocally anti-Soviet, for the main goal of the Promethean movement was the dismemberment of the Soviet Union. Even on August 31, 1937, the Polish General Staff issued directive No. 2304/2/37, which states that **the ultimate goal of Polish policy is "the destruction of all Russia"**, and incitement of separatism in the Caucasus, Ukraine and in Central Asia using, in particular, the capabilities of military intelligence. It would seem that in the threatening situation into which Poland crept, the priorities should have been different. And in general, what does the Caucasus have to do with the country's security? Nevertheless, it was envisaged to concentrate human, operational and financial resources to strengthen work with the Caucasian emigration of a separatist persuasion, having as a super task the destabilization by all forces and means, including the instruments of a secret war, of the internal political situation in this part of the Soviet Union, which during the war becomes the deep rear of the Red Army" [1, p. 8-9]. Prometheism becomes an integral part of the foreign policy of the Polish Republic, negatively influencing the course of the entire interwar period on Polish-Soviet relations. Moreover, as we saw, **the main initiator of the concept of using Prometheism against the USSR was none other than Pilsudski himself.** On the whole, Prometheanism has done a disservice. He, as S. Mikulich writes, "pushed Poland away from European politics, drawing it into additional serious conflicts with its eastern neighbor, leading to a waste of forces and means. Behind its pseudo-romantic facade, purely class intentions were hidden, becoming an additional weight at the foot in the interwar development of the state" [5, s. 110].
3. All the delusional concepts that were being built collapsed overnight in September 1939, when Hitler's Germany committed aggression against the rehabilitated Poland. Its **result is not only the occupation with all the consequences, but also the tragic story of hatred and crimes of Ukrainian nationalists**, the creation of Nazi SS units (Galicia division), Tatar detachments, their participation in crimes against the Polish people, and after the war - robberies of the "Bandera" and "Melnikovites". A sea of Polish blood flowed, countless personal tragedies. German Prometheanism has been making itself felt for years. The Nazis took care of the leading Ukrainian Prometheists, and the envoys, as suggested by Canaris, allowed Smal-Stotsky and others to leave Lvov in 1939 at the time of the entry of Soviet troops [3, s. 15]. "Its Polish equivalent fell along with the system that gave birth to it and brought it up to its own destruction, and to the misfortune of the Polish people".
4. What is happening in modern Eastern Europe testifies that Prometheism has not disappeared. **Today's Poland is an example of the continuity of the policy pursued by the reorganization regime in the interwar period. Its object is again Russia**, the Russian Federation, which must be destroyed and independent states should be created on its ruins. In addition, like many decades ago, Warsaw pays close attention to the Ukrainian and Georgian directions. Suffice it to recall the fact that in 2007 in Georgia its president and the Polish one unveiled a monument to Prometheus [7]. **The Intermarium project is being revived. Moreover, he is supported by the United States**, shifting the European center of gravity from Western Europe to Eastern, where Poland has become an American puppet. On her initiative, a triangle of Ukraine, Lithuania, Poland is being created.

References

1. *Sekrety pol'skoj polityki. 1935-1945 gg. Rassekrechennye dokumenty Sluzhby vneshnej razvedki Rossijskoj Federacii* [Secrets of Polish politics. 1935-1945 Declassified documents of the Foreign Intelligence Service of

- the Russian Federation] Sost. L.F. Sockov. — M.: RIPOЛ klassik, 2010. — P. 270. (In Russ.).
2. Zubachevskij V. A., 2021, Sgovor Pilsudskogo s Gitlerom. Germano-pol'skie otnosheniya v 1933—1935 gg.» [Pilsudski's collusion with Hitler. German-Polish Relations in 1933-1935]— *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 2021. № 1. (In Russ.).
  3. Por. Cieślak, 1968, *Hitlerowski sojusz z nacjonalizmem ukraińskim w Polsce. Zakład Historii stosunków Polsko-Kadzieckich* [Hitler's alliance with Polish Ukrainian nationalism. Department of the History of Polish-Soviet Relations]. PAN. Warszawa. 1968. S. 15. (In Polish).
  4. Mikulicz S., 1971, *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej* [Prometheism in the politics of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth]. Warszawa. 1971. — S. 313. (In Polish).
  5. Mikulicz S., 1968, Prometeizm europejski [European promethesimus]. — *Sprawy międzynarodowe*. 1968. № 10. S.110. (In Polish).
  6. Mikulicz S., 1971, *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej* [Prometheism in the politics of the Second Republic]. Warszawa. 1971. S. 205. (In Polish).
  7. Prezydent Gruzii nagradil pol'skogo kolegu ordenom Svyatogo Georgiya [The President of Georgia awarded his Polish counterpart the Order of St. George]. — *Interfaks*. — URL: <https://interfax.az/view/416195> (accessed: 20.05.2021). (In Russ.).
  8. Komar V. L., 2011, *K 63 Koncepciya prometeizmu v politici Pol'shchi (1921—1939 gg.)* [The concept of prometheism in the politics of Poland (1921—1939)]. Ivano-Frankivs'k: Misto NV, 2011. — 360 s.(In Ukraine).
  9. *Dokumenty I materiały do historii stosunków polsko-radzieckich* [Documents and materials for the history of Polish-Soviet relations]. Warszawa. 1966. T.V. — S. 590-592. (In Polish).
  10. Naumov A. O., 2011, Rejnskij blef Gitlera. Remilitarizaciya Rejnskoj oblasti v 1936 godu [Hitler's Rhenish bluff. Remilitarization of the Rhineland in 1936]. — *Novaya i novejšaya istoriya*. 2011. № 2. S. 43—59. (In Russ.).
  11. Bondarenko A., 2014, *Podlinnaya istoriya «Majora Vihrya»* [The true story of "Major Whirlwind"]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2014. — 350 s. (In Russ.).
  12. Bylinin V. K, Zdanovich A. A., Korotaev V. I., *Organizaciya «Prometej» i «prometejskoe» dvizhenie v planah pol'skoj razvedki po razvalu Rossii / SSSR* [The organization "Prometheus" and the "Prometheus" movement in the plans of Polish intelligence for the collapse of Russia / the USSR]. — URL: <https://pandia.ru/text/78/436/39911.php> (accessed: 20.07.2021)] (In Russ).
  13. Borejsza, 1981, *Rzym a wspólnota faszystowska* [Rome and the fascist Union]. Warszawa. 1981. — S. 355. (In Polish).
  14. Roos H., 1957, *Polen und Europa. Studien zur polnischer Aussen Polityk. 1931—1939*[Polen und Europa. Studien zur polnischer Aussen Polityk. 1931—1939]. Tübingen. 1957. — S. 421. (In Polish).
  15. *Akten zur Deutschen Auswertigen. Pölitik 1918-1945. Serie D. (1937—1945). T. V. 1953. Doc. 72 i 83* [Published German Documents / Politics 1918-1945. Series D. T. 5. 1953. Doc. 72 and 83.] (In German).

Information about the authors

Yakov Y. Grishin, Dr. Sci. (History), Prof. of the Department of international relations, world politics and diplomacy, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Marat Z. Galiullin, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. of the Department of regional studies and Eurasian studies of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Ramil R. Kadyrov, Cand. Sci. (History), lecturer of the Department of regional studies and Eurasian studies of Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Corresponding author

Ramil R. Kadyrov, e-mail: kadyrovramil@mail.ru

УДК: 94(47):623 + 929 Гапич

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-26-26

Поступила в редакцию: 04.07.2021 г.

Submitted: July 4, 2021

Опубликована: 12.08.2021 г.

Published online: August 12, 2021

Для цитирования: Хохлов В. С. Николай Иванович Гапич: «История не забудет, что начальник связи Красной армии получает указания по связи после начала войны...» // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 26-26. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-26-26>.

For citation: Khokhlov V. S. Nikolay Ivanovich Gapich: "History will not forget that the Chief of Communications of the Red Army receives instructions on communications after the start of the war..." *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):26-26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-26-26>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

Персоналии

Николай Иванович Гапич: «История не забудет, что начальник связи Красной армии получает указания по связи после начала войны...»

Владимир Сергеевич Хохлов^{1, 2} ✉

¹ Научно-исследовательский институт (военной истории)
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8335-5955>, e-mail: 13.mac1984@mail.ru

² Российская академия ракетно-артиллерийских наук,
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8335-5955>, e-mail: 13.mac1984@mail.ru

Аннотация:

История войск связи, казалось бы, хорошо известна. Но есть в ней белые пятна, незаслуженно забытые страницы и имена. Одно из таких имён – генерал-майор Гапич Николай Иванович, начальник Управления связи Красной армии (УСКА), которому 9 мая 2021 г. исполнилось 120 лет со дня рождения. Преследуя цель восстановления исторической памяти и справедливости, на основе изученных и малоизученных источников материалы статьи помогут воскресить из забвения имя генерала Гапича, немало сделавшего для развития войск связи. Несмотря на наличие множества работ по войскам связи, их авторы рассматривают вопросы связи в самом общем виде или указывают где в той или иной операции располагались пункты управления, и как была организована связь с войсками и обязательно, что одной из основных причин поражений было её отсутствие. В них редко можно найти подробный анализ состояния связи в предвоенный период, как это сказалось на боевых действиях в начале Великой Отечественной войны, и как развивалась связь в ходе этой войны. При этом объектом рассмотрения, как правило, являются организация связи в оперативно-стратегическом звене управления. За редким исключением, как бы вскользь, лишь в некоторых трудах показаны место и роль УСКА (с 28 июля 1941 г. – Главного управления связи Красной Армии) и их начальников, в том числе и генерала Гапича. Он упоминается только в научно-справочных трудах о репрессированных. Его фамилия отсутствует даже в Военной энциклопедии 1994–2004 г. издания. Автор данной статьи несколько раз писал о Гапиче, но новые архивные источники позволили ему уточнить отдельные значимые страницы биографии генерала с начала его жизненного пути и до освобождения из тюрьмы, а также сделать выводы из трагической судьбы военачальника для нынешнего поколения офицеров Вооруженных Сил России. Генерал Гапич оставил нам ряд научных статей, учебников и книг для слушателей военных академий и училищ, опубликованных в довоенный период. После его смерти в седьмом номере Военно-исторического журнала за 1965 г. увидела свет его статья «Некоторые мысли по вопросам управления и связи». Выводы и уроки этой статья сохраняют актуальность и сегодня.

Ключевые слова:

генерал-майор Н. И. Гапич, УСКА, начальник связи, войска связи, арест, следствие, реабилитация

ВВЕДЕНИЕ

Слова, вынесенные в название статьи, были сказаны генерал-майором Н. И. Гапичем ранним утром 22 июня 1941 г., в первый день Великой Отечественной войны. Он их произнёс после вскрытия пакета с грифом «Совершенно секретно» с директивой и радиоданными, вводимыми в радиосетях Генерального штаба Красной армии (ГШ КА) с началом войны.

При этом присутствовали начальник отдела связи Оперативного управления (ОУ) ГШ КА комбриг И. Ф. Иванов, его заместитель полковник К. И. Николаев, начальник узла связи Наркомата обороны (НКО) СССР генерал-майор М. Т. Беликов и его заместитель полковник Б. А. Платонов [1].

Организацию радиосвязи с армиями Западного и Киевского Особых военных округов в этой директиве спланировал отдел связи ОУ ГШ КА с помощью ретрансляций через Бровары (под Киевом) и Минск. **Пагубность положения заключалась не только в том, что некоторые ретрансляционные пункты, например в Минске, оказались в зоне боевых действий, но и потому что это планирование не было согласовано с УСКА**, а у лиц, работавших на таких радионаправлениях, не имелось соответствующего опыта. Что касается директивы, то её тут же отменили. В 9.00 были получены новые радиоданные военного времени: частоты, позывные, время смены частот и позывных, вид связи, азимуты на корреспондентов, ключи к радиодокументам. К тому же радиочастоты составили без учёта следующих факторов: длины волны; типа и направленности антенн (приёмной и передающей); рельефа местности; влияния окружающей среды. Более того, даже эти радиоданные у большинства корреспондентов отсутствовали. Пока разрабатывали и доставляли в штабы фронтов и армий новую директиву – почти 10 дней радиосвязь Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) с ними осуществлялась на учебных радиоданных мирного времени. При этом радиосвязь с каждым корреспондентом прорабатывалась в отдельности.

Генерал-майор Гапич Н.И.
Major-General Gapich N. I.
1940

Генерал-майор Гапич обвинил комбрига Иванова и его отдел в некомпетентности в вопросах радиосвязи, ненужной скрытности от УСКА их разработки [1, с. 20]. Это подтверждает и беседа генерал-майора И. Т. Булычева (начальника связи фронта Резервных армий) с Н. И. Гапичем в июле 1941 г.: «В Генштабе всеми вопросами ведал малочисленный орган – отдел связи, который разрабатывать вопросы связи с требуемой полнотой был не в состоянии... На мой вопрос, как давно он был допущен к работе по особым планам, Гапич ответил – в декабре 1940 года. При этом, как я заметил, он был не совсем уверен, что его познакомили с этой работой в полном объеме» [2, с. 177–178].

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Многое в этой работе и с большим трудом пришлось исправлять позже, на это влияли следующие факторы:

- сложная оперативно-стратегическая обстановка на фронтах;
- незавершенность оборудования ТВД в отношении связи;
- опора на использование главным образом постоянных воздушных линий (ПВЛ) и узлов связи Наркомата связи (НКС) для связи Ставки ВГК со штабами фронтов и армий;
- неспособность НКС своими силами поддерживать их в эксплуатационной готовности, особенно ПВЛ после действий диверсантов и авиаударов противника по железным и шоссейным дорогам, вдоль которых они, как правило, размещались;
- отсутствие в распоряжении ГШ КА частей связи Резерва главнокомандования (РГК), предназначенных для эксплуатационного обслуживания и развития общегосударственной сети связи, которая использовалась в интересах военного командования;
- отсутствие заранее подготовленных защищенных командных пунктов ГШ КА, штабов фронтов и армий;
- некомплект сил и средств войск связи округов (фронтов) и лишь их частичное отмобилизование согласно мобилизационных планов;
- переоценка проводной связи, радиобоязнь и ряд других недостатков в организации связи в ходе войны.

Трудности со связью в начале войны Гапич объяснял так: «**У меня, как и у многих других начальников не только планов, но и даже соображений на случай отхода наших армий не было.** Все мероприятия, которые проводились в мирное время, были рассчитаны на обеспечение управления войсками в начальный период войны по классической схеме» [2, с. 174].

Классической схемы не получилось. Германский план основывался на принципе молниеносной войны (блицкриге), советский – на нанесении мощного ответного удара по агрессору в целях отражения его наступления и перенесения боевых действий на вражескую территорию. При этом предполагалось, что обе стороны начнут военные действия лишь частью сил, а главные силы будут иметь около двух недель для завершения развертывания.

Советские войска, поднятые по тревоге, немедленно приступили к выполнению мероприятий по сосредоточению в районах развертывания. Покинув зимние квартиры или лагеря, а с ними и существовавшую (где такая была) связь мирного времени, войска приграничных фронтов, находясь в стадии перегруппировки, вступили в бои с вторгнувшимися на советскую территорию войсками вермахта. Стремительное их продвижение не позволило многим соединениям и частям Красной армии достичь намеченных пунктов с подготовленной оперативной связью, и поэтому телефонно-телеграфная связь с некоторыми соединениями и армиями работала с огромными перебоями и неустойчиво. Радиосвязь в период сосредоточения и развертывания не предусматривалась, дабы не раскрыть противнику дислокации войск. Нарушения связи диверсионными группами, авиацией и в какой-то степени артиллерией противника еще более усугубили положение. Обеспечить проводную связь своими силами фронты и армии не могли, так как не имели достаточных средств и укомплектованных частей связи. **Нарушение постоянной связи с войсками лишило командиров и штабы, вплоть до Ставки ВГК, возможности оперативно получать сообщения о положении на фронте.** Нередко в результате запоздалой или искаженной информации принимались решения, не отвечавшие обстановке.

Сочетание массированного применения диверсионных групп в тылу войск Красной Армии с хорошо скоординированными действиями сухопутных войск и ударов авиации позволило танковым и механизированным войскам вермахта не «прогрызать» оборону, а находить пути прорыва на оперативную глубину противника на стыках соединений и их флангах. Это вызвало сложности обеспечения взаимодействия соединений и объединений Красной армии, нарушило систему управления, нанесло им крупные потери. **Перерывы в связи в начальный период войны вызывались, как правило, не плохой работой технических средств связи,**

а **общейнеблагоприятной оперативной обстановкой и недостатками в управлении войсками.** Абсолютно правы военные историки, утверждающие, что «нельзя отрицать существенных недостатков в работе связи, но объявлять её одной из главных причин поражения неразумно. Штабы теряли связь с войсками тогда, когда они терпели поражение в обороне и были вынуждены отходить. Эти поражения имеют вполне определенное объяснение на оперативном уровне» [3, с. 111–112]. Добавим от себя – и на оперативно-стратегическом, оперативно-тактическом и тактическом уровнях.

В результате войска связи, руководимые генералом Гапичем, из-за больших потерь нуждались в формировании новых частей и пополнении средствами связи. Уже на второй день войны он был вынужден обратиться к заместителю начальника ГШ КА генерал-лейтенанту В. Д. Соколовскому с просьбой о сформировании двух армейских батальонов в ближайшие два-три дня, так как все резервы исчерпаны [I, л. 3]. Большую озабоченность у Гапича вызывало и положение со снабжением действующей армии средствами связи. В докладе начальнику Генштаба КА генералу армии Г. К. Жукову 8 июля 1941 г. он охарактеризовал его как исключительно тяжелое и указал: «Промышленность не справляется с задачами, поставленными правительством, и, по-моему, не только поэтому, что исчерпаны все возможности, но и по причине недостаточной деятельности всех её органов и отраслевых предприятий. Ввиду исключительной важности данного вопроса прошу Вашего решения – вопросы промышленности поручить генерал-лейтенанту войск связи т. Найденову (*Авт.* – начальник инспекции войск связи КА) с задачей **выжать из промышленности всё, что можно для действующей армии**» [I, л. 97]. По этим докладам были приняты 27 июня директива ГШ КА [II, л. 16–17] и 20 июля – постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) [III, л. 191–196]. Однако они не могли улучшить состояние связи на фронтах.

23 июля 1941 г. постановлением ГКО генерал-майора Н.И. Гапича освободили от должности начальника УСКА и вместо него назначили наркома связи СССР полковника И. Т. Пересыпкина [IV, л. 17]. Гапича откомандировали в распоряжение НКО и назначили начальником связи фронта Резервных армий. Этим назначением он обязан Пересыпкину, который 25 июля рекомендовал секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову использовать его в этом качестве [V, л. 142]. Командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков оставил в должности начальника связи фронта генерал-майора И. Т. Булычева, а Гапича – его заместителем [2, с. 163].

Ордер на арест Н.И. Гапича / Arrest warrant for N. I. Gapich

ЗА ГОД ДО ВОЙНЫ, АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ

8 августа 1941 года генерала Н. И. Гапича арестовали и содержали в Сухановской особорежимной тюрьме или спецобъекте 110 (ныне Свято-Екатерининский монастырь, г. Видное Московской области).

В обвинительном заключении указывалось: «являясь с августа 1940 г. по август 1941 г. (*Авт.* – на самом деле с 26 июля 1940 г. по 23 июля 1941 г.) начальником Управления связи Красной армии, преступно руководил работой в управлении, не снабдил армию нужным количеством средств связи, чем создал трудности в управлении войсками.

Возглавляемое им Управление связи в первый же месяц войны с Германией не обеспечило нужд фронта и оказалось не способным наладить бесперебойную связь с фронтом» [4, с. 145]. Прочитав это обвинение, нельзя не задаться тремя вопросами. Первый вопрос: как это начальник УСКА преступно руководил его работой и почти за год пребывания в должности не снабдил армию нужным количеством средств связи?

22 июня 1940 г., принимая дела и должность начальника УСКА, он в акте указывал: «В основном РККА имеет на вооружении телеграфно-телефонные и радиосредства устаревших типов. В связи с тем, что промышленная база

мала и плохо организована, на перевооружение более совершенными образцами средств связи без запаса мобсредств потребуется 5 лет...Имеющиеся кадровые части не обеспечивают развёртывания боеспособных частей связи на военное время. Структура армейских и фронтовых частей связи, а также их оперативный расчет на армию и фронт не вполне соответствует требованиям оперативной связи [5, с. 127–130].

В течение года он принимал соответствующие меры по устранению недостатков в организации связи, выявленных в ходе Советско-финляндской войны и указанных в акте. В октябре 1940 г. Гапич направил доклад «О состоянии службы связи Красной армии» наркому обороны СССР Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко на 54 страницах из 11 разделов, объективно и всесторонне характеризовавший состояние военной связи за 8 месяцев до начала Великой Отечественной войны [VI, с. 1–54]. Однако **ни одно из предложений начальника УСКА, направленных на её улучшение, реализовано не было.**

Генерал Гапич продолжал настойчиво добиваться разрешения таких важных вопросов, как обеспечение войск средствами связи и увеличение количества частей связи.

27 октября 1940 г. направил очередную докладную записку С. К. Тимошенко, в которой указывал: «состояние материального обеспечения Красной армии средствами связи отстает от общего как качественного, так и количественного её роста. Такое положение может отрицательно сказаться на всей системе управления во время войны» [6, с. 46–48].

28 декабря 1940 г. Гапич снова инициирует доклад С. К. Тимошенко и председателю Комитета Обороны (КО) при Совнарком СССР **К. Е. Ворошилову**, с просьбой путём правительственных мероприятий улучшить положение с вооружением этим чрезвычайно важным для армии видом техники [6, с. 48–49].

12 февраля 1941 г. Н. И. Гапич в очередной раз обратился с докладом по вопросу состояния и обеспечения Красной армии средствами связи, на этот раз – к новому начальнику Генштаба КА генералу армии **Г. К. Жукову**. Он просил его ходатайства перед КО о принуждении заводов-поставщиков средств связи принять и выполнить заказ НКО на 1941 г., хотя бы в пределах предварительных наметок КО, а также издания правительственного решения о расширении производственной базы по средствам связи [6, с. 45]. **Голос Гапича снова не был услышан**, пришлось все эти недостатки исправлять в ходе войны.

Нельзя также не задать второй вопрос: он, что сам или УСКА производили средства связи? Любому здравомыслящему человеку совершенно ясно: нужное их количество зависит не от желания и возможностей Гапича, а от финансирования электротехнической промышленности, состояния и производственных возможностей её заводов выпускать средства связи, и от целого ряда других объективных условий, находящихся вне его компетенции, что сводило к минимуму виновность начальника УСКА.

И наконец, третий вопрос: если он преступно руководил УСКА и не снабдил армию средствами связи, то почему 22 февраля 1941 г. его наградили орденом Красной Звезды?

Абсурдность обвинений была ясна даже следователям, поэтому они в духе того времени стали уличать Гапича в принадлежности к «военно-фашистскому заговору», применяя крайние меры воздействия, добились у него такого признания. После очередных истязаний он сознался, что «с 1935 г. является участником антисоветской заговорщической организации в Белорусском военном округе, возглавляемой Уборевичем, в которую был вовлечен бывшим начальником штаба округа Бобровым». Следователям и этого оказалось мало. После подавления воли и всякой способности к сопротивлению у него также выбили показания о сотрудничестве с японской разведкой в 1918 г. будучи комиссаром телеграфа железнодорожной станции Ерофей Павлович. Спустя некоторое время от всех этих показаний Гапич отказался как от вымышленных [7, с. 447–448].

С февраля 1942 г. наступил перерыв в 19 месяцев, в течение которых, никакого, по существу, следствия не велось. Находясь в заключении, он не терял время даром. Получив права заказа литературы, изучал вопросы истории, математики, иностранных языков, литературы и искусства. Николай Иванович писал стихи, запоминал их и только в 1953 г. записал и то не все. Тем самым не только расширил свои познания, а главное сохранил здоровье, так как это позволяло отвлечься от обстановки заключения. И, конечно, вспоминал прожитую жизнь.

ДО НАЗНАЧЕНИЯ НА ДОЛЖНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА УСКА

Родился Николай Иванович 9 мая 1901 г. в дер. Новоалексеевка Бельской волости Амурского уезда Амурской области Приамурского генерал-губернаторства (ныне – Ивановский район Амурской области) в многодетной семье безземельного крестьянина, уроженца дер. Малая Старица Переяславского уезда Полтавской губернии, батрака и бродячего портного, переехавшего в конце XIX века на Дальний Восток. Не имея земли, его отец продолжал работать батраком, а в 1906 г. уехал на изыскательские работы на направлениях будущей Амурской железной дороги. После начала её строительства устроился в 1909 г. чернорабочим и каменщиком на станции Ерофей Павлович, и в этом же году забрал всю семью к себе.

С 8 лет Николай работал вместе с отцом, а зимой учился в двухклассной железнодорожной школе. В 1915 г. после её окончания поступил рабочим на постройку местной телефонной сети. Днём работал, а ночами учился на курсах телеграфно-телефонных надсмотрщиков. В мае 1916 г. его назначили телеграфистом, в 1917 г. – линейным надсмотрщиком на железной дороге, а в 1918 г. избрали комиссаром телеграфа железнодорожной станции Ерофей Павлович Амурской железной дороги. После её захвата белогвардейцами и казаками уехал в г. Свободный, где работал телеграфистом в Управлении железной дороги. В ноябре 1919 г. был насильственно призван правительством адмирала А. В. Колчака на военную службу. Получив отпуск для улаживания личных дел, уехал к родителям на станцию Шимановская в Забайкалье. Возвратившись из отпуска, с 1 января по 3 февраля 1920 г. проходил службу на сборном пункте при охранном батальоне в г. Благовещенске. 4 февраля в город вошли партизанские отряды. Гапича избрали членом батальонного комитета, а затем на базе батальона был создан 1-й Советский партизанский полк под командованием А. В. Агеева. Вскоре Гапича избрали членом полкового комитета и назначили оружейным инструктором полка, а сам полк перевели на Восточно-Забайкальский фронт.

С февраля 1920 года в составе партизанских отрядов воевал против войск казачьего атамана Г. М. Семенова, генералов В. О. Каппеля и М. К. Дитерихса, которые после взятия Владивостока 25 октября 1922 г. силами Народно-революционной армии Дальневосточной республики под командованием И. П. Уборевича вошли в состав Красной армии. С февраля 1920 г. по октябрь 1927 г. он занимал следующие должности:

Командир роты. г. Владивосток. 1925 г. /
Company commander. Vladivostok. 1925

адъютанта начальника связи Восточно-Забайкальского фронта и тыла; начальника связи железнодорожного направления этого же фронта; командира роты и начальника связи 8-й Амурской стрелковой бригады; командира телеграфного взвода роты связи и помощника командира дивизиона связи 3-й Амурской стрелковой дивизии; начальника связи Особого Амурского стрелкового полка; помощника командира отдельной телеграфно-строительной роты; начальника команды связи 2-го отдельного пограничного батальона; командира взвода связи, помощника командира роты связи по технической части и порученца начальника связи 1-й Забайкальской стрелковой дивизии; начальника команды связи и начальника связи 1-го Читинского стрелкового полка; командира отдельной роты связи 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии [VII, с. 7–8].

Понимая, что без военного образования он не имеет перспектив в военной службе, в 1925 г. самостоятельно подготовился и сдал экстерном экзамены за курс нормальной трехгодичной школы при Владивостокской пехотной школе имени III-го Интернационала. С 1 октября 1927 г. по 1 мая 1930 г. учился на основном факультете Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. В выпускной аттестации отмечалось: «несмотря на очень слабый

образовательный ценз тов. Гапич показал поразительные способности и чрезвычайную усидчивость и работоспособность. Шаг за шагом, с первого курса рос во всех отношениях и теперь, подходя к окончанию учебы в академии по своим успехам, является одним из первого десятка. Самородческие способности дали ему возможность вырасти в почти законченного общевойскового начальника, отлично ориентирующегося в обстановке, не менее легко разбирающегося и в оперативных вопросах» [VII, с. 19]. По окончании академии 10 мая 1930 г. он был назначен начальником штаба 9-го полка связи Белорусского военного округа в Брянске, 1 января 1931 г. – помощником начальника связи, а с 30 декабря 1932 г. по 27 февраля 1936 г. являлся

начальником связи этого же военного округа [VII, с. 9].

22 октября 1936 г. полковник Гапич поступил в Академию Генштаба РККА. В октябре 1937 г. парторганизацией академии рассматривалось его персональное дело о связи с бывшим командующим Белорусским военным округом командармом 1-го ранга И. П. Уборевичем и недостатках в работе по должности по заявлению командира 5-го полка связи полковника И. Т. Селькова и «врага народа» Краснова. Ни один факт обвинений из поступивших материалов, в том числе и с их проверкой представителем академии в штабе округа, не подтвердился. Изучив, поступившие материалы, не найдя компрометирующих фактов, парторганизация посчитала материалы Селькова и Краснова клеветническими, дело Гапича прекратила и выразила ему политическое доверие [VII, с. 33, 41, 45–49].

8 июня 1938 г. в аттестации на полковника Гапича начальник курса комбриг Трубецкой указывал: «Командир с 20-летним стажем практической работы с большим оперативно-тактическим кругозором заканчивает академию в числе первых отличников. **Огромный стаж работы по специальности, большая теоретическая база, отличное знание военного дела и склонность к научно-исследовательской работе** требуют использования Гапича в качестве преподавателя Академии Генштаба РККА [VII, с. 19]. И 24 июня 1938 г. его назначили старшим преподавателем кафедры тактики высших соединений. Он становится доцентом кафедры, пишет ряд книг, учебников и статей по службе связи для слушателей военных академий и училищ [VIII, с. 282]. Наиболее известной является написанная им в 1940 г. книга «Служба связи в основных видах общевойскового боя (сд и ск)» [16]. 26 июля 1940 г. приказом Наркома обороны № 0037 Гапича назначили на должность начальника УСКА [10, с. 159].

ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ И РЕАБИЛИТАЦИЯ

По материалам домашнего архива за период пребывания в изоляции Н. И. Гапич написал свыше 60 заявлений в ЦК ВКП(б), Верховный Совет СССР, Генеральному прокурору СССР, наркому госбезопасности СССР и его заместителям о незаконности ареста и содержания под следствием, но ни одно из них по адресу направлено не было [VIII].

Во время следствия приказом НКО № 0011 от 29 января 1944 г. его уволили из кадров Красной Армии [VII, с. 90]. 15 февраля 1952 г. предложили безоговорочно подписать дело для передачи в суд. Однако он просил по ряду моментов написать свои замечания. Следователи предупредили, что если он так будет себя вести, то ещё просидит в тюрьме столько же. В такой же форме его предупредили и при выходе из тюрьмы, если осмелится куда-либо писать о том, что с ним было в тюрьме за 11 лет [VIII].

26 августа 1952 г. Н. И. Гапича обвинили в ненамеренном разглашении военной тайны, относившемся якобы к 1935 г., и на основании ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР Военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла приговор о направлении его в исправительно-трудовой лагерь на 10 лет, без поражения в правах и с лишением воинского звания «генерал-майор».

Однако уже 28 августа его освободили из Лефортовской тюрьмы по отбытию срока наказания. По мнению Гапича, вся «эта комедия» с судом была осуществлена, чтобы оправдать содержание в заключение без суда и следствия столь длительное время [VIII].

Постановлением Совета Министров СССР № 4375–1741 от 2 октября 1952 г. его, как осужденного за халатное отношение к службе лица начальствующего состава, которое могло своим последствием разгласить военную тайну, лишили воинского звания – «генерал-майор» [VII, с. 95].

Несмотря на угрозы следователей, Гапич продолжал подавать жалобы во все инстанции вплоть до президиума XIX съезда КПСС (5–14 октября 1952 г.). Такие письма писали многие. В результате была проведена тщательная проверка дел арестованных и осужденных в 1941–1952 гг. генералов и адмиралов. В ходе этой проверки установили, что многих из них арестовали

Гапич Н.И. после освобождения. 1952 г. / Gapich N.I. after release. 1952

и осудили необоснованно. 11 июля 1953 г. министр обороны СССР Н. А. Булганин, Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко и председатель Военной коллегии Верховного суда СССР А. А. Чепцов направили записку в Президиум Совета Министров (СМ) СССР с предложением о прекращении дел и полной реабилитации ряда этих генералов и адмиралов [11, с. 96]. 13 июля 1953 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление, обязывающее Военную Коллегию Верховного Суда СССР пересмотреть дела на осужденных генералов и адмиралов и реабилитировать их, в числе которых был и Н. И. Гапич [12, с. 58–59]. 28 июля 1953 г. его определением Военной коллегии Верховного Суда СССР реабилитировали [12, с. 58].

Беспокоясь о последствиях своей судимости для родственников, в одном из писем на имя первого заместителя министра обороны СССР Маршала Советского Союза Г. К. Жукова он писал: «... снятие судимости, не вернуло мне всех прав честного гражданина. Пятно осталось и продолжает угнетать не только меня, но и всех моих родственников. Так, мой сын гвардии капитан, член КПСС с первых дней войны непрерывно пробыл на фронте в арtpолку, дважды контужен, имеющий десять правительственных наград за период войны – уже 8 лет служит в отдаленных местах в Сибири, не может ни получить перевода куда-либо, ни поступить в ВУЗ. Уже выслужил почти два срока в капитанском звании и свыше 10 лет на одной должности. Это, несомненно, отражение моего позорного пятна» [VIII].

Николай Иванович решил уехать из Москвы к сыну-офицеру Алексею в г. Нижнеудинск Иркутской области, где поступил на работу в «Таджик-леспромхоз» в качестве десятника строительства, вскоре там стал председателем местного комитета «Профсоюза рабочих Леса и Сплава» и продолжал писать письма с ходатайствами [VIII].

Постановлением Совета Министров СССР № 2171-881 от 15 августа 1953 г. было отменено постановление СМ СССР от 2.10.1952 г. о лишении Гапича воинского звания – «генерал-майор». Его восстановили в рядах Советской армии и зачислили 28 августа 1953 г. в распоряжение Главного управления кадров Министерства обороны СССР [VII, с. 10]. Он написал 28 сентября 1953 г. рапорт об увольнении с военной службы по состоянию здоровья, который 21 октября 1953 г. и удовлетворили [VII, с. 90]. В 1954 г. его наградили орденом Ленина [4, с. 145].

Генерал-майор Н. И. Гапич (в центре) с коллегами по Министерству связи СССР
Major-General N.I. Gapich (center) with colleagues from the USSR Ministry of Communications

В последующем Гапич работал заместителем начальника инспекции (1956–1961), затем начальником 1-го управления Министерства связи СССР (1961–1964) [13, с. 776].

Умер Николай Иванович 16 марта 1964 г. и был похоронен с воинскими почестями на Головинском кладбище г. Москвы [14, с. 41–42].

По инициативе автора статьи, первого заместителя председателя Совета Межрегиональной общественной организации ветеранов военной службы «Ветераны войск связи Вооруженных Сил», её делегация в день 120-летия генерала Гапича (9 мая 2021 г.) почтила его память. На могилу возложили венок и цветы, провели митинг, на котором В.С. Хохлов рассказал о жизненном пути Н. И. Гапича и уроках, вытекающих из его

На могиле Н.И. Гапича. 9 мая 2021 г. / At the grave of N.I. Gapich. May 9, 2021

жизнедеятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Помнить о людях, положивших своё здоровье и жизнь на алтарь Отечества – благородная цель, истинная русская традиция. Они защитники земли Российской – лучшие сыны своего народа. Так есть и так будет. **Время не властно над исторической памятью, пока в сердцах миллионов людей остаются светлые образы защитников великой России.** Отдавая должное их деяниям, восстанавливая незримую связь времён через переломные, судьбоносные, трагические и героические события в летописи нашей родной земли, мы должны не только чтить и хранить память, но и быть достойными защитников Родины военного поколения.

Нынешнему поколению офицерского корпуса России, в том числе войск связи, необходимо всегда помнить о той высокой ответственности, которую возложило государство на командиров и начальников всех степеней, особенно руководителей центральных органов военного управления, командующих объединениями, за готовность воинских формирований и служб к выполнению боевых задач и всестороннему обеспечению боевых действий, какую суровую и высокую цену заплатил за нарушение управления войсками, низкую боеспособность войск связи начальник УСКА генерал-майор Н. И. Гапич: крушением жизненных и профессиональных целей, 11-летним заключением, личной трагедией, психологической травмой, подорванным здоровьем и преждевременным уходом из жизни. Поэтому трудно не согласиться с его выводом, который оказался «стрелочником» пренебрежительного отношения к вопросам связи органов государственных власти и военного управления СССР: «Опыт прошлого, доставшийся нам дорогой ценой, учит тому, что **всякая недооценка роли и значения связи, экономия средств на развитии промышленности техники связи и подготовке театра военных действий и страны в целом в отношении связи неизбежно в случае войны приведёт к тому, что произведённые крупные затраты на подготовку к обороне не дадут должного эффекта, а значит, окажутся неоправданными**» [15, с. 55].

Список литературы

1. *Конев В. П., Соловьев А. С.* О делах и людях Узла связи Генерального штаба. М.: Воениздат, 2003. – 280 с.
2. *Булычев И. Т.* О беседе с начальником связи Вооруженных Сил генералом Гапичем Николаем Ивановичем. Июль 1941 года. – *Хохлов В. С.* Связующее звено Победы. М.: МГИУ, 2015. – 748 с.
3. *Исаев А. В., Морозов М. Э.* Мифы Великой Отечественной. М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 381 с.
4. *Кузнецов И. И.* Судьбы генеральские: Высшие командные кадры Красной Армии в 1940–1953 гг. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 2000. – 465 с.
5. Связь Красной Армии в 1938–1942 гг.: уроки истории (сборник документов). Отв. секретарь В. С. Хохлов. М.: Перо, 2019. – 592 с.
6. *Хохлов В. С.* В предчувствии неотвратимости надвигающейся угрозы. Система связи и управления Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. – Военно-исторический журнал. 2008. № 5.
7. *Черушев Н. С., Черушев Ю. Н.* Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937–1941. Биографический словарь. М.: Кучково поле; Мегapolis, 2012. – 494 с.
8. Исторический обзор подготовки офицеров-связистов в Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации. Под общ. ред. нач. ВАГШ ВС РФ С. А. Макарова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ВАГШ, 2014. – 341 с.
9. *Гапич Н. И.* Служба связи в основных видах общевойскового боя (сд и ск). М.: Воениздат, 1940. – 304 с.
10. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21 июня 1941 г. М.: Терра, 1994. Т. 13 (2–1). – 368 с.
11. *Степанов В. С.* «Обязать МВД СССР...». – Военно-исторический журнал. 1994. № 2.
12. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х томах. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956 г. Сост. Артизов А.Н., Сигачев Ю.В., Хлопов В.Г., Шевчук И.Н. М.: Международный фонд «Демократия», 2000. – 503 с.
13. Главное управление связи Вооруженных Сил Российской Федерации: история создания и развития (1919–2019 гг.). Рук. авт. колл. В. С. Хохлов. М.: Авиация и спорт, 2019. – 864 с.
14. *Соловьев Д. Ю.* Все генералы Сталина. В 50-х томах. Т. 3. М., 2019. – 120 с.

Источники

- I. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 71. Оп. 12168. Д. 162.
- II. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 23.
- III. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 664. Оп. 2. Д. 6.
- IV. РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 2. Д. 7.
- V. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3527. Оп. 30. Д. 50.
- VI. ЦАМО РФ. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 3.
- VII. Главное управление кадров ВС РФ. Личное дело генерал-майора Н. И. Гапича.
- VIII. Домашний архив Н. И. Гапича.

Информация об авторе

Хохлов Владимир Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, академический советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Хохлов Владимир Сергеевич, e-mail: 13.mac1984@mail.ru

HISTORY IN THE FACES

Personalities

Nikolay Ivanovich Gapich:

"History will not forget that the Chief of Communications of the Red Army receives instructions on communications after the start of the war..."

Vladimir S. Khokhlov ^{1, 2} ✉

¹ *Research Institute (Military History) Military Academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8335-5955>, e-mail: 13.mac1984@mail.ru

² *Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences,
Moscow, Russian Federation,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8335-5955>, e-mail: 13.mac1984@mail.ru

Abstract:

The history of the signal troops, it would seem, is well known. But there are white spots in it, undeservedly forgotten pages and names. One of these names is Major General Nikolai Ivanovich Gapich, head of the Communications Department of the Red Army (USKA), who turned 120 years old on May 9, 2021. Pursuing the goal of restoring historical memory and justice, on the basis of studied and little-studied sources, the materials of the article will help to resurrect the name of General Gapich from oblivion, who did a lot for their development. Despite the presence of many works on communication troops, their authors consider communication issues in the most general form or indicate where control points were located in a particular operation, and how communication with the troops was organized, and it is mandatory that one of the main reasons for the defeats was its absence. They rarely contain a detailed analysis of the state of communications in the pre-war period, how it affected the fighting at the beginning of the Great Patriotic War, and how

communications developed during this war. At the same time, the object of consideration, as a rule, is the organization of communication in the operational and strategic management link. With rare exceptions, as if in passing, only some works show the place and role of the USK (since July 28, 1941-the Main Communications Department of the Red Army) and their superiors, including General Gapich. He is mentioned only in scientific reference works about the repressed. His last name is absent even in the Military Encyclopedia of the 1994–2004 edition. The author of this article has written about Gapich several times, but new archival sources have allowed the author to clarify certain significant pages of his biography from the beginning of his life to his release from prison, as well as to draw conclusions from the tragic fate of the general for the current generation of officers of the Armed Forces of Russia. General Gapich left us a number of articles, textbooks and books for students of military academies and colleges published in the pre-war period. After his death, his article "Some thoughts on management and Communications" was published in the seventh issue of the Military Historical Journal in 1965. The conclusions and lessons of this article remain relevant today.

Keywords:

Major-General Nikolay I. Gapich, USKA, head of communications, communications troops, arrest, investigation, rehabilitation

References

1. Konev V. P., Solovyov A. S., 2003, *O delakh i lyudyakh Uzla svyazi General'nogo shtaba* [About the affairs and people of the Communication Center of the General Staff]. Moscow: Voenizdat, 2003 – 280 s. (In Russ.)
2. Bulychev I. T., 2015, *O besede s nachal'nikom svyazi Vooruzhennykh Sil generalom Gapichem Nikolayem Ivanovichem. Iyul' 1941 goda* [About a conversation with the Chief of communications of the Armed Forces, General Nikolai Ivanovich Gapich. July 1941]. – V. S. Khokhlov, 2015, *Svyazuyushcheye zveno Pobedy* [The link of Victory]. Moscow: MGIU, 2015 – 748 s. (In Russ.)
3. Isaev A. V., Morozov M. E., 2008, *Mify Velikoy Otechestvennoy* [Myths of the Great Patriotic War]. Moscow: Yauza; Eksmo, 2008. – 381 s. (In Russ.)
4. Kuznetsov I. I., 2000, *Sud'by general'skiye: Vysshiye komandnyye kadry Krasnoy Armii v 1940–1953 gg.* [General's destinies: The highest command cadres of the Red Army in 1940–1953]. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk University, 2000 – 465 s. (In Russ.)
5. *Svyaz' Krasnoy Armii v 1938 – 1942 gg.: uroki istorii (sbornik dokumentov)* [Communications of the Red Army in 1938 – 1942: history lessons (collection of documents)]. Otv. secretary V. S. Khokhlov. Moscow: Pero, 2019. – 592 s. (In Russ.)
6. Khokhlov V. S., 2008, *V predchuvstvii neotvratimosti nadvigayushcheysoy ugrozy. Sistema svyazi i upravleniya Krasnoy Armii nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny* [In anticipation of the inevitability of the impending threat. The communication and control system of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War]. – *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 2008. № 5. (In Russ.)
7. Cherushev N. S., Cherushev Yu. N., 2012, *Rasstrelyannaya elita RKKA (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnnyye): 1937–1941. Biograficheskiy slovar'* [The executed elite of the Red Army (commanders of the 1st and 2nd ranks, komkor, komdiv and their equals): 1937–1941. Biographical dictionary]. Moscow: Kuchkovo field; Megapolis, 2012. – 494 s. (In Russ.)
8. *Istoricheskiy obzor podgotovki ofitserov-svyazistov v Voyennoy akademii General'nogo shtaba Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii* [Historical review of the training of signal officers at the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation]. Pod obshch. red. nach. VAGSH VS RF S. A. Makarova. 2-ye izd., ispr. i dop. Moscow: VAGSH, 2014 – 341 s. (In Russ.)
9. Gapich N. I., 1940, *Sluzhba svyazi v osnovnykh vidakh obshchevoyskovogo boya (sd i sk)* [Communication service in the main types of combined arms combat (sd and sk)]. Moscow: Voenizdat, 1940. – 304 s. (In Russ.)
10. *Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR. 1937 – 21 iyunya 1941 g.* [Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR. 1937 – 21 June 1941], Moscow: Terra, 1994. Vol. 13 (2–1). – 368 s. (In Russ.)
11. Stepanov V. S., 1994, «Obyazat' MVD SSSR...» [“Oblige the Ministry of Internal Affairs of the USSR... ”]. – *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 1994. № 2. (In Russ.)
12. *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Dokumenty Prezidiuma TSK KPSS i drugie materialy. V 3-kh tomakh. T. 1. Mart 1953 – fevral' 1956 gg.* [Rehabilitation: how it was. Documents of the Presidium of the Central Committee of the CPSU and other materials. In 3 volumes. Vol. 1. March 1953 – February 1956]. Sost. Artizov A. N., Sigachev Yu. V., Khlopov V. G., Shevchuk I. N. Moscow: Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya», 2000. – 503 s. (In Russ.)
13. *Glavnoye upravleniye svyazi Vooruzhennykh Sil Rossiyskoy Federatsii: istoriya sozdaniya i razvitiya (1919–2019 gg.)* [The Main Directorate of Communications of the Armed Forces of the Russian Federation: the history of creation and development (1919–2019)]. Ruk. avt. koll. V. S. Khokhlov. Moscow: Aviatsiya i sport, 2019. – 864 s. (In Russ.)
14. Solovyov D. Yu., 2019, *Vse generaly Stalina* [All Stalin's generals]. In 50 volumes. Vol. 3. Moscow, 2019. – 120 s. (In Russ.)
15. Gapich N. I., 1965, *Nekotoryye mysli po voprosam upravleniya i svyazi* [Some thoughts on management and communications]. – *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*. 1965. No. 7. (In Russ.)

УДК: 2-9(37)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-27-27

Поступила в редакцию: 07.07.2021 г.

Submitted: July 7, 2021

Опубликована: 14.08.2021 г.

Published online: August 14, 2021

Для цитирования: Самойловский А. Л. История папства: Synodus Horrenda – Трупный синод, Церковные соборы IX века // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 27-27.

<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-27-27>.

For citation: Samoylovskiy A. L. History of the papacy: Synodus Horrenda – The Cadaver Synod, 9th-century Christianity. *Nauka. Obshchestvo. Oborona = Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):27-27. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-27-27>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИЯ ВЕРОВАНИЙ, РЕЛИГИЙ, ЦЕРКВЕЙ

Оригинальная статья

История папства: Synodus Horrenda – Трупный синод, Церковные соборы IX века

Алексей Леонидович Самойловский ¹ ✉

¹ Сретенская Духовная Семинария,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-0798>, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

Аннотация:

Трупный синод – название одного из церковных судов 897 года, на котором было осуждено мертвое тело папы римского Формоза. Изучение христианств эпохи Средневековья имеет значение как в формировании нынешнего поколения верующих, так и клира Церкви. История времен упадка института папства дает информацию о жестокости тех людей, в частности клириков, которые, находясь в вечной погоне за властью и узурпацией человеческих ресурсов и умов, готовы были на самые бесчеловечные и немыслимые поступки. Изучив источники по теме, автор приходит к выводу, что Трупный синод олицетворяет все то, что творилось вокруг престола святого Петра во времена тотального кризиса римской церкви. В руках различных правящих династий она становилось разменной монетой, машиной уничтожения конкурентов, неугодных людей и мнений. Причем

именно те страшные времена дали возможность сформироваться Священной Римской империи. На протяжении всей истории мы видим похожие ужасающие события, которые зачастую несут в себе именно религиозную основу. Церковные законы, постановления иерархов, защита нравственности, мораль – все это может нести в себе оправдание нарушения свободы человека. И это касается не только Средних веков. И в наше время религия становится в руках людей банальной римской «фасцией», атрибутом власти и символом карающего правосудия. Такие люди ради своей выгоды готовы пойти на самые бесчеловечные поступки, прикрываясь при этом разнообразными и благими целями.

Ключевые слова:

папство, Папа Римский, Synodus Horrenda, Трупный синод, Церковный Собор, папа Формоза, Гвидониды, Арнульф, Стефан VI, Средневековье, Рим, Италия

ВВЕДЕНИЕ

Трупный синод – название одного из церковных судов 897 года, на котором было осуждено мертвое тело папы римского Формоза.

Актуальность темы обоснована тем, что изучение христианств эпохи Средневековья имеет значение в формировании нынешнего поколения верующих, в том числе клира Церкви. История времен упадка института папства дает информацию о жестокости тех людей, в частности клириков, которые, находясь в вечной погоне за властью и узурпацией человеческих ресурсов и умов, готовы были на самые бесчеловечные и немыслимые поступки. В настоящее время, технический прогресс облегчает ученым и историкам изучение и исследования в этой области. Ведь даже в XXI веке открываются новые подробности тех лет, в частности того суда, благодаря которым можно по-другому оценить причинно-следственные связи различных явлений и процессов Церковных соборов IX века.

Объектом исследования являются истории людей, их мотивация и действия, благодаря которым в истории человечества смогло произойти такое ужасающее событие, а также то, на что это событие повлияло в дальнейшей истории папства.

Цель данной работы: изучить и проанализировать историю Трупного синода, его предыстории и последствия. Для этого важно решить ряд научных задач, а именно:

- изучить предысторию трупного синода;
- описать политическую эпоху Средневековья;
- установить причины созыва этого синода;
- описать ход самого суда, его обвинения и постановления;
- проанализировать дальнейшую историю событий папства, связанных с этим судом.

Трупный синод на картине Жана-Поля Лорана, 1870 г.

Jean-Paul Laurens, Le Pape Formose et Étienne VII ("Pope Formosus and Stephen VII"), 1870

ПРЕДЫСТОРИЯ ТРУПНОГО СИНОДА (SYNODUS HORRENDA)

Прежде чем говорить о самом суде над папой римским Формозом, его особенностях и постановлениях, стоит рассмотреть предысторию и политическую картину тех лет, которые помогут выстроить последовательную картину этого неординарного события. Тем более, что акценты при описании этого происшествия многими расставляются не так, как это принято в методологии исторической науки с XX века.

В IX-X вв. весь институт папства переживал тяжелый кризис. Он утратил какую-либо власть и становился «марионеткой» в руках различных влиятельных группировок, в частности тускулумских и беневентских графов, различных неополитанских семейств и других феодальных домов. Какие-то из них были постоянно на стороне ещё существовавших королей Италии, другие же – выступали за императоров Запада, а третьи были сами по себе. Все эти семьи завидовали друг другу и постоянно боролись за превосходство, но их объединяло одно – стремление узурпировать папский трон, на котором сидеть должен непременно именно «их» ставленник, а особенно этого хотели маркграфы Сполето из дома Гвидонидов. Они и сыграли в этой всей истории немаловажную роль.

Всего лишь за 93 года сменилось 24 понтифика. В среднем, каждый понтификат длился три-четыре года. Этот период, с середины девятого века до середины десятого часто называют «железным веком папства» [16]. По словам Ричарда МакБрайена (**Richard P. McBrien**) католического священника и профессора университета Нотр-Дам в Саут-Бенде, эта эпоха была «омрачена папской коррупцией (в которую входила покупка и продажа церковных должностей, кумовство, расточительный образ жизни, внебрачное сожителство, жестокость и даже убийства) и влиянием германских королей и влиятельных римских семей на папство» [14]. Ирландский профессор истории христианства в университете Кембриджа Имон Даффи (**Eamon Duffy**) в своей книге «Святые и Грешники: История Пап» пишет, что в железном веке трон святого Петра становится неким «трофеем» для тиранов, а сама должность понтифика – это билет к власти и господству, ради которого люди готовы воровать, насилловать и убивать [8]. Такое соперничество не могло не оставить след в истории католической церкви. К примеру, семь понтификов умерли насильственной смертью или при невыясненных обстоятельствах, в том числе и папа Формоз.

Первым убитым папой был Иоанн VIII. Его сначала отравили, но так как яд подействовал не так быстро, как ожидалось, его забили до смерти тупым предметом [15]. Иоанн X и Лев V были помещены в тюрьму и там же убиты. А Иоанн XII, по некоторым источникам умер или от апоплексического удара во время «любовных утех», или же был убит возмущенным мужем этой женщины [12]. Иоанн XII стал папой в 18 лет, а Бонифаций VI был избран папой после того, как ранее дважды был низвергнут из сана за безнравственность, а тот самый Формоз до своего избрания вообще был отлучен от церкви, но потом все же восстановлен, так как его отлучение было не ради соблюдения нравственной чистоты церкви, а политическим ходом.

Что касается биографии самого Формоза, то в 864 году он стал епископом Порто, города на севере Португалии, в устье реки Дору, который попал под контроль мавров еще в 711 году. Но уже в 866 году он был послан в качестве легата в Болгарию, где Борис I просил папу Николая I сделать Формоза архиепископом Болгарии. Но Николай отказался.

После коронации Карла II Лысого в 875 году, Формоз был вынужден бежать из Рима так как в 872 году папой стал Иоанн VIII, который видел в Формозе конкурента и вел с ним ожесточенную борьбу. Опасения Формоза, как оказалось, были не напрасны, так как буквально через несколько месяцев в 876 году будет суд в Санта-Мария-Ротонде (он же «Пантеон» в Риме, который в 608 году был подарен папе Бонифацию IV, византийским императором Фокой и 13 мая 609 года он был освящен как христианская базилика [11]). На этом суде ему был выдвинут ряд обвинений. **Иоанн утверждал, что Формоз развращал умы болгар** и то, что он и его сподвижники пытались отнять власть у папы. За это он был отлучен от Церкви. На другом соборе 878 года, состоявшемся в Труа, Иоанн, подтвердил отлучение Формоза от церкви. Именно эта ссора с папой Иоанном и ляжет в основу обвинений, выдвинутых ему на Трупном синоде. Когда в 882 году скончался сам Иоанн VIII, Формоз был реабилитирован папой Мартином I, а также ему вернулась кафедра в Порто. А 6 октября 891 года Формоз был избран новым понтификом.

В это время на арену вступают те самые графы Сполето. В 892 году Формозу пришлось короновать императором Запада сына Гвидо III Сполетского – Ламберта. Он был еще очень юным, но Гвидо, который в свою очередь был коронован Иоанном VIII, озабочился вопросом передачи своего титула заранее, поэтому Ламберт

был в это время соправителем. Увеличение влияния и власти этой семьи Формозу так сильно не нравилось, что он призвал в Рим правителя восточного государства франков Арнульфа Каринтийского, который претендовал на трон Италии. Понтифик убедил его начать войну со сполетскими маркграфами.

Гвидо пришлось спрятаться в Павии, но Арнульф захватил менее защищенные города и наступал к Гвидо. Казалось, что план Формоза по свержению правящей семьи удался, но Арнульф, понеся большие потери и дойдя до Пьяченцы, был вынужден отступить из-за восстания Рудольфа Бургундского. 12 декабря 894 года, пытаясь мобилизовать своих сторонников в Ломбардии Гвидо внезапно умер. Конкурент Арнульфа – Беренгар Фриульский и юный Ламберт объединились, чтобы дать отпор Каролингу.

Арнульф пересек Альпы и взял штурмом Рим, который защищала вдова Гвидо – Агильтруда, и вот папа Формоз 22 февраля 896 года коронуют уже Арнульфа. Но тот из-за тяжелой болезни, которая началась еще во время боевых действий, был вынужден вернуться в Германию, где через три мучительных года скончался, а правителем Восточно-Франкского королевства вплоть до 911 года станет Людовик IV Дитя [1]. Формоз перехитрил сам себя, оставшись один на один со своими многочисленными врагами. И сразу же после коронации Арнульфа в 896 году он скончался. Он был похоронен в базилике Святого Петра. В конце года Ламберт, Агельтруда и Гвидо IV смогли выгнать из Рима германцев, а преемником престола святого Петра стал Папа Бонифаций VI, который умер двумя неделями позже. Об этих событиях подробно повествует средневековый итальянский дипломат, историк и писатель, **Лиутпранд Кременский**. Вскоре Ламберт и его мать вернулись в Рим, и папой стал Стефан VI, который и созвал Трупный синод в начале 897 года.

Традиционной точкой зрения на причину созыва этого синода является месть Гвидонидов Формозу за предательство и призыв Арнульфа к войне. Аннулировав папские указы и постановления, Ламберт мог вновь заявить свои права на императорскую корону, а заодно отомстить Формозу, хотя бы посмертно [5].

Однако, Джироламо Арнальди (**Girolamo Arnaldi**) утверждал, что Формоз не проводил исключительно про-Каролингскую политику и, что он даже имел дружеские отношения с Ламбертом еще в 895 году. Ключевую роль в этом процессе играл Гвидо IV, двоюродный брат Ламберта [3]. Эту теорию подтверждает и Джозеф Дюр (**Joseph Dühr**), который еще в 1932 году, утверждал, что Ламберт присутствовал на созванном папой Иоанном IX Равенском соборе 898 года, о котором будет сказано ниже. Именно на нем и будут отменены постановления Трупного синода и, согласно написанному протоколу суда, Ламберт активно поддерживал идею аннулирования этих постановлений и хотел реабилитировать его [7].

Поэтому трудно говорить из-за кого был созван Трупный синод, но на фоне всего того, что происходило в то время, неудивительным становится само его появление.

СУД НАД ТРУПОМ

Так или иначе под давлением или Ламберта, или Гвидо, либо кого-то еще, Папа Римский Стефан VI решил провести эксгумацию тела Формоза и провести над ним суд.

Тут стоит немного отступить от повествования и упомянуть, что на самом деле, понятие «Посмертной казни» (Posthumous execution) абсолютно традиционный ритуал, примеры которого можно найти на протяжении всей истории человечества, в самых разных местах земного шара. Единственное, что может отличаться, так это причина. Либо это делается с религиозной точки зрения, то есть для того, чтобы к примеру, создать препятствие дальнейшему воскрешению человека, либо для глумления над самой личностью, или причина может нести юридический характер, а именно привести в исполнение приговор, если преступник уже скончался.

Вот только некоторые примеры. Тело Гарольда I короля англосаксов, умершего в 1040 году, было кинуто в загон с животными по указу его сводного брата [13]. Симон де Монфор умер от ран, полученных в битве при Ившеме в 1265 году, а его труп был обезглавлен, кастрирован и четвертован рыцарями Генриха III английского. Голова отправилась в подарок его жене, ноги и руки – союзникам [10]. Джон Уиклиф, английский философ-схоласт, теолог, переводчик Библии, реформатор, священник и профессор семинарии Оксфордского университета, умерший в 1384 году, был сожжен как еретик по указу папы Мартина V через сорок пять лет после своей смерти, а его прах высыпали в реку Свифт [6]. Или же история генерала Грасиа Жака, сторонника Франсуа Дювалье, и

его тела, которое было эксгумировано и ритуально забито до смерти в 1986 году [4]. Поэтому **Трупный синод – очень страшное событие в католической церкви, но в мировой истории этот суд является лишь одним из многих проявлений человеческой жестокости и безрассудства.**

Таким образом, в начале 897 года тело, скончавшегося более полугодом назад папы, извлекли из могилы, в облачении доставили на судебное заседание, которое развернулось в Латеранской базилике (St. John Lateran). Хотя его имя в переводе с латыни означает «красивый, изящный [17]», но на суде Формоз предстал явно не в лучшей форме. Так как труп не мог ничего пояснить по сути предъявленных обвинений, за покойника отвечал, подражая его голосу, спрятавшийся за трон дьякон. Стенограмма суда, к сожалению, не сохранилась или же никогда и не существовала [16].

Формозу вменялись обвинения, которые еще при его жизни выдвигал Иоанн VIII для его отлучения. Это – лжесвидетельство, стремление к папству, нарушение церковных канонов, переход с одной епископской кафедры на другую в обход установленного Никейским собором запрета, а также совершение им, мирянином, религиозных таинств, и самое главное – венчание на царство Арнульфа при жизни законных императоров Гвидо и Ламберта.

Стефан VI спрашивал труп, почему он узурпировал Вселенский Римский престол в духе честолюбия, а также почему он совершил лжесвидетельство и почему он пытался исполнять обязанности епископа будучи мирянином. Это обвинение, возможно, связано с клятвой, которую якобы Формоз принес на Соборе в Труа в 878 году, хотя некоторые источники указывают на то, что Формоз на этом соборе отсутствовал [9].

По итогу, он был осужден судом по всем пунктам, весь его понтификат был признан вне закона. То есть, избрание Формоза на папство было объявлено недействительным, были отменены все его распоряжения, пальцы, которыми он давал папское благословение были отрублены. Труп был лишен папского облачения, регалий, а впоследствии облачен в дешевую одежду и похоронен в общей могиле для чужеземцев. Позже оно было выкопано, вероятно, кладбищенскими ворами, ожидавшими богатой наживы и сброшено в реку Тибр. Так как коронация Арнульфа Формозом была признана недействительной, Ламберт и Гвидо избавились от массы проблем с претензиями на их титулы. Таким образом, может показаться, что как семья маркграфов, так и Стефан VI от собора получили только выгоду, ведь первые вернули себе права и титулы, а папа полностью очернил деятельность своего предшественника, но на самом деле их проблемы только усугубились.

ПОСЛЕДСТВИЯ

Как уже было сказано выше, такой суд для Стефана обернулся только новыми проблемами. Народ Рима был очень возмущен таким поведением папы, к тому же поползли слухи о чудесах, которые были вызваны плававшими в реке останками Формоза. Вовремя самого синода Латеранский храм потрясло землетрясение, а в умах религиозных людей такие совпадения не случайны – это символ, знак, который пробудил в людях негодование по отношению ко всем противникам Формоза.

Римский народ взбунтовался, Ламберт вернулся в Павию, а в 897 году в марте от рук убийц в окрестностях Рима умер герцог Гвидо IV, тело которого тоже сбросили в ближайшую реку. Агелтруда, мать Ламберта отправилась в Беневенто, где от имени императора передала управление своему брату Радельхизу II [2]. Произошел переворот, и Стефан VI был низложен, лишен великолепной папской одежды, заключен в тюрьму и в августе 897 года там же и задушен.

Три месяца спустя другой папа, Феодор II, чей понтификат длился всего 20 дней, в ноябре 897 года, созвал синод, который аннулировал постановления Стефана и сам Трупный синод, и полностью реабилитировал Формоза. Так же он приказал перезахоронить тело последнего, которое было извлечено из Тибра, в Базилике Святого Петра в папском облачении.

В 898 году папа Иоанн IX, который будет занимать эту должность всего лишь два года, с одобрения Ламберта Сполетского, тоже созвал синод в Риме, а затем другой в Равенне. Два синода, подтвердили постановления Феодора II, и вновь осудили Трупный синод. Было приказано сжечь все относящиеся к нему документы и любой

будущий суд над умершим был запрещен. Важно отметить, что собор все равно аннулировал коронацию Арнульфа и поддержал Ламберта. Поэтому, можно предположить, что эти новые постановления помогли Ламберту защитить себя от гнева народа, но при этом сохранить свой титул. Однако, в августе вспыхнул мятеж маркграфа Тосканы Адальберта II, и Ламберту пришлось выступить против него. Подавить восстание ему удалось, но 15 октября на охоте Ламберт упал с лошади и умер, а с его смертью прервался и весь его род.

Казалось бы, история Трупного синода исчерпана, два понтифика его осудили, три синода его постановления аннулировали, но все это время за кулисами шла борьба между сторонниками и противниками Формоза. За это время на папском престоле сменилось семь пап, многие из которых умирали при невыясненных обстоятельствах, и на политическую арену вступает папа Сергей III. Власти он добился при помощи вооруженной поддержки Теофилактов, графов тускулумских, а своих предшественников – папу Льва V и антипапу Христофора приказал убить. Он был главой римской церкви с 904 по 911 год, и отменил решения синодов Феодора II и Иоанна IX, созвав синод, который подтвердил деятельность Трупного Синода и осудил Формоза в очередной раз. Он даже установил на могиле Стефана VI хвалебную эпитафию. Всех преемников Стефана Сергей считал антипапами. Эти решения могут обосновываться тем, что Сергей III принимал участие в самом трупном синоде в качестве епископа и со-судьи («co-judge») [16].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что, хотя сегодня и существует практически единогласное мнение среди ученых и богословов, как внутри, так и вне католической церкви, что Трупный синод был незаконным и чудовищным, что все обвинения против Формоза сняты, а решения недействительны, но при этом **указы Сергия III являются на данный момент последним официальным заявлением Римско-Католической Церкви о законности Трупного Синода** [16]. Как отмечает Макбрайен, не даром поэтому, «никогда не было папы Формоза II, хотя кардинала Пьетро Барбо пришлось отговаривать от принятия этого имени в 1464 году. Вместо этого он взял имя Павел II» [14]. Именно с папы Сергия III, одного из самых кровавых понтификов в истории католицизма начинается известный и скандальный период «порнокрапии», который продлится шестьдесят лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трупный синод является, пожалуй, событием, олицетворяющим все то, что творилось вокруг престола святого Петра во времена тотального кризиса римской церкви. В руках различных правящих династий она становилась разменной монетой, машиной уничтожения конкурентов, негодных людей и мнений. Хотя именно эти страшные времена дали возможность сформироваться Священной Римской империи.

На протяжении всей истории мы видим похожие ужасающие события, которые зачастую несут в себе именно религиозную основу. Церковные законы, постановления иерархов, защита нравственности, мораль – все это может нести в себе оправдание нарушения свободы человека. И это касается не только Средних веков, так как и в наше время религия становится в руках людей – банальной римской «фасцией», атрибутом власти и символом карающего правосудия. Такие люди ради своей выгоды готовы пойти на самые бесчеловечные поступки, прикрываясь при этом самыми разнообразными и благими целями.

Список литературы

1. *Лиутпранд Кремонский*. Антаподосис. Книга об Оттоне; Отчет о посольстве в Константинополь / Пер. с лат. и комментарии И. В. Дьяконова. Москва: «SPSL» – «Русская панорама», 2006. - 192 с.
2. *Фазоли Дж.* Короли Италии. СПб.: Евразия, 2007. - 288 с.
3. *Arnaldi Girolamo*. Papa Formoso e gli imperatori della casa di Spoleto. – *Annali della facoltà di lettere e filosofia di Napoli* 1 (1951), P. 85.
4. *Brooke James*. Times, Special to the New York (9 February 1986). "Haitians Take Out 28 Years Of Anger On Crypt". <https://www.nytimes.com/1986/02/09/world/haitians-take-out-28-years-of-anger-on-crypt.html>.
5. Catholic Encyclopedia: Pope Formosus: <https://www.catholic.org/encyclopedia/view.php?id=4783>.
6. *Conti Alessandro, John Wyclif*. Stanford Encyclopedia of Philosophy: <https://plato.stanford.edu/entries/wyclif/>.
7. *Duhr Joseph*. La concile de Ravenne in 898: la réhabilitation du pape Formose. – *Recherches de science religieuse*, 22, 1932, P. 546.
8. *Eamon Duffy*. Saints and Sinners: A History of the Popes. Yale University Press, 2002, P.462. <https://archive.org/details/livesofpopesine11mann>

9. *Hubert Mordek and Gerhard Schmitz.* Papst Johannes VIII und das Konzil von Troyes. – In: *Geschichtsschreibung und Geistiges Leben im Mittelalter: Festschrift für Heinz Löwe zum 65. Geburtstag*, ed. Karl Hauck and Hubert Mordeck. Cologne. 1978, P. 212.
10. *Jones Dan.* The Plantagenets: The Kings Who Made England. London: William Collins, 2013, P. 280.
11. *MacDonald William L.* The Pantheon: Design, Meaning, and Progeny. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P.18.
12. *Mann Horace K.* The lives of the popes in the early middle ages. St. Louis, Mo.: B. Herder; [London] : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1906. P. 460.
13. *Mason Emma, Shoemaker Robert Brink.* The House of Godwine: The History of a Dynasty. A&C Black, 2004. Pp. 39-40.
14. *McBrien Richard P.* Lives of the Popes: The Pontiffs from St. Peter to John Paul II. San Francisco: HarperSan Francisco, 1997. P. 520.
15. *O'Malley John W.* A History of the Popes: From Peter to the Present, 2009. Government Institutes, P. 79.
16. *Wilkes Donald E. Jr.* The Cadaver Synod: Strangest Trial in History. Popular Media, 2002. P. 42. https://digitalcommons.law.uga.edu/fac_pm/42.

Информация об авторе

Самойловский Алексей Леонидович, студент Сретенской Духовной Семинарии, г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Самойловский Алексей Леонидович, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

---

HISTORY OF FAITH, RELIGION, DENOMINATION OR CHURCH

Original Paper

History of the papacy: Synodus Horrenda – The Cadaver Synod, 9th-century Christianity

Alexey L. Samoylovskiy ¹ ✉

¹ *Sretensky Theological Seminary, Moscow, Russian Federation,*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7693-0798>, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

Abstract:

The Cadaver Synod (also called the Cadaver Trial; Latin: Synodus Horrenda) is the name commonly given to the ecclesiastical trial of Pope Formosus, who had been dead for about seven months, in the Basilica of St. John Lateran in Rome during January 897. The relevance of the topic is justified by the fact that the study of Christianity of the Middle Ages is important in the formation of the current generation of believers and the clergy of the Church. The history of the decline of the institution of the papacy gives information about the cruelty of those people, in particular clerics, who, being in the eternal pursuit of power and the usurpation of human resources and minds, were ready for the most inhuman and unthinkable acts. At present, technological progress makes it easier for scientists and historians to study and research in this area, because even in the XX century new details of those years, in particular this trial, are being discovered, thanks to which it is possible to assess the cause-and-effect relationships of various phenomena and processes of Church councils of the IX century in a different way. Summing up the sources studied on the topic, we can say that the corpse synod is, perhaps, an event that embodies everything that was happening around the throne of St. Peter during the total crisis of the Roman Church. In the hands of various ruling dynasties, it became a bargaining chip, a machine for destroying competitors, undesirable people and opinions. Although it was these terrible times that made it possible to form the Holy Roman Empire. Throughout history, we see similar horrific events, which often have a religious basis. Church laws, decisions of hierarchs, protection of morality, morality-all this can justify the violation of human freedom. And this applies not only to the Middle Ages and in our time, religion is becoming in the hands of people – a banal Roman "fascia", an attribute of power and a symbol of punishing justice. Such people are ready to commit the most inhumane acts for their own benefit, while hiding behind the most diverse and good goals.

Keywords:

papacy, Pope, Synodus Horrenda, Cadaver Synod, council, Cadaver Trial, Christianity, Pope Formosus, Guidonides, Arnulf, Stephen VI, Medieval, Rome, Italy

INTRODUCTION

The Cadaver Synod is the name of one of the church courts of 897, at which the dead body of Pope Formosus was condemned.

The relevance of the topic is justified by the fact that the study of Christianity of the Middle Ages is important in the formation of the current generation of believers and the clergy of the Church. The history of the decline of the institution of the papacy gives information about the cruelty of those people, in particular clerics, who, being in the eternal pursuit of power and the usurpation of human resources and minds, were ready for the most inhuman and unthinkable acts. At present, technological progress makes it easier for scientists and historians to study and research in this area, because even in the XX century new details of those years, in particular this trial, are being discovered, thanks to which it is possible to assess the cause-and-effect relationships of various phenomena and processes of Church councils of the IX century in a different way.

The object of the study is the stories of people, their motivation and actions, thanks to which such a terrifying event could happen in the history of mankind, although not the most cruel and terrible, as well as what this event influenced the history of the papacy in the future.

The purpose of this work is to study and analyze the history of the Cadaver Synod. Give a conclusion about its background and consequences. To do this, it is important to solve a number of tasks that require careful consideration, namely:

- to study the background of the Cadaver Synod;
- describe the political situation of the Middle Ages;
- to establish the reasons for the convocation of this synod;
- describe the course of the court itself, its charges and decisions;
- to analyze the further history of the events of the papacy related to this court.

THE BACKSTORY OF THE CADAVER SYNOD (SYNODUS HORRENDA)

Before talking about the trial of Pope Formosus himself (Fig. 1 [17]), its "features" and resolutions, it is worth considering the background and political picture of those years, which will help build a consistent picture of this extraordinary event. Moreover, many people place accents when describing this incident not in the way that is customary in the methodology of historical science since the twentieth century.

In the IX-X centuries, the entire institution of the papacy was experiencing a severe crisis. He lost any power and became a "puppet" in the hands of various influential groups, in particular the counts of Tusculum and Benevento, various Neopolitan families and other feudal houses. Some of them were constantly on the side of the still existing kings of Italy, while others were in favor of the emperors of the West, and others were on their own. All these families were jealous of each other and constantly fought for superiority, but they were united by one thing - the desire to usurp the papal throne, on which "their" protege should certainly sit, and especially the margraves of Spoleto from the house of Guidonides wanted this. They played an important role in this whole story.

In just 93 years, 24 pontiffs were changed. On average, each pontificate lasted three to four years. This period, from the middle of the ninth century to the middle of the tenth, is often called the "iron Age of the papacy" [16]. According to Richard P. McBrien, a Catholic priest and professor at the University of Notre Dame in South Bend, this era was "overshadowed by papal corruption (which included the purchase and sale of church posts, nepotism, wasteful lifestyle, extramarital cohabitation, cruelty and even murder) and the influence of German kings and influential Roman families on the papacy" [14]. Eamon Duffy, an Irish professor of the history of Christianity at the University of Cambridge, writes in his book "Saints and Sinners: The History of Popes" that in the Iron Age, the throne of St. Peter becomes a kind of

«trophy» for tyrants. The position of pope is a ticket to power and domination, for which people are ready to steal, rape and kill [8]. Such rivalry could not but leave a mark in the history of the Catholic Church. For example, seven pontiffs died violently or under unclear circumstances, including Pope Formosus.

The first pope that was killed was John VIII. He was first poisoned, but since the poison did not act as quickly as expected, he was beaten to death with a blunt object [15]. John X and Leo V were put in prison and killed. And John XII, according to some sources, either died of apoplexy during "love joys", or was killed by the indignant husband of this woman [12]. John XII became pope at the age of 18, and Boniface VI was elected pope after having previously been twice deposed for immorality, and the same Formosus was excommunicated from the church before his election, but then still restored, since his excommunication was not for the sake of maintaining the moral purity of the church, but a political move.

As for the biography of Formosus himself, in 864 he became bishop of Porto, a city in the north of Portugal, at the mouth of the Douro River, which fell under the control of the Moors in 711. In 866, he was sent as a legate to Bulgaria, where Boris I asked Pope Nicholas I to make Formosus Archbishop of Bulgaria. However, Nikolai refused.

After the coronation of Charles II the Bald in 875, Formosus was forced to flee from Rome because in 872 John VIII became pope, who saw Formosus as a competitor and waged a fierce struggle with him. Formosus's fears, as it turned out, were not in vain, since just a few months later in 876 there will be a trial in Santa Maria Rotonda (aka the "Pantheon" in Rome, which in 608 was presented to Pope Boniface IV by the Byzantine Emperor Phocaea and on May 13, 609 it was consecrated as a Christian basilica [11]). At this trial, Formosus was charged. John claimed that he was corrupting the minds of Bulgarians and that he and his associates were trying to take power from the pope. For this, he was excommunicated from the Church. At another council of 878, which held in Troyes, John confirmed the excommunication of Formosus from the church. This quarrel with Pope John that will form the basis of the accusations brought against him at the Cadaver Synod. When John VIII himself died in 882, Pope Martin I rehabilitated Formosus, and gave him a bishop's title of Porto again. And on October 6, 891, Formosus became the new pontiff.

At this time, the very counts of Spoleto enter the arena. In 892, pope had to crown the son of Guido III of Spoleto, Lambert, as Emperor of the West. He was still very young, but Guido, who in turn was crowned by John VIII, took care of the issue of transferring his title in advance, so Lambert was co-ruler at that time. The increase in the influence and power of this family was so much disliked by Formosus that he called to Rome the ruler of the eastern state of the Franks, Arnulf of Carinthia, who claimed the throne of Italy. The pontiff persuaded him to start a war with the Margraves of Spoleto.

Guido had to hide in Pavia, but Arnulf captured the less protected cities and advanced to Guido. It seemed that Formosus's plan to overthrow the ruling family was successful, but Arnulf, having suffered heavy losses and reached Piacenza, and retreat due to the uprising of Rudolf of Burgundy. On December 12, 894, while trying to mobilize his supporters in Lombardy, Guido suddenly died. Arnulf's rival-Berengar of Friuli and the young Lambert united to fight back against the Carolingian.

Arnulf crossed the Alps and stormed Rome, which was defended by Guido's widow, Agiltruda, and now Pope Formosus is crowning Arnulf on February 22, 896. But because of a serious illness that began during the fighting, he was forced to return to Germany, where he died after three years, and Louis IV the Child will become the ruler of the East Frankish Kingdom until 911 [1]. Formosus outsmarted himself, left alone with his numerous enemies. Moreover, immediately after the coronation of Arnulf in 896, he died. He was buried in St. Peter's Basilica. At the end of the year, Lambert, Ageltruda and Guido IV were able to expel the Germans from Rome, and Pope Boniface VI became the successor to the throne of St. Peter, who died two weeks later. These events are described in detail by the medieval Italian diplomat, historian and writer, Liutprand of Cremona. Soon Lambert and his mother returned to Rome, and Stephen VI became pope, who convened the Cadaver Synod in the beginning of 897.

The traditional point of view on the reason for the convocation of this synod is the revenge of the Guidonids on Formosus for the betrayal and the call of Arnulf to war. Having annulled the papal decrees, Lambert could re-assert his rights to the imperial crown, and at the same time take revenge on Formosus, at least posthumously [5].

However, Girolamo Arnaldi claimed that Formosus did not pursue an exclusively pro-Carolingian policy and that he even had friendly relations with Lambert in 895. Guido IV, Lambert's cousin, played a key role in this process [3]. Joseph Duhr, who in 1932 claimed that Lambert was present at the Council of Ravenna convened by Pope John IX in 898, which will be discussed later, confirms this theory. It was on him that the decisions of the Cadaver Synod would be canceled, and according to the written protocol of the court, Lambert actively supported the idea of annulling these decisions and wanted to rehabilitate him [7].

Therefore, it is difficult to say because of whom the Cadaver Synod was convened, but against the background of all that was happening at that time, his occurrence is not surprising.

THE CADAVER SYNOD

Anyway, under pressure from either Lambert, or Guido, or someone else, Pope Stephen VI decided to exhume the body of Formosus and hold a trial over him.

Here it is worth digressing a little from the narrative and mentioning that in fact, the concept of "Posthumous execution" is a traditional ritual, and examples of which can be found throughout the history of mankind, in various places of the globe. The only thing that may differ is the reason. Either this is done from a religious point of view, that is, in order, for example, to create an obstacle to the further resurrection of a person, or to mock the person himself, or the reason may be of a legal nature, namely to execute the sentence if the criminal has already died.

Here are just some examples. The body of Harold I, king of the Anglo-Saxons, who died in 1040, was thrown into a pen with animals by decree of his half-brother [13]. Simon de Montfort, died of wounds received at the Battle of Evesham in 1265, and his corpse was beheaded, castrated and quartered by the knights of Henry III of England. The head was sent as a gift to his wife, the legs and arms to his allies [10]. John Wycliffe, an English scholastic philosopher, theologian, Bible translator, reformer, priest and professor of the seminary of the University of Oxford, who died in 1384, was burned as a heretic by decree of Pope Martin V forty-five years after his death, and his ashes were poured into the Swift River [6]. For example the story of General Gracia Jacques, a supporter of Francois Duvalier, whose body was exhumed and ritually beaten to death in 1986 [4]. Therefore, this Synod is a very terrible event in the Catholic Church, but in world history this court is only one of many manifestations of human cruelty and recklessness.

Thus, at the beginning of 897, the body of the pope, who had died more than six months ago, was removed from the grave, and in vestments was brought to the court session, which unfolded in the Lateran Basilica (St. John Lateran). Although his name in Latin means "beautiful, elegant [17]" but Formosus did not appear in his best «form» at the trial. Since the corpse could not explain anything about the essence of the charges, the deacon, hiding behind the throne, answered for the deceased, imitating his voice. Unfortunately, the transcript of the trial has not been preserved or has never existed [16].

Formosus was charged with the accusations that John VIII had made during his lifetime for his excommunication. These are perjury, striving for the papacy, violation of church canons, moving from one episcopal see to another, bypassing the ban established by the Council of Nicaea, as well as performing religious sacraments by him, a layman, and most importantly, the wedding of Arnulf to the kingdom during the lifetime of the legitimate emperors Guido and Lambert.

Stephen VI asked the corpse why he usurped the Ecumenical Roman See in the spirit of ambition, and also why he committed perjury and why he tried to fulfill the duties of a bishop as a layman. This accusation may be related to the oath that Formosus allegedly took at the Council of Troyes in 878, although some sources indicate that Formosus was not present at this council [9].

As a result, he was convicted by the court on all counts, his entire pontificate was outlawed. That is, the election of Formosus to the papacy was declared invalid, all his orders were canceled, the fingers with which he gave the papal blessing were cut off. The corpse was stripped of his papal vestments, regalia, and later dressed him in cheap clothes and buried in a common grave for foreigners. Later, cemetery thieves who expected rich profit and dumped into the Tiber River probably dug up his body. Since the coronation of Arnulf by Formosus was declared invalid, Lambert and Guido got rid of many problems with claims to their titles. Thus, it may seem that both the Margrave family and Stephen

VI only benefited from the council, because the former regained their rights and titles, and the pope completely denigrated the activities of his predecessor, but in fact their problems only worsened.

CONSEQUENCES

As already mentioned above, such a trial for Stefan turned into new problems. The people of Rome were very indignant at this behavior of the pope, and rumors began to spread about the miracles that were caused by the remains of Formosus's corpse floating in the river. During the synod itself, the Lateran Church was shaken by an earthquake, and such coincidences are not accidental in the minds of religious people – this is a symbol, a sign that awakened indignation in people towards all opponents of Formosus.

The Roman people rebelled, Lambert returned to Pavia, and in March 897, Duke Guido IV died at the hands of assassins near Rome, whose body was also thrown into a nearby river. Ageltruda, Lambert's mother, went to Benevento, where, on behalf of the emperor, she handed over the administration to her brother Radelchis II [2]. A coup took place, and Stephen VI was deposed, stripped of his magnificent papal clothes, imprisoned and strangled there in August 897.

Three months later, another pope, Theodore II, whose pontificate lasted only 20 days, in November 897, convened a synod that annulled the decrees of Stephen and the Cadaver Synod itself, and completely rehabilitated Formosus. He also ordered that the body of the latter, which was extracted from the Tiber, be reburied in St. Peter's Basilica in papal vestments.

In 898, Pope John IX, who would hold this position for only two years, with the approval of Lambert of Spoleto, also convened a synod in Rome, and then another in Ravenna. Two Synods confirmed the decisions of Theodore II, and again condemned the Cadaver Synod. It was ordered to burn all documents related to him and any future trial of the deceased was prohibited. It is important to note that the council still annulled the coronation of Arnulf and supported Lambert. Therefore, it can be assumed that these new regulations helped Lambert to protect himself from the anger of the people, but at the same time retain his title. However, in August, the rebellion of the Margrave of Tuscany, Adalbert II, broke out, and Lambert had to act against him. He managed to suppress the uprising, but on October 15, Lambert fell off his horse and died while hunting, and with his death, his entire family was interrupted.

It would seem that the history of the Cadaver Synod is exhausted, two pontiffs condemned it, three synods annulled its resolutions, but all this time there was a struggle behind the scenes between supporters and opponents of Formosus. During this time, seven popes have been replaced on the papal throne, many of whom died under unclear circumstances, and Pope Sergius III enters the political arena. He achieved power with the help of the armed support of the Theophylactes, the counts of Tusculum, and he ordered to kill his predecessors Pope Leo V and Antipope Christopher. He was the head of the Roman Church from 904 to 911, and he overturned the decisions of the synods of Theodore II and John IX, calling a synod that confirmed the activities of the Cadaver Synod and condemned Formosus once again. He even installed a laudatory epitaph on the grave of Stephen VI. Sergius considered all the successors of Stephen to be antipopes. These decisions can be justified by the fact that Sergius III took part in the Cadaver Synod itself as a bishop and co-judge [16].

Summing up the above, we can conclude that, although today there is almost a unanimous opinion among scientists and theologians, both inside and outside the Catholic Church, that the Cadaver Synod was illegal and monstrous, that all charges against Formosus have been dropped, and the decisions are invalid, but at the same time the decrees of Sergius III are at the moment the last official statement of the Roman Catholic Church about the legality of the Cadaver Synod [16]. As McBrien notes, it is not for nothing that, “ there was never a pope Formosus II, although Cardinal Pietro Barbo had to be dissuaded from adopting this name in 1464. Instead, he took the name Paul II” [14]. With the reign of Pope Sergius III, one of the most bloodthirsty pontiffs in the history of Catholicism, famous and scandalous period of «pornocracy» begins, which will last sixty years.

CONCLUSION

Summing up all the above, we can say that the Cadaver Synod is, perhaps, an event that embodies everything that was happening around the throne of St. Peter during the total crisis of the Roman Church. In the hands of various ruling

dynasties, it became a bargaining chip, a machine for destroying competitors, undesirable people and opinions. Although it was these terrible times that made it possible to form the Holy Roman Empire.

Throughout history, we see similar horrific events, which often carry a religious basis. Church laws, decisions of hierarchs, protection of morality - all this can justify the violation of human freedom. And this applies not only to the Middle Ages, since, even in our time, religion is becoming in the hands of people – a banal Roman "fascia", an attribute of power and a symbol of punishing justice. Such people are ready to commit the most inhumane acts for their own benefit, while hiding behind the most diverse and good goals.

References

1. Liutprand Kremonskij. Antapodosis, 2006, *Kniga ob Ottone; Otchet o posol'stve v Konstantinopol' /* Perevod s lat. i kommentarii I. V. D'yakonova [Antapodosis; A book about Otto; An account of the embassy to Constantinople / Translated from Lat. and comments by I. V. Diakonov]. Moscow: «SPSL» – «Russkaya panorama», 2006. - 192 s. (In Russ.)
2. Fazoli Dzh, 2007, *Koroli Italii* [The kings of Italy]. St.-Peterburg: Eurasia, 2007. – 288 p. (In Russ.)
3. Arnaldi Girolamo, 1951, Papa Formoso e gli imperatori della casa di Spoleto. – *Annali della facoltà di lettere e filosofia di Napoli*, 1 (1951), P. 85.
4. Brooke James, 1986, *Times*, Special to the New York (9 February 1986). "Haitians Take Out 28 Years Of Anger On Crypt". <https://www.nytimes.com/1986/02/09/world/haitians-take-out-28-years-of-anger-on-crypt.html>.
5. *Catholic Encyclopedia*: Pope Formosus: <https://www.catholic.org/encyclopedia/view.php?id=4783>.
6. Conti Alessandro, John Wyclif. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*: <https://plato.stanford.edu/entries/wyclif/>.
7. Duhr Joseph, 1932, La concile de Ravenne in 898: la réhabilitation du pape Formose. – *Recherches de science religieuse*, 22, 1932, P. 546.
8. Eamon Duffy, 2002, *Saints and Sinners: A History of the Popes*. Yale University Press, 2002, P.462. <https://archive.org/details/livesofpopesine11mann>
9. Hubert Mordek and Gerhard Schmitz, 1978, Papst Johannes VIII und das Konzil von Troyes. – In: *Geschichtsschreibung und Geistiges Leben im Mittelalter: Festschrift für Heinz Löwe zum 65. Geburtstag*, ed. Karl Hauck and Hubert Mordeck. Cologne. 1978, P. 212. (In German)
10. Jones Dan, 2013, *The Plantagenets: The Kings Who Made England*. London: William Collins, 2013, P. 280.
11. MacDonald William L., 1976, *The Pantheon: Design, Meaning, and Progeny*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P.18.
12. Mann Horace K., 1906, *The lives of the popes in the early middle ages*. St. Louis, Mo.: B. Herder; [London] : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1906. P. 460.
13. Mason Emma, Shoemaker Robert Brink, 2004, *The House of Godwine: The History of a Dynasty*. A&C Black, 2004. Pp. 39-40.
14. McBrien Richard P., 1997, *Lives of the Popes: The Pontiffs from St. Peter to John Paul II*. San Francisco: HarperSan Francisco, 1997. P. 520.
15. O'Malley John W., 2009, *A History of the Popes: From Peter to the Present*, 2009. Government Institutes, P. 79.
16. Wilkes Donald E. Jr., 2002, *The Cadaver Synod: Strangest Trial in History*. Popular Media, 2002. P. 42. https://digitalcommons.law.uga.edu/fac_pm/42.

Information about the author

Alexey L. Samoylovskiy, student of Sretensky Theological Seminary, Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Alexey L. Samoylovskiy, e-mail: alexsamoylovskiy@gmail.com

УДК: 93/94:321+35(470)

DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-28-28

Поступила в редакцию: 17.08.2021 г.

Submitted: August 17, 2021

Опубликована: 24.09.2021 г.

Published online: September 24, 2021

Для цитирования: Бельский В. Ю., Марченя П. П. «Нужно встать на плечи предков» [Рецензия на кн.: Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. Москва: Прометей, 2021. 800 с.] // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, № 3(28). С. 28–28. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-28-28>.

For citation: Belskiy V. Yu., Marchenya P. P. "It is necessary to stand on the shoulders of the ancestors" [Review of the book: Kiknadze V. G. Russian policy of protecting historical truth and countering the propaganda of fascism, extremism and separatism. Moscow: Prometey, 2021. 800 s.]. *Nauka. Obshchestvo. Oborona* = *Science. Society. Defense*. Moscow. 2021;9(3):28-28. (In Russ.).
<https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-28-28>.

Конфликт интересов: О конфликте интересов, связанном с этой статьей, не сообщалось.

Conflict of Interest: No conflict of interest related to this article has been reported.

© 2021 Автор(ы). Статья в открытом доступе по лицензии Creative Commons (CC BY). <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

© 2021 by Author(s). This is an open access article under the Creative Commons Attribution International License (CC BY)

ИСТОРИОГРАФИЯ

Рецензия

«Нужно встать на плечи предков»

Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. М.: Прометей, 2021. 800 с.

Виталий Юрьевич Бельский ¹ ✉, Павел Петрович Марченя ²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: v.belskiy@bk.ru

² Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
г. Москва, Российская Федерация,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-2640>, e-mail: marchenyap@gmail.com

Аннотация:

Рецензируемая книга В.Г. Кикнадзе рассматривается как актуальный ответ на важные вызовы современности, связанные с защитой исторической правды, информационной безопасности, культурной идентичности и цивилизационного суверенитета России. Авторы рецензии выражают надежду, что этот труд вызовет интерес не только у профессиональных экспертов, но и у молодого поколения, пытающегося разобраться в сложных перипетиях отечественной и мировой истории и политики. И также не будет обойден вниманием со стороны власти и политических элит России, заинтересованных в продуманной политике памяти, без которой невозможно эффективное противостояние информационным атакам в современной гибридной войне цивилизаций.

Ключевые слова:

история, историческая политика, политика памяти, деидеологизация, фальсификации истории, гибридная война, внутренние угрозы, патриотизм, информационная безопасность, цивилизационный суверенитет

Процесс так называемой «деидеологизации» общества, в том числе отечественной и мировой истории, угрожает деградацией растущих на прозападной пропаганде поколений. Молодежь теряет историческую опору, чувства тепла, уважения, любви к Отечеству. Приходит в запустение институт преемственности поколений. Но отрицание государственной идеологии – это тоже идеология государства. А «свято место – пусто не бывает». И совершается чудовищная по своему цинизму подмена – на место истории наших собственных предков внедряется западоцентристская «общечеловеческая» история, в которой нам отводится отнюдь незавидная роль страны-изгоя, не желающей жить по «европейским» стандартам. К сожалению, эти стандарты в последнее время зашли так далеко, что пугают уже и самих их носителей.

Об этом, в том числе о «вестернизации культуры» как стратегической угрозе «утраты Россией культурного суверенитета» [13] и о том, что **«вопросы сохранения памяти о важнейших событиях нашего общего прошлого, недопущения попыток фальсификации истории, патриотического воспитания молодых людей всегда должны быть в фокусе нашего внимания»** [9], не раз в своих выступлениях говорил Президент России В.В. Путин. Наиболее жестко, по-солдатски, эту тему обозначил недавно на Всероссийском молодежном образовательном форуме «Территория смыслов» Министр обороны Российской Федерации генерал армии С.К. Шойгу, прямо назвав моральное разложение общества более опасным, чем внешние угрозы: «Но есть более страшная часть, она в последнее время ... приобретает или приобрела уже основную опасность для любой страны. Это внутренняя угроза. И все это связано с тем, что постепенно разлагается общество внутри страны» [15].

Необходимо понимать, что угрозы эти не стихийны и охватывают все большие слои общества. Самый худший враг – внутренний враг. Внешний – понятен, он не скрывает своих идеалов, целей, задач. Мы не раз подвергались военным угрозам. История знает результат нарушения наших границ. А вот **внутреннее разложение ведет не только к стратегическим срывам устойчивого развития страны [12], но и грозит полным распадом.** Такие примеры в истории известны во множестве (только за прошлый век Россия дважды переживала распад исторически сложившейся государственности и оказывалась на грани утраты своего цивилизационного суверенитета и культурной идентичности [3; 14]). Поэтому так важно, что уже именно Министр обороны России дал самую серьезную оценку сложившейся ситуации, показав на управляемость данного процесса извне. Специалисты знают, что на разрушение государственных идеологий работает не один десяток институтов, центров по всему миру, которые рекрутируют граждан информационно атакуемых стран и оплачивают специальные курсы, круглые столы, семинары, гранты... Разрабатывается «информационное оружие, которое внедряется и распространяется по нашей стране» [16].

В указанном контексте противостояния морально разлагающей общество информационной угрозе представленная к рецензированию книга «Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма» [6] исключительно актуальна, она ориентирована на обеспечение содержательного единства и преемственности требований в изучении истории и теории важнейших событий нашей Родины и должна стать хорошим подспорьем к программам патриотического воспитания молодежи, которые пытаются развернуть отечественное образование лицом к собственной великой истории, вернуть уважение и авторитет предков, переосмыслить главные события прошлого в контексте современного россияневедения [4]. Неслучайно необходимость адекватного обновления системы образования и воспитания

сегодня рассматривается как важнейший фактор обеспечения цивилизационной безопасности России [1]. На решение этой важнейшей задачи были направлены и государственные программы «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации».

Как результат политики возрождения традиционных российских духовно-нравственных ценностей, «у подрастающего поколения формируется достойное отношение к истории России. Происходит консолидация гражданского общества вокруг общих ценностей, формирующих фундамент государственности, таких как свобода и независимость России, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных и конфессиональных традиций, патриотизм» [6, с. 7].

Но для этого **нужна правильно организованная государством историческая политика, политика памяти, необходима постоянная борьба за защиту нашей истории** от фальсификаций, подмен, подрывающих живые корни общества и разлагающих его изнутри. И именно «Битва за историю», рассматриваемая как главное направление глобальной гибридной войны против России, является смыслообразующей осью рецензируемой книги, задает ей тон и определяет содержательное наполнение. Ее автор – российский историк, главный редактор известного активной научно-патриотической деятельностью и борьбой «за свою страну и за свой народ словом, письмом и делом» [7] сетевого издания «Наука. Общество. Оборона» В.Г. Кикнадзе. И в своей новой книге Кикнадзе, в частности, справедливо объединяет и актуализирует наиболее значимые факты, так или иначе связанные с историей Второй мировой войны, дает им принципиальные оценки (развивая «острые» темы, обозначенные в своей предыдущей книге, также посвященной защите исторической правды о ключевых событиях Великой Отечественной войны [5]).

Книга имеет продуманную и обоснованную структуру, которая хорошо интегрируется в целый комплекс социогуманитарных дисциплин, изучаемых как в силовых, так и в общегражданских учебных заведениях. Она состоит из предисловия, введения, трех глав, выступающих в качестве самостоятельных исследовательских программ, и заключения. Авторский текст дополнен стенограммой выступления Президента России В.В. Путина на неформальном саммите СНГ, посвященного идеологическому освещению предыстории Второй мировой войны и вклада Советского Союза в победу над фашизмом в Европе, под знаковым для всей книги заглавием, которое призвано определить главную направленность всей современной российской исторической политики: **«Обеспечить качество истории, ее правдивость, открытость и объективность»** [6, с. 692–713]. Издание также, несмотря на свой, по преимуществу, научно-популярный характер, снабжено обширным научно-библиографическим аппаратом – солидным списком источников и литературы [6, с. 654–691], списком терминов и сокращений [6, с. 714–723], именным [6, с. 724–735], предметно-тематическим [6, с. 736–771], географическим [6, с. 772–793] указателями.

Важно отметить, что уже авторское введение [6, с. 15–48] открывает глубокий анализ событий, нормативно-правовых актов, политических отношений, проливающих свет на значимость исторической политики и важных для понимания истории России и важнейших тем ее идеологического противостояния с евроатлантическим историко-политическим дискурсом. Автор четко формулирует преамбулу, связывающую современные мировые проблемы в единую систему. По его мнению, именно **«Великая Отечественная война – важнейшая и решающая часть Второй мировой войны – по праву считается одним из главных событий прошлого России, в которых судьба нашего Отечества была тесно сплетена с судьбой мира»** [6, с. 15]. Поэтому отношение к Великой Отечественной войне детерминирует отношение ко всей послевоенной истории. Ученый ясно определяет угрозы пересмотра результатов победы Советской/Красной армии, разоблачает попытки уничтожения роли СССР/России в победе над фашизмом, приводит основополагающие исторические документы, предсказывая последствия подобных фальсификаций. Анализируя способы искажения истории, систематизирует основные из них: использование недостоверных источников, распространение заведомо фальшивых документов, создание мифов, передергивание фактов, манипуляции сознанием, подмены понятий и смыслов. Цель их использования – отнять у подрастающих поколений России великое прошлое, изменить их представление о роли и месте своей Родины в победе над фашизмом, заставить стыдиться своей истории и своих предков, сформировать образ «отсталой» и «деформированной», по сравнению с «цивилизованными странами» Запада, страны-изгоя, занимающей периферийное место в мировом политическом процессе, но представляющей якобы угрозу всему «цивилизованному миру» в силу своих размеров и военно-стратегического потенциала.

Кикнадзе предоставляет значительный объем документов, доказывающих, что процесс фальсификации истории России носил и носит умышленный систематический характер, приводит документы, разоблачающие данные попытки, дающие официальную основу для успешного противодействия подобным явлениям; он точно улавливает опасность влияния результатов искажения истории России на сознание молодежи, указывая, что формирование важнейших ценностных, нравственных и духовных ориентиров молодежи – одна из основных задач государства [6, с. 47–48].

Первая глава книги [6, с. 49–136] посвящена анализу актуальнейшей проблемы современного общества: безопасности России в сфере распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма. Автор дает обстоятельную оценку проблеме защищенности государства и общества от различных форм девиации, показывает структуру правовой защищенности в обеспечении информационной безопасности в сфере распространения и пропаганды фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма. **Подчеркивается важность контроля государственных органов власти над СМИ, в части касающейся публикации информации, имеющей антиконституционный характер.** Дается принципиальная оценка фашизму, любым проявлениям нацизма и попыткам их героизации в мире.

Материал подтверждается официальными документами, реальными примерами отечественной истории. Особое внимание заслуженно уделяется анализу и выводам статистических данных, показывающих негативную тенденцию роста преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации [6, с. 49]. Представлены графики динамики преступлений, дана табличная форма оценки состояния конфликтности в регионах Российской Федерации по показателю «Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности на 100 тыс. населения» [6, с. 53].

Безусловно, **одной из целей экстремистских групп является вербовка подростков, молодежи, студентов. Поэтому автор уделяет большое внимание анализу вовлечения этих слоев в протестную политическую деятельность,** справедливо дифференцируя различные возрастные группы. Приводя результаты опросов, показывает, что большинство подростков индифферентны к политическим акциям, их участие носит случайный, хаотический характер. Основной костяк протестных движений составляют студенты, которые втягиваются в подобные акции из чувства солидарности, не разбираясь в тонкостях политических проблем. Чаще всего они даже не могут сформулировать идеи протеста. Этот факт еще раз доказывает **необходимость сознательного формирования молодежной идеологии, выработки и закрепления идеологии на официальном уровне.** Особое внимание необходимо уделять контролю за деятельностью десятков тысяч современных интернет-ресурсов, многие из которых несут реальную угрозу информационной безопасности российского государства и общества. Дискуссия по «проекту Яровой» с требованиями к операторам связи о сохранении переписки в течении определенного времени показала, что хотя проблема и затратна, и в определенной мере затрагивает личную жизнь граждан, но решение ее в правовых рамках необходимо в интересах национальной безопасности. Эти же проблемы, так или иначе, вынуждены решать силовые ведомства всех ведущих государств мира. Обсуждаются проблемы контроля и ограничения интернет-ресурсов и на международном уровне. Вопросов и путей решения данного вопроса много, но **«при наличии многочисленных недостатков, уже сегодня принятые Федеральные законы заставляют террористов и их пособников задуматься, что они будут преданы суду и понесут справедливое наказание»** [6, с. 69]. То же самое касается и вопросов ограничения СМИ. Сегодня они практически бесконтрольны. Уровень основных вещательных каналов, по «зоологичности» значительной части содержания и участников, можно сравнить с передачей «В мире животных». Любые попытки вмешательства власти и общества в разрушающую последнее деятельность телеканалов так называемой «либеральной общественностью» принимаются в штыки. Автор дает характеристику основным алгоритмам взаимодействия государственных органов и СМИ при выявлении экстремистских материалов на досудебном этапе взаимодействия [6, с. 73–77].

Особого внимания в современной информационно-психологической войне заслуживает проблема нацизма. Попытки его реабилитации в нынешнем геополитическом противостоянии России и Запада (включая его постсоветские сателлиты) приобретают все более гротескные формы, вводя в заблуждение неподготовленные к этому противостоянию молодые поколения. И это несмотря на огромное количество международных документов, осуждающих нацизм и любые формы его проявления. Все более ширятся попытки перекройки истории Второй мировой войны, обеления преступлений нацистов, их добровольных пособников и

международных союзников. К сожалению, наибольшего расцвета проблема восхваления нацизма достигла именно на постсоветском пространстве. **Отрицая советский период в целом, бывшие республики СССР вынуждены обелять и тех, кто поддерживал или участвовал в Великой Отечественной войне на стороне фашистской Германии.** Российская Федерация последовательно выступает за запрещение пропаганды нацистской символики и идей, ежегодно, начиная с 2005 г., вносит на рассмотрение генеральной Ассамблеи ООН проект резолюции «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» [6, с. 79]. Важным вкладом в борьбу с экстремизмом, нацизмом, терроризмом стало учреждение официального списка запрещенных в России организаций. В 2014 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации введена статья 354.1 «Реабилитация нацизма», которая запрещает оправдание или реабилитацию нацизма в любых его проявлениях. Увы, но сегодня эта проблема не только не утрачивает своей актуальности, но и становится все большей угрозой для России и всего человечества, о чем и предупреждает с фактами в руках автор рецензируемой книги.

Во второй ее главе [6, с. 137–316] представлен всесторонний анализ государственной политики в области защиты исторического наследия России на основе накопленного отечественного опыта организации информационно-идеологической работы. Показаны и ярко проиллюстрированы основные направления и вехи соответствующей деятельности в Российской империи, в Советском Союзе и в современной России. Отдельное внимание автор уделяет сложнейшим проблемам противодействия огромной машине фальсификаций истории Второй мировой и Советско-японской войны. Проанализировано и представлено огромное количество документов, восстанавливающих величие победы СССР над коллективным противником. Подчеркнута освободительная миссия Советского Союза и ее значение в восстановлении мира на планете и важность современной военно-исторической науки в сохранении наследия Великой Победы.

Ученый раскрывает суть приемов идеологической борьбы, в том числе на примере заведомо недобросовестного использования так называемых «исторических параллелей», когда вполне конкретные исторические факты подменяются «новыми» (фальшивыми) «открытиями» в результате вскрывшихся ранее неизвестных «фактов». Реальность этих «новых фактов» сомнению не подвергается. Этот прием активно используется в ведении информационной войны против России. «Последствия таких “исторических параллелей” вполне конкретны и материальны: **попытки реабилитации фашизма и подмены послевоенных реалий ведут к разрушению системы международных отношений, и как следствие – к обострению борьбы за передел мира**» [6, с. 137]. Направления решения подобных проблем прописаны в Стратегии национальной безопасности России. Автор проводит скрупулезный экскурс в историю опыта системного использования пропаганды как идеологического оружия в политических целях. Показывает истоки возникновения и этапы развития теорий информационно-пропагандистской деятельности в Российской империи. Не менее активно развивались вопросы идеологической пропаганды и в деятельности Красной армии. Для этого был создан аппарат специальной пропаганды, выполнявший задачу «средствами информационно-психологического воздействия облегчать и ускорять достижение победы. Специфическое свойство этого вида обеспечения – воздействие убеждением, словом правды, активное влияние на сознание» [6, с. 143].

Автор справедливо констатирует, что, к сожалению, в 1990-е гг. наработанные и испытанные временем национальные традиции, духовные ценности, скрепы патриотического воспитания – были отброшены. Вся идеологическая система СССР оказалась разрушена. Великая история предков, победы армии, флота, политические завоевания – были преданы забвению. «Богатейшая история нашей страны, ее армии и флота, несущая в себе огромный воспитательный потенциал, должным образом уже не использовались» [6, с. 157].

Ученый последовательно, на основе фактов, разрушает созданные антисоветские и русофобские мифы: о «равной» ответственности за начало Второй мировой войны, о «нарушениях международной безопасности» якобы в результате заключения Договора о ненападении с Германией, об «оккупации японских территорий», о «ложности» Освободительной миссии Советского Союза. При этом прилагается огромное количество документальных фактов, приводимых в приложениях к основному материалу.

Особое внимание уделено последствиям создающего «очередную угрозу информационной, общественной и государственной безопасности России» [6, с. 266] отказа от понятия «Освободительная миссия Советского

Союза во Второй мировой войне». Нельзя не согласиться с автором в том, что **«...целесообразно обратить внимание на неразрывную связь освободительного характера Великой Отечественной войны и освободительной миссии Советского Союза в Европе, на суть и содержание Освободительной миссии, значимость сохранения этого понятия для России»** [там же].

Важным условием обеспечения объективного отношения к истории является контроль за научными и диссертационными исследованиями и повышение требований к ним ВАК Минобрнауки РФ. Те же требования справедливо отнести к СМИ. Особенно это касается государственных средств массовой информации и коммуникации. Еще большее внимание необходимо уделять и образовательной деятельности. Значимую роль в этом процессе должны играть военно-исторические общества и институты, развитие военно-исторической науки [см.: 6, с. 276–294].

Третья, самая большая, глава посвящена систематизации документов, исторических фактов, первоисточников, раскрывающих правду «о Великой Отечественной, Советско-японской и Второй мировой войне» [6, с. 317–633]. Рассмотрены и дан исчерпывающий анализ основным спорным вопросам, а том числе таким как заключение «Пакта Молотова-Риббентропа» и т.п. Отдельное внимание уделено ученым подвигу советского народа не только на фронтах, но и в тылу. Ярко представлена и позиция автора в отношении руководства страны и роли И.В. Сталина в организации Победы над фашизмом.

Безусловно важным является обращение эксперта к одному из важнейших предвоенных документов – Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанный сторонами в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. Грамотно расставлены политические акценты данного соглашения, показаны роли и поведение основных игроков: Польши, Англии, Франции. Показано, что большинство заключаемых межкоалиционных деклараций и договоров были направлены на изоляцию Советского Союза. Развеивая миф об исключительности Договора о ненападении между СССР и Германией, ученый скрупулезно изучает международные договоры Германии и приводит досконально подтвержденные данные, показывающие реальное положение дел: **«В течении зимы-лета 1939 г. профашистский блок прирастает ежемесячно, а вместе с ним и угроза безопасности для Советского Союза и других государств.** К Антикоминтерновскому пакту присоединились Венгрия, Маньчжоу-го (обе в феврале), Испания (март); в марте Литва, подписав договор с Германией, передала ей Клайпедскую область; в апреле Италия оккупировала Албанию; 28 апреля Германия денонсировала англо-германское морское соглашение..., разорвала германо-польскую декларацию...; в мае Германия и Италия заключили Пакт о дружбе и союзе...; договора о ненападении с фашистской Германией подписывают Дания..., Латвия и Эстония...» [6, с. 323–324]. И далее приводятся сухие, но красноречивые цифры: В период с 1933 г. до момента подписания договора с Советским Союзом в августе 1939 г., фашистской Германией было заключено 14 договоров, в том числе 10 двусторонних с 12 государствами (из них 10 стран Европы). Некоторые страны, такие как Англия, Франция, Италия, заключили по несколько договоров [6, с. 324]. В таком геополитическом контексте у Советского Союза просто не было выбора. Каждое государство решало свои стратегические задачи безопасности. Попытки Советского руководства создать коллективную систему безопасности упирались в стену лицемерия и равнодушия со стороны стран Запада. Более того, нельзя не согласиться с мнением, что действия Англии и Франции ставили СССР не только под удар фашистской Германии, но и милитаристской Японии [6, с. 325].

Еще одним спорным историческим событием является расстрел польских офицеров-военнопленных в Катыни, в лесу под Смоленском в сентябре 1941 г. [6, с. 390–424]. Казалось бы, этот вопрос был снят в ходе работы Международного военного трибунала, выяснена роль министра пропаганды Третьего Рейха по вбросу «Катынского дела» в 1943 г. и осуждены действия истинных военных преступников. Данная версия и не подвергалась сомнению вплоть до 1953 г., когда США вновь подняли этот вопрос, и была создана специальная комиссия, которая пришла к выводу, что преступление в Катынском лесу совершил НКВД. К сожалению, в 1990-е гг. появились публикации и в России, поддерживающие геббельсовскую версию. Можно согласиться с Кикнадзе в том, что **«“Катынь”, в широком смысле этого слова, в настоящее время является инструментом гибридной войны, оружием разрушения целостности нашего сознания»** [6, с. 423].

Справедливое внимание ученый уделяет и болезненно острым проблемам «коллорабонализма». В советской традиции к людям, сотрудничавшим с нацистами, применяли понятия «предатель», «изменник», «пособник», «гитлеровский холуй». Эти понятия четко определяли статус человека и отношение к нему общества. К

сожалению, попытки обелить их, выдав за «жертв сталинского режима», подлинных «борцов за права и свободы», проявляются все чаще. Поэтому **важная задача историков – отстаивать историческую правду, донося ее до молодого поколения, вступающего в жизнь.** К сожалению, попытки реабилитации тех, кто в годы Великой Отечественной войны выступал на стороне нацистской Германии, очень распространены на постсоветском пространстве [6, с. 424–428].

Еще один миф, активно распространяемый до сих пор, – миф о «жестокости» и «мародерстве» Рабоче-Крестьянской Красной Армии. По этому поводу автор точно замечает, что «обвинять в жестокости советских воинов по отношению к населению освобождаемых стран по меньшей мере некорректно и бестактно, особенно, если вспомнить, что творили захватчики на советской земле» [6, с. 450]. Архивы полны документальных хроник о том, с каким ликованием встречали советских воинов в освобожденных странах. В.Г. Кикнадзе справедливо приводит слова Г.К. Жукова: «Честно говоря, пока шла война, я был полон решимости воздать сполна гитлеровцам за их жестокость. Но когда, разгромив врага, наши войска вступили в пределы Германии, мы сдержали свой гнев. **Наши убеждения и интернациональные чувства не позволили нам отдалиться мести**» [6, с. 451].

Большое внимание ученый уделяет и проблеме концентрационных лагерей Освенцим–Аушвиц, обращая внимание на недопустимость передергивания исторических фактов. До сих пор предпринимаются попытки приписать освобождение заключенных американской армии. И хотя все знают, что это ложь, американская и европейская политическая элита старается этого не замечать [6, с. 464–479].

А вот материальную помощь, оказанную в годы войны Советскому Союзу, западные союзники по ленд-лизу всячески преувеличивают и раздувают. Ученый, как всегда точно, приводит мнение непосредственного участника событий, ближайшего советника президента США Ф. Рузвельта, Г. Гопкинса, который писал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по Ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии» [6, с. 480].

Как названным, так и множеству оставшихся за пределами рецензии (в силу объективных ограничений ее по объему) мифам, посягающим на историческую правду, Кикнадзе на страницах своего фундаментального труда дает документально обоснованный ответ, достойно обороняющий нашу историю от многочисленных фальсификаций, злонамеренных искажений и лженаучных «новаций», защищающий массовое сознание, которое должно служить «фактором социальной стабильности», но, как учит история, в результате просчетов элит способно обратиться в «угрозу национальной безопасности» [8].

В заключении [6, с. 634–653] автор подводит итоги своего огромного труда и предлагает власти и экспертному сообществу России целый ряд конкретных предложений и рекомендаций по превентивации «рисков использования информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды экстремизма, терроризма и сепаратизма» [6, с. 636–638] и «информационного воздействия на население, имеющего целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества»; «противодействию фальсификации истории, совершенствованию исторической политики и политики памяти» [6, с. 638–643].

Сегодня, «в условиях глобального системного кризиса, ...дальнейшего обострения геополитического, духовно-ценностного и информационно-психологического противостояния цивилизаций и в контексте проблем сохранения цивилизационного суверенитета, культурной идентичности, социальной стабильности и национальной (общественной и государственной) безопасности России» [11, с. 204] (причем все глобальные бедствия последнего времени не только не отменили «противостояния цивилизаций и их блоков, но, напротив, сопровождаются со стороны коллективного Запада все более наглыми акциями вмешательства в суверенные дела России и ее стратегических партнеров, попытками новых цветных революций и эскалацией мировой гибридной войны на всех ее фронтах» [11, с. 205]) **такие книги исключительно актуальны, своевременны и востребованы**, они предлагают ответы на важнейшие вызовы современности. Эти ответы – не только о прошлом, они – о настоящем. И о будущем, сама возможность которого сейчас находится под угрозой.

«Нужно встать на плечи предков» [10, с. 52]. А если «не захотим, побоимся, вновь позволим нас ссорить с отцами – не видать нам процветающего Отечества!» [2; 6, с. 653].

Авторы настоящей рецензии выражают надежду, что эта книга ученого и патриота нашего Отечества В.Г. Кикнадзе вызовет интерес не только у профессиональных экспертов, занимающихся данной проблематикой, но, что вызывает особую надежду, и у молодого поколения, пытающегося разобраться в сложных перипетиях отечественной и мировой истории и политики, желающего опереться на историческую правду. И также не будет она обойдена вниманием со стороны власти и актуальных политических элит России, заинтересованных в продуманной политике памяти, без которой невозможно эффективное противостояние информационным атакам в современной гибридной войне цивилизаций.

Список литературы

1. Бельский В. Ю., Лепехин В. А. Модернизация системы образования как фактор обеспечения цивилизационной безопасности России. – Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 65–75.
2. Демуриин М. В. Важнейшее явление 2020 года – усиление тяги к правде об СССР. – [ИА REGNUM](#). 2020. 31 декабря.
3. Золкин А. Л. Цивилизационный суверенитет, культурная идентичность и этическая позиция. Москва: Шелест, 2021. – 308 с.
4. История СССР/РФ в контексте современного россиеведения / под ред. Е.И. Пивовара, А.Б. Безбородова. Москва: Проспект, 2011. – 400 с.
5. Кикнадзе В. Г. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Историческая правда о ключевых событиях и явлениях в вопросах и ответах. Москва: Прометей, 2020. – 198 с.
6. Кикнадзе В. Г. Российская политика защиты исторической правды и противодействия пропаганде фашизма, экстремизма и сепаратизма. Москва: Прометей, 2021. – 800 с.
7. Кикнадзе В. Г. Сетевое издание «Наука. Общество. Оборона»: пять лет работы за свою страну и за свой народ словом, письмом и делом (2013–2018 гг.). – Наука. Общество. Оборона. 2018. № 1(14). DOI: 10.24411/2311-1763-2018-00010.
8. [Марченя П. П. Массы и массовое сознание: фактор социальной стабильности или угроза национальной безопасности? Уроки истории русских революций](#). М.: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2017. – 123 с.
9. Путин призвал не допускать попыток фальсификации истории. – [РИА Новости](#). 2021. 1 июля.
10. Российский конституционализм: теоретические проекты и исторические реалии: Часть 2: Проблемы прошлого / В.Ю. Бельский и др. – Социально-гуманитарное обозрение. 2020. № 1. С. 44–64.
11. Россия и глобальный кризис современности: материалы межведомственного круглого стола / С.Р. Аблеев, В.В. Бабашкин, В.Ю. Бельский и др. – [Философские исследования современность](#): Вып. 10. Москва: ИПЛ, 2021. С. 202–255.
12. Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия / В.Ю. Бельский и др. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 2018. – 316 с.
13. Стратегия: «вестернизация» грозит России утратой культурного суверенитета. – [РИА Новости](#). 2021. 3 июля.
14. [Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С.Р. Аблеев, А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская, П.П. Марченя](#). Москва: Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя, 2018. – 213 с.
15. Шойгу назвал самой страшной угрозой разложение общества в стране. – [Известия](#). 2021. 10 августа.
16. Шойгу назвал страшнейшую угрозу человечеству. – [Вести.Ру](#). 2021. 10 августа.

Информация об авторах

Бельский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Председатель Бюро Московского отделения Российского философского общества, г. Москва, Российская Федерация.

Марченя Павел Петрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, автор и редактор научного проекта «Народ и власть», г. Москва, Российская Федерация.

Автор-корреспондент

Бельский Виталий Юрьевич, e-mail: v.belskiy@bk.ru

"It is necessary to stand on the shoulders of the ancestors"

**Kiknadze V. G. Russian policy of protecting historical truth
and countering the propaganda of fascism, extremism and separatism.
Moscow: Prometey, 2021. 800 s.**

Vitaliy Yu. Belskiy ¹ ✉, Pavel P. Marchenya ²

¹ *Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya,
Moscow, Russian Federation,
e-mail: v.belskiy@bk.ru*

² *Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8943-2640>, e-mail: marchenyap@gmail.com*

Abstract:

The book under review by Vladimir G. Kiknadze is viewed as an urgent response to the important challenges of our time related to the protection of historical truth, information security, cultural identity and civilizational sovereignty of Russia. The authors of the review express the hope that this work will arouse interest not only among professional experts, but also among the younger generation trying to understand the complex vicissitudes of Russian and world history and politics. And it will also not be ignored by the authorities and political elites of Russia, interested in a well-thought-out policy of memory, without which it is impossible to effectively resist information attacks in the modern hybrid war of civilizations.

Keywords:

history, historical politics, politics of memory, de-ideologization, falsification of history, hybrid war, internal threats, patriotism, information security, civilizational sovereignty

References

1. Belskiy V. Yu., Lepekhin V. A., 2021, Modernizatsiya sistemy obrazovaniya kak faktor obespecheniya tsivilizatsionnoy bezopasnosti Rossii [Modernization of the education system as a factor in ensuring the civilizational security of Russia]. – *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. 2021. № 3. S. 65–75. (In Russ.)
2. Demurin M. V., 2020, Vazhneysheye yavleniye 2020 goda – usileniye tyagi k pravde ob SSSR [The most important phenomenon of 2020 is an increase in craving for the truth about the USSR]. – *IA REGNUM*. 2020. 31 dekabrya. (In Russ.)
3. Zolkin A. L., 2021, *Tsivilizatsionnyy suverenitet, kul'turnaya identichnost' i eticheskaya pozitsiya* [Civilizational sovereignty, cultural identity and ethical position]. Moscow: Shelest, 2021. – 308 s. (In Russ.)
4. *Istoriya SSSR/RF v kontekste sovremennogo rossiyevedeniya* [History of the USSR / RF in the context of modern Russian studies] / ed. Ye.I. Pivovara, A.B. Bezborodova. Moscow: Prospekt, 2011. – 400 s. (In Russ.)
5. Kiknadze V. G., 2020, *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. Istoricheskaya pravda o klyuchevykh sobytiyakh i yavleniyakh v voprosakh i otvetakh* [Great Patriotic War of 1941–1945. Historical truth about key events and phenomena in questions and answers]. Moscow: Prometey, 2020. – 198 s. (In Russ.)
6. Kiknadze V. G., 2021, *Rossiyskaya politika zashchity istoricheskoy pravdy i protivodeystviya propagande fashizma, ekstremizma i separatizma* [Russian policy of protecting historical truth and countering the propaganda of fascism, extremism and separatism]. Moscow: Prometey, 2021. – 800 s. (In Russ.)
7. Kiknadze V. G., 2018, Setevoye izdaniye «Nauka. Obshchestvo. Oborona»: pyat' let raboty za svoyu stranu i za svoj narod slovom, pis'mom i delom (2013–2018 gg.) [Network edition “Science. Society. Defense”: five years of work for your country and for your people in word, letter and deed (2013–2018)]. – *Nauka. Obsestvo. Oborona*. 2018. №1(14). DOI: 10.24411/2311-1763-2018-00010. (In Russ.)
8. Marchenya P. P., 2017, *Massy i massovoye soznaniye: faktor sotsial'noy stabil'nosti ili ugroza natsional'noy bezopasnosti? Uroki istorii russkikh revolyutsiy* [Masses and mass consciousness: a factor of social stability or a threat to national security? Lessons from the history of Russian revolutions]. Moscow: Mosk. un-t MVD Rossii im. V.YA. Kikotya, 2017. – 123 s. (In Russ.)
9. Putin prizval ne dopuskat' popytok fal'sifikatsii istorii [Putin urged not to allow attempts to falsify history]. – *RIA Novosti*. 2021. 1 iyulya. (In Russ.)
10. Rossiyskiy konstitutsionalizm: teoreticheskiye proyekty i istoricheskiye realii: Chast' 2: Problemy proshlogo [Russian constitutionalism: theoretical projects and historical realities: Part 2: Problems of the past] / V.Yu.

- Belskiy i dr. – *Sotsial'no-gumanitarnoye obozreniye*. 2020. № 1. S. 44–64. (In Russ.)
11. Rossiya i global'nyy krizis sovremennosti: materialy mezhdvostvennogo kruglogo stola [Russia and the global crisis of our time: materials of an interdepartmental round table] / S.R. Ableyev, V.V. Babashkin, V.Yu. Belskiy i dr. – *Filosofskiy issledovaniya i sovremennost'*: Vyp. 10. Moscow: IPL, 2021. S. 202–255. (In Russ.)
  12. *Strategiya ustoychivogo razvitiya v kontekste politicheskikh protsessov XXI stoletiya* [Sustainable Development Strategy in the Context of Political Processes of the XXI Century] / V.Yu. Belskiy i dr. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. 2018. – 316 s. (In Russ.)
  13. Strategiya: «vesternizatsiya» grozit Rossii utratoy kul'turnogo suvereniteta [Strategy: "Westernization" threatens Russia with the loss of cultural sovereignty]. – *RIA Novosti*. 2021. 3 iyulya. (In Russ.)
  14. *Tsivilizatsionnyy suverenitet Rossii: problemy i diskussii* [Civilizational sovereignty of Russia: problems and discussions] / S.R. Ableyev, A.L. Zolkin, S.I. Kuz'minskaya, P.P. Marchenya. Moscow: Mosk. un-t MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2018. – 213 s. (In Russ.)
  15. Shoygu nazval samoy strashnoy ugrozoy razlozheniye obshchestva v strane [Shoigu called the decay of society in the country the most terrible threat]. – *Izvestiya*. 2021. 10 avgusta. (In Russ.)
  16. Shoygu nazval strashneyshuyu ugrozu chelovechestvu [Shoigu named the most terrible threat to humanity]. – *Vesti.Ru*. 2021. 10 avgusta. (In Russ.)

Information about the authors

Vitaly Yu. Belskiy, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, Chairman of the Bureau of the Moscow Branch of the Russian Philosophical Society, Moscow, Russian Federation.

Pavel P. Marchenya, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Deputy Head of the Department of Philosophy, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, author and editor of the scientific project "People and Power", Moscow, Russian Federation.

Corresponding author

Vitaly Yu. Belskiy, e-mail: v.belskiy@bk.ru

Наука. Общество. Оборона
2021. Т. 9. № 3

2311-1763
Online ISSN

Science. Society. Defense
2021. Vol. 9. № 3

Сетевое научное издание "Наука. Общество. Оборона"

*«Имей мужество
пользоваться своим умом»
Иммануил Кант*

«Наука. Общество. Оборона» – это рецензируемый научный журнал, в котором освещаются вопросы в области отечественной, всеобщей и военной истории, международных отношений и политики, состояния российской науки и российского общества, безопасности Российской Федерации и международной безопасности.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ([Перечень ВАК](#); исторические науки).

Миссия журнала – содействие развитию российского общества, его политической и исторической культуры. Журнал ориентирован на предоставление научной и информационно-аналитической помощи в решении проблем российской науки, в том числе военной науки и военно-исторической науки, обеспечении обороноспособности России, противодействию попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России. Один из главных критериев отбора авторов и материалов для журнала – актуальность идей и позитивная направленность на разрешение проблем современной России.

В журнале публикуются работы по следующим темам: объективная история; российское общество; мировая политика: история, теория и практика; международные отношения; проблемы войны и мира; миграционные процессы в глобальном мире; армия, власть и общество; общественная, государственная и военная безопасность России; философия науки; научные кадры; информационные технологии; история в лицах; история Великой Победы; воинское обучение и воспитание; патриотическое воспитание; искусство, спецслужбы, вооружение и военная техника, казачество: история и современность; здоровье нации.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи; обзоры, включая историографические; публикации о персоналиях; переводы статей, опубликованные в зарубежных журналах (при согласии правообладателя на перевод и публикацию); публикации документов и материалов личного происхождения, как исторических источников; научные сообщения; научные рецензии; научные отчеты; другие информационные материалы.

Издание входит в систему Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**)

- пятилетний импакт-фактор РИНЦ **0,253**
- **SCIENCE INDEX** по Истории - **37** место, по Военному делу - **2** место

Журнал прошел многомерный процесс оценки и индексируется в базе **ICI Journals Master List**

- Index Copernicus Value (**ICV**) - **92,64**

Издание **рецензируемое**, рецензии передаются с выпуском журнала в базу **НЭБ** (eLIBRARY)

Все статьи журнала находятся на сайте сетевого издания в **ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ**

Все выпуски также **в открытом доступе**:

- КиберЛенинка (CyberLeninka.ru)
- Index Copernicus International World of Journals

Статьи размещаются в Научной электронной библиотеке (eLIBRARY)

Обязательный экземпляр издания (каждый номер) регистрируется в ФГУП Научно-технический центр "Информрегистр" (Роскомнадзор)

Журнал представлен в базе East View Information Services

ISSN 2311-1763 Префикс DOI 10.24412/2311-1763 ранее - 10.24411/2311-1763 (2013-2020 гг.)

[Этика научных публикаций](#)

[Порядок направления, рецензирования и опубликования статей](#)

[Рубрики](#)

ВНИМАНИЕ!

24 февраля 2021 г. приказом Минобрнауки России утверждена новая Номенклатура научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. **Научные специальности, по которым журнал «Наука. Общество. Оборона» включен в Перечень ВАК** (Отечественная история; Всеобщая история), **НЕ претерпели изменений** (см. сравнительную [Таблицу](#)).

На основании письма ВАК при Минобрнауки России «О применении новой номенклатуры научных специальностей» (382-02 от 13 мая 2021 г.) редакция журнала «Наука. Общество. Оборона» **продолжает прием и публикацию научных статей по научным специальностям Отечественная история и Всеобщая история**, которые засчитываются как научные публикации соискателям ученых степеней в обычном порядке.

Network Journal Nauka. Obščestvo. Oborona

EDITOR-IN-CHIEF

[Vladimir G. Kiknadze](#)

«Have the courage
use your mind»
Immanuel Kant

Nauka. Obščestvo. Oborona = Science. Society. Defense is a peer-reviewed scientific journal, which highlights issues in the field of domestic (Russian), world and military history, international relations and politics, the state of Russian science and Russian society, the security of the Russian Federation and international security.

ISSN [2311-1763](#) (Online) DOI 10.24412/2311-1763 *previous to (2013-2020)* - 10.24411/2311-1763

The Journal's mission is to support the promotion of Russian society, its political and historical culture. The Journal is focused on providing scientific and informational and analytical assistance in solving the problems of Russian science, including military science and military-historical science, ensuring Russia's defense capability, countering attempts to falsify and distorting history to the detriment of Russia's interests. One of the main criteria for the selection of authors and materials for the Journal is the relevance of ideas and a positive focus on resolving the problems of modern Russia.

The Journal publishes works on the following topics: objective history; Russian society; world politics: history, theory and practice; international relationships; problems of War and Peace; migration processes in the global world; army, power and society; public, state and military security of Russia; philosophy of science; scientific personnel; Information technology; story in faces; history of the Great Victory; military training and education; patriotic education; art, special services, weapons and military equipment, Cossacks: history and modernity; health of the Russian nation.

The Journal accepts for publication original articles; reviews, including historiographic; publications about personalities; translations of articles published in foreign journals (with the consent of the copyright holder for translation and publication); publication of documents and materials of personal origin as historical sources; scientific reports; scientific reviews; scientific reports; other informational materials.

The publication is included in the **Russian Index of Scientific Citation (RSCI)**

SCIENCE INDEX rating on "History. Historical sciences" - **37th place**, on "Military affairs" - **2th place**

Journal has passed the evaluation process positively and is indexed in the **ICI Journals Master List**

- Index Copernicus Value (ICV) - **92,64**

The Journal is **peer-reviewed**, reviews are submitted with the release of the Journal to the NEB database (eLIBRARY)

All articles of the Journal are on the website of the online publication in **OPEN ACCESS** under the [Creative Commons Attribution International License](#) (CC BY)

The full text of the articles in OPEN ACCESS :

- CyberLeninka ([CyberLeninka.ru](#))
- [Index Copernicus International World of Journals](#)

Journal in library services and databases [East View Information Services](#)

Articles are placed in the Scientific Electronic Library ([eLIBRARY](#)).

Obligatory copy of the publication is registered in the Federal State Unitary Enterprise Scientific and Technical Center "[Informregister](#)".

Редакционная коллегия

Кикнадзе Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, кандидат военных наук, доцент, член-корреспондент Российской академии ракетных и артиллерийских наук ([РА РАН](#)), член Ассоциации научных редакторов и издателей ([АНРИ](#)), член Европейской Ассоциации научных редакторов ([EASE](#)), член Ассоциации Комитас Гентиум Франция Россия ([CGFR](#)), эксперт Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Минобрнауки России по истории (2016-2018), действительный член Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия), главный редактор сетевого издания "Наука. Общество. Оборона" (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4574-4778](#); SCOPUS id: 38261777700; AuthorID: [496422](#)

Балтовский Леонид Васильевич – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-7154-787X](#); SCOPUS id: 55801946800; AuthorID: [268264](#)

Войтиков Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором выявления архивных документов и подготовки документальных публикаций Центрального государственного архива города Москвы (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4226-7283](#); AuthorID: [513310](#)

Галас Марина Леонидовна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-1523-8287](#); SCOPUS id: 57203781525; AuthorID: [293892](#)

Денисова Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация), профессор Университета Малайя (г. Куала Лумпур, Малайзия); SCOPUS id: 55602183600; AuthorID: [310324](#)

Живанович Милана – доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии (г. Белград, Республика Сербия); SCOPUS id: 57218949240, AuthorID: [1112801](#)

Золотарев Владимир Антонович – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Президент Ассоциации историков Второй мировой войны (Москва, Российская Федерация); SCOPUS id: 55789241600; AuthorID: [76751](#)

Клемешев Андрей Павлович – доктор политических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, президент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (г. Калининград, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-6343-3263](#); SCOPUS id: 56322656400; AuthorID: [250687](#)

Комплеев Антон Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории политики, заместитель декана факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-4069-6845](#); AuthorID: [492026](#)

Кретинин Геннадий Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Балтийского федерального университета им. И.Канта (г. Калининград, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-0730-0826](#); SCOPUS id: 6506945862; AuthorID: [162295](#)

Куманев Георгий Александрович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор Центра военной истории Института Российской истории РАН (Москва, Российская Федерация, 2013-2018); ORCID id: [0000-0002-3399-3366](#); AuthorID: [73622](#)

Лапина Ирина Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); AuthorID: [364829](#)

Лосев Денис Евгеньевич – кандидат военных наук, доцент, капитан 2 ранга, доцент кафедры тактики Балтийского военно-морского института им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Калининград, Российская Федерация)

Петросян Владимир Николаевич – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова" (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 2013-2018)

Пляскин Владислав Петрович – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [410084](#)

Римашевский Адам Адамович – доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, Заслуженный военный специалист, Лауреат Премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор ВУНЦ ВМФ "Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова" (Санкт-Петербург, Российская Федерация, 2013-2018)

Романько Олег Валентинович – доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-9898-8560](#); SCOPUS id: 57205585692; AuthorID: [495163](#)

Рукавишников Евгений Николаевич – доктор военных наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Балтийского военно-морского института им. Адмирала Ф.Ф. Ушакова (Калининград, Российская Федерация); AuthorID: [507573](#)

Селезнев Павел Сергеевич – доктор политических наук, доцент, заместитель директора по персоналу, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-5439-8630](#); SCOPUS id: 57205759930; AuthorID: [518938](#)

Сивков Константин Валентинович – доктор военных наук, действительный член Российской академии ракетных и артиллерийских наук (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0002-2842-5145](#); AuthorID: [564584](#)

Соклаков Александр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и общенаучных дисциплин Военного института (общевойсковой) ВУНЦ Сухопутных войск "Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации" (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-3194-3637](#); AuthorID: [439549](#)

Стрелец Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор Брестского государственного технического университета (Республика Беларусь, г. Брест); AuthorID: [508431](#)

Таньшина Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0001-7373-592X](#); AuthorID: [447995](#)

Тороп Валерия Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского института открытого образования (Москва, Российская Федерация); ORCID id: [0000-0003-4328-4915](#); AuthorID: [453303](#)

Форрест Алан (Alan Iain Forrest) – профессор Университета Йорка, директор Центра изучения XVIII века, президент Международной комиссии по Французской революции (Великобритания, г. Йорк)

Фретине Жан-Ив (Frétigné Jean-Ives) – PhD (история), доцент, Университет Руана, Президент Общества французских исследований Рисорджименто (Франция, Нормандия, г. Руан); SCOPUS id: 36711746700

Чумиков Александр Николаевич – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [475501](#)

Шантеран Давид (David Chanteranne) – историк, журналист и общественный деятель, главный редактор журналов «Наполеоновская память» (Souvenir napoléonien), «Наполеон I», «Наполеон III», «Версаль и Париж, от Лютеции до сегодняшнего дня», главный редактор «Groupe de Presse Michel Hommel», преподаватель в Университете Париж-4 Сорбонна, вице-президент Гран-при «История Парижа» (Histoire de Paris) (Франция, г. Париж)

Шель Вячеслав Вячеславович – кандидат военных наук, полковник, начальник научно-исследовательского отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, заместитель главного редактора сетевого издания "Наука. Общество. Оборона" (Москва, Российская Федерация); AuthorID: [974023](#)

Editorial board

Journal Nauka. Obšestvo. Oborona

Vladimir G. Kiknadze - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences ([RAMAS](#)), Member The European Association of Science Editors ([EASE](#)), Academician of the European Academy of Natural Sciences (Germany), Member Association Comitas Gentium France Russie ([CGFR](#)), Member Association of science editors and publishers ([ASEP](#)), Member of the Society for the Study of the History of Russian Special Services, Professor at the Academy of Military Sciences, Editor-in-Chief of the Journal "Science. Society. Defense" (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4574-4778](#); SCOPUS id: 38261777700; AuthorID: [496422](#)

Leonid V. Baltovsky - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy of the St. Petersburg State University of Architecture and Construction (St. Petersburg, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0001-7154-787X](#); SCOPUS id: 55801946800; AuthorID: [268264](#)

Sergey S. Voitkov - Candidate of Historical Sciences, Chief Specialist of the Central State Archives of Moscow (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4226-7283](#); AuthorID: [513310](#)

Marina L. Galas - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-1523-8287](#); SCOPUS id: 57203781525; AuthorID: [293892](#)

Tatyana A. Denisova - Candidate of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor of the University of Malaya (Kuala Lumpur, Malaysia),
SCOPUS id: 55602183600; AuthorID: [310324](#)

Milana Živanović - PhD in History, Research Associate at the Institute for Recent History of Serbia (Belgrade, Republic of Serbia),
SCOPUS id: 57218949240; AuthorID: [1112801](#)

Vladimir A. Zolotarev - Doctor of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the Association of Historians of the Second World War (Moscow, Russian Federation),
SCOPUS id: 55789241600; AuthorID: [76751](#)

Andrey P. Klemeshev - Doctor of Political Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of Russia, President of the Baltic Federal University Immanuel Kant (Kaliningrad, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-6343-3263](#); SCOPUS id: 56322656400; AuthorID: [250687](#)

Anton V. Complev - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Deputy Dean of the Department of Political Science, Moscow State University Lomonosov (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0002-4069-6845](#); AuthorID: [492026](#)

Gennadiy V. Kretinin - Doctor of History, Professor, Professor of the Department of History of the Baltic Federal University. I.Kanta (Kaliningrad, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-0730-0826](#); SCOPUS id: 6506945862; AuthorID: [162295](#)

Georgy A. Kumanev - Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Military History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation, 2013-2018),

ORCID id: [0000-0002-3399-3366](https://orcid.org/0000-0002-3399-3366); AuthorID: [73622](#)

Irina Y. Lapina - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy of the St. Petersburg State University of Architecture and Construction (St. Petersburg, Russian Federation),

AuthorID: [364829](#)

Denis E. Losev - Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Captain 2nd Rank, Associate Professor, Department of Tactics, Baltic Naval Institute. Admiral F.F. Ushakova (Kaliningrad, Russian Federation)

Vladimir N. Petrosyan - Candidate of Military Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Wars and Military Art of the Naval Forces of the Navy "Naval Academy named after the Admiral of the Fleet of the Soviet Union NG Kuznetsov" (St. Petersburg, Russian Federation, 2013-2018)

Vladislav P. Plyaskin - doctor of historical sciences, professor, senior researcher of the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces (Moscow, Russian Federation),

AuthorID: [410084](#)

Adam A. Rimashevsky - Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Honored Military Specialist, Laureate of the RF Government Prize in Science and Technology, Professor of the Naval Academy of the Navy Admiral of the Fleet of the Soviet Union NG Kuznetsov (St. Petersburg, Russian Federation, 2013-2018)

Oleg V. Romanko - Doctor of Historical Sciences, Professor of the Crimean Federal University V.I. Vernadsky (Simferopol, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0001-9898-8560](https://orcid.org/0000-0001-9898-8560); SCOPUS id: 57205585692; AuthorID: [495163](#)

Evgeny N. Rukavishnikov - Doctor of Military Sciences, Professor, professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines of the Baltic Naval Institute. Admiral F.F. Ushakova (Kaliningrad, Russian Federation),

AuthorID: [507573](#)

Pavel S. Seleznev - Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Personnel, Associate Professor Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0001-5439-8630](https://orcid.org/0000-0001-5439-8630); SCOPUS id: 57205759930; AuthorID: [518938](#)

Konstantin V. Sivkov - Doctor of Military Sciences, Academician of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences, a columnist for the newspaper Military-Industrial Courier (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0002-2842-5145](https://orcid.org/0000-0002-2842-5145); AuthorID: [564584](#)

Alexander Y. Soklakov - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanitarian and General Scientific Disciplines of the Military Institute (Combined Arms) VUNTS of the Ground Forces "Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation" (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0003-3194-3637](https://orcid.org/0000-0003-3194-3637); AuthorID: [439549](#)

Mikhail V. Strelets - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Brest State Technical University (Republic of Belarus, Brest),

AuthorID: [508431](#)

Natalia P. Tanshina - Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Leading Researcher, Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies, Faculty of History, State Academic University of Humanities; Professor, Department of New and Newest History, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation),

ORCID id: [0000-0001-7373-592X](https://orcid.org/0000-0001-7373-592X); AuthorID: [447995](#)

Valeria V. Torop - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Moscow Institute of Open Education (Moscow, Russian Federation),
ORCID id: [0000-0003-4328-4915](https://orcid.org/0000-0003-4328-4915); AuthorID: [453303](#)

Alan Forrest (Alan Iain Forrest) - Professor at the University of York, Director of the Center for the Study of the XVIII century, President of the International Commission for the French Revolution (United Kingdom, York)

Jean-Ives Fretine (Frétigné Jean-Ives) - PhD (history), Assistant Professor, University of Rouen, President of the Society for French Studies Risorgimento (France, Normandy, Rouen),
SCOPUS id: 36711746700

Alexander N. Chumikov - Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Researcher of the Center for Regional Sociology and Conflictology, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [475501](#)

David Chanteranne - historian, journalist and public figure, editor-in-chief of Napoleon's Memory magazine (Souvenir napoléonien), Napoleon I, Napoleon III, Versailles and Paris, from Lutetia to today, editor-in-chief Groupe de Presse Michel Hommel", lecturer at the University of Paris-4 Sorbonne, vice-president of the Grand Prix "History of Paris "(Histoire de Paris) (France, Paris)

Vyacheslav V. Shel - Candidate of Military Sciences, Colonel, Head of the Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Deputy Editor-in-Chief of the Internet publication Science and Society Defense (Moscow, Russian Federation),
AuthorID: [974023](#)

Современная Россия

Общество России: история и современность

Патриотическое воспитание

Общественная и государственная безопасность

Историческая политика

Армия, власть и общество

Здоровье нации

Международные отношения

Мировая политика: история, теория и практика

Миграционные процессы в глобальном мире

Проблемы войны и мира

Военная безопасность

Воинское обучение и воспитание

Вооружение и военная техника: история и современность

Спецслужбы: история и современность

Философия науки

Научные кадры

История экономической мысли

Информационные технологии: наука и практика

Объективная история

История в лицах

История Великой Победы

Историография

История верований, религий и церквей

История казачества

Искусство: история и современность

Работы молодых ученых

Современная Россия

Общество России: история и современность

Патриотическое воспитание

Общественная и государственная безопасность

Историческая политика

Армия, власть и общество

Здоровье нации

Международные отношения

Мировая политика: история, теория и практика

Миграционные процессы в глобальном мире

Проблемы войны и мира

Военная безопасность

Воинское обучение и воспитание

Вооружение и военная техника: история и современность

Спецслужбы: история и современность

Философия науки

Научные кадры

История экономической мысли

Информационные технологии: наука и практика

Объективная история

История в лицах

История Великой Победы

Историография

История верований, религий и церквей

История казачества

Искусство: история и современность

Работы молодых ученых

Сетевое издание "Наука. Общество. Оборона"

Свидетельство о регистрации

Сайт является средством массовой информации

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-53538 от 04 апреля 2013 г. Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта в ИТС Интернет: NOO-JOURNAL.RU

Договор с Научной электронной библиотекой (eLIBRARY)
№ 320-05/2013 от 27.05.2013 г.

ISSN [2311-1763](#)   **Префикс DOI 10.24411/2311-1763**

Примерная тематика и (или) специализация: образовательная, культурно-просветительская в области организации научной деятельности, публикации результатов исследований, развития российского общества, его политической культуры, проблем военной науки и обороноспособности России, отечественной истории, военной истории, противодействия попыткам фальсификации и искажению истории в ущерб интересам России, реклама в соответствии с законодательством Российской Федерации о рекламе

Учредитель: [Кикнадзе Владимир Георгиевич](#)

Главный редактор: Кикнадзе В.Г.

Адрес редакции: 125445, Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Тел.: +7(926)336-72-58

Издатель: Сетевое издание "Наука. Общество. Оборона"

Адрес издательства: 125445, Москва, ул. Левобережная, д. 4, корп. 12, кв. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ([Перечень ВАК](#); исторические науки)

Network Journal "Nauka. Obshchestvo. Oborona"

Registration certificate

The Site is a Mass Medium.

Certificate of **registration** of the mass media: EI No. FS77-53538 dated April 4, 2013 of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

The domain name of the site in the ITS **Internet**: NOO-JOURNAL.RU

Contract with the **Scientific Electronic Library** (eLIBRARY)
No. 320-05 / 2013 of 27/05/2013.

ISSN 2311-1763 (Online) **DOI** 10.24411/2311-1763

Approximate subjects and (or) specialization: educational, cultural and educational in the field of organization of scientific activities, publication of research results, development of Russian society, its political culture, problems of military science and defense of Russia, domestic history, military history, countering attempts to falsify and distort history to the detriment of Russia's interests, advertising in accordance with the legislation of the Russian Federation on advertising.

Founder: [Vladimir G. Kiknadze](#)

Editor-in-Chief: Vladimir G. Kiknadze

Address of the editorial office:

125445, Moscow, st. Levoberezhnaya, 4, bldg. 12, apt. 32

E-mail: kiknadzevg@mail.ru; kiknadzevg@gmail.com

Тел.: +7(926)336-72-58